

A romantic close-up of a couple about to kiss. The man is in the foreground, looking up at the woman. A bright, glowing light emanates from the point where their faces are close together, creating a soft, ethereal atmosphere. The woman's hair is dark and voluminous, framing the scene.

КЕРРИ УИЛЬЯМС

НИКОГДА
НЕ ПРОЩАЙСЯ

ПАРНИ ИЗ ОЛБАНИ #1

Annotation

Если бы у вас был шанс быть вместе с родной вам душой, боролись ли бы вы за него? Иногда самое трудное не в том, чтобы найти любовь, а в том, чтобы бороться за свою жизнь, когда стрелки часов тикают в обратном направлении.

Преследуемая предчувствием своей болезни, семнадцатилетняя Харпер Кеннеди пытается начать новую жизнь в городе Олбани, штат Миссури. Когда время обращается против нее и становится тикающей бомбой, когда она окружена миллионом вопросов, когда её отец и брат закрываются в своей собственной скорлупе, она пытается устроить их жизнь, осознавая, что вскоре может покинуть их. Но судьба жестока к ней и решила сыграть злую шутку, послав ей искушение в лице Вона Кэмпбелла. Вон добрый, милый и явно не подходит ей во многом. Неужели Харпер нашла любовь лишь для того, чтобы так быстро расстаться с ней? Как она может заставить Вона пройти вновь всю череду потерь, которые он уже пережил? Вправе ли она? Вон Кэмпбелл побывал в аду, когда потерял свою мать. Он видел, как болезнь заживо съедает тех, кого он любит... Видел, как они покидают его. Он не верил, что кто-то способен озарить его жизнь, пока не встретил Харпер — изящную девушку, несущуюся по танцполу, которая навсегда похитила частичку его сердца. Поэтому Харпер должна бороться не только за собственную жизнь, но и за жизнь своего маленького брата, отца и Вона, который вселил в нее желание жить дальше.

- • • • •

- “Никогда не прощайся” Керри Уильямс**
 Название: "Никогда не прощайся"
 Автор: Керри Уильямс
 Серия: "Парни из Олбани" #1
 Перевод : Nenaglyada, Melinda01, 90210papa, KerKar, Internal,
 AlexandraSin, Rachel_Grace, VeraNorthman, Fluorit, Bortsova
 Редактура: Анна Кривоносова, Анастасия Иванова, Лера Хартанович
 Сверка: Internal, Marteira
 Вычитка: Анастасия Иванова
 Переведено специально для группы https://vk.com/books_25
**Копировать материал без указания переводчиков и редакторов
 запрещено! Давайте уважать чужой труд!**
Аннотация:
 Если бы у вас был шанс быть вместе с родной вам душой, боролись ли

бы вы за него?

Иногда самое трудное не в том, чтобы найти любовь, а в том, чтобы бороться за свою жизнь, когда стрелки часов тикают в обратном направлении.

Преследуемая предчувствием своей болезни, семнадцатилетняя Харпер Кеннеди пытается начать новую жизнь в городе Олбани, штат Миссури. Когда время обращается против нее и становится тикающей бомбой, когда она окружена миллионом вопросов, когда её отец и брат закрываются в своей собственной скорлупе, она пытается устроить их жизнь, осознавая, что вскоре может покинуть их.

Но судьба жестока к ней и решила сыграть злую шутку, послав ей искушение в лице Вона Кэмпбелла. Вон добрый, милый и явно не подходит ей во многом. Неужели Харпер нашла любовь лишь для того, чтобы так быстро расстаться с ней? Как она может заставить Вона пройти вновь всю череду потерь, которые он уже пережил? Вправе ли она?

Вон Кэмпбелл побывал в аду, когда потерял свою мать. Он видел, как болезнь заживо съедает тех, кого он любит... Видел, как они покидают его. Он не верил, что кто-то способен озарить его жизнь, пока не встретил Харпер — изящную девушку, несущуюся по танцполу, которая навсегда похитила частичку его сердца. Поэтому Харпер должна бороться не только за собственную жизнь, но и за жизнь своего маленького брата, отца и Вона, который вселил в нее желание жить дальше.

Посвящение

Чейзу, маленькому воину Олбани.

Обращение к читателю

Кто-то может сказать, что я не должна быть живой сегодня... мне нравится думать, что я нахожусь именно там, где должна!

Я — выжившая после рака. Очень удачливая и благодарная выжившая. Я тяжело сражалась и пережила больше, чем большинство подростков. Надеюсь, что сумела отразить свои эмоции в истории Харпер. Но сначала позвольте рассказать о моем сражении против неходжкинской лимфомы.

Я была типичным подростком одиннадцати лет, только пошла в старшую школу и начала заглядываться на мальчиков.

Я любила бегать, и однажды во время забега у меня заболело в паху.

Ничего необычного для бегуна, у которого плохи дела с растяжкой, поэтому я решила, что это растяжение. Я долго ходила простуженной, как и все нормальные дети в горах, но что было ненормальным, так это шишка у меня в паху. В одиннадцать я не знала, что ее там быть не должно. Я думала, что это просто железа, не больше. Я сильно ошибалась.

Я неделями жила простудами и антибиотиками; мы с детьми проходили через это каждую зиму. Единственное отличие было в том, что это была не просто простуда.

В последний визит к доктору, он выписал мне более сильные антибиотики и спросил, есть ли еще что-то, что меня беспокоит, и тогда я сказала три страшных слова: «у меня болит лимфоузел».

Можете представить, как переглянулись доктор и мама. С той секунды события потекли быстро и довольно пугающе. Через пару часов меня забрали на ультразвук, а затем сразу в госпиталь. Я даже не успела зайти домой и захватить с собой пижаму, книжку или что-нибудь в этом роде. На следующий день меня направили в Кэмпбеллтаунскую детскую больницу для дальнейшего обследования. Четыре осмотра и множество иголок, которые позже лежали рядом на холодной твердой больничной койке. Я помню, как отец зашел ко мне в палату: он плакал, а его глаза были налиты кровью. Тогда я узнала, что мне осталось две недели.

Ваши шансы не могли быть ещё дерьмовее.

Сейчас я плачу, вспоминая об отце. О родителях, которым было очень больно. Будучи матерью сейчас, это воспринимается еще хуже, чем когда я проходила через все сама.

Не знаю, почему, но меня направили на интенсивную химиотерапию. Возможно, отрицая очевидное, я не знаю. Сейчас это не важно, потому что так они спасли мою жизнь.

Пройдя через бесконечные дни болезни, я почувствовала себя больной лишь, когда зашла в больницу, ведь это было только в моей голове. Но скажите об этом одиннадцатилетнему ребенку. Спустя годы от больничного запаха меня по-прежнему тошнит. Осмотры, иглы, доктора и медсестры. День за днем. Таковой была моя жизнь, таким был мой кошмар. Но, знаете, что больше всего меня ранило? Потеря волос.

Пфф, звучит глупо, да? Но представьте, как девчушка-подросток с длинными каштановыми волосами, которая привлекала мальчиков, превращается в умирающую безволосую девочку. Да, я пыталась успеть сделать что-то до того, как моё время кончится, но на самом деле вот, кем я была... девочкой, сражающейся за то, чтобы быть хоть чуточку нормальной.

К слову, я разбивала часы вдребезги. С тех пор у меня осталась парочка шрамов, но я до сих пор разбиваю их. Я даже показала всем специалистам своих двух замечательных дочек после того, как они сказали, что у меня никогда не будет детей. Муж думает, что он супермен. Я ему разрешаю.

Он — это совсем другая история, он — мой Вон. Я встретила Майкла в шестнадцать на вечеринке, и давайте на этом остановимся. С тех самых пор мы воплощали мечты в реальность. Его не волновали шансы, болезнь или бесплодность, он хотел меня. Он любил меня. И вот я здесь, окруженная любовью, свободная от болезни и использующая все эти мысли для написания книги. Здесь мое сражение против монстра и спасение в любви.

Когда я писала эту книгу, я встретила замечательного мальчика, сражающегося со своим собственным монстром, и его нуждающуюся в помощи семью. Поэтому 10% получаемых доходов я отдаю Чейзу и его родным. Его историю я разместила после своей. Покажите ему свою любовь так же, как и мне.

Надеюсь, вам понравится моя история. Жду ваших комментариев и отзывов.

*С любовью,
Кез.*

Чейз

Чейз Майкл Стаксбери родился шестого октября две тысячи седьмого года. Весил пять фунтов десять унций. Он родился на семь недель раньше и был направлен в Детский Госпиталь Милосердия, где свои первые пять дней прожил на искусственной вентиляции лёгких. На пятый день мать, наконец, смогла взять его на руки. А на десятый день он, наконец, отправился домой.

Чейз был счастливым, здоровым и активным малышом, хоть и немного мал для своего возраста. В два года он вместе со старшими братьями подхватил «свиной грипп». Джеффри и Трею стало лучше через две недели, а Чейз все еще продолжал бороться с жаром. В одну ноябрьскую субботу Чейз проснулся лишенным возможности ходить и все с той же высокой температурой. После принятия лекарств и отдыха ему стало легче. На следующий день, он не мог сделать абсолютно ничего. Его забрали в городскую больницу и лечили от пневмонии. Спустя три дня Чейзу стало хуже. Его врач, доктор Анджелиа Мартин, провела множество анализов.

Мама Чейза, Тера, и её подруга, Миранда Флойд, сидели в ожидании. Анализы выявили несколько возможных диагнозов: ревматоидный артрит или лейкемия. Он был направлен в небольшую больницу, пока доктор Мартин советовалась с коллегами из Детского Госпиталя Милосердия. Вскоре Чейз был направлен туда для подробного обследования.

Обследование обнаружило опухоль в области надпочечной железы, позвоночника и множество микроскопических новообразований, захвативших его маленькое тело. Диагноз — нейробластома — редкое заболевание, в ходе которого твердая опухоль (вздутие или новообразование, которое вызвано неконтролируемым или аномальным ростом клеток) образуется особыми нервными клетками, называемыми нейробластами. В нормальных условиях, молодые клетки вырастают и становятся действующими нервными клетками. Однако нейробластома превращает их в раковые клетки.

Прибыли доктор Аллен Гэмис и медсестра Джой Бартоломью. Они должны были наблюдать мальчика во время лечения химиотерапией.

В течение следующих нескольких месяцев Чейз перенес анализ и трансплантацию стволовых клеток, химиотерапию, инъекции ГКСФ, излучение, операции. Все это вызвало множество путешествий в Канзас из Олбани на машине скорой помощи.

На день матери в две тысячи десятом Тера получила самый лучший подарок: Чейз выздоровел. В феврале две тысячи одиннадцатого он находился в стадии ремиссии.

Он вел здоровую и активную жизнь до пятнадцатого мая две тысячи тринадцатого года, когда у него снова появились проблемы с походкой. Это случилось буквально за одну ночь! Ему диагностировали четвертую стадию рецидивной нейробластомы с новообразованиями на спине и в костном мозге. Он немедленно вернулся к химиотерапии. Он придерживался одной конкретной схемы лечения в течение двух месяцев. Дальнейшие тесты показали, что его рак не реагирует на химиотерапию. Он начал новый химио-режим и должен будет пройти тест через два месяца, чтобы увидеть результат.

* * *

Несложно догадаться, почему я прониклась этим мальчиком и мне нужно поделиться с ним доходом от этого романа.

Пожалуйста, расскажите друзьям и обнимите своих детей. Некоторые семьи не так удачливы, как моя и, надеюсь, Чейза.

Глава 1: Встреча

«Все перемены, даже самые долгожданные, несут в себе меланхолию; то, что мы оставляем в прошлом, все равно остается нашей частью; мы должны умереть в одной жизни, чтобы перейти в другую».

Анатоль Франс

Харпер

Некоторые люди принимают перемены естественно, а некоторые, словно девочка-скаут, которую заставляют участвовать в чемпионате боевых искусств. Я и есть такая девчонка собственной персоной и сейчас меня бьют по лицу, рукам, ногам, груди... ах, черт, почему бы не принять это... Я в полном изнеможении. Достаточно с меня перемен. Достаточно.

Я ухмылялась тому, как глупо эти слова звучат в моей голове — кого я в действительности обманывала? Перемены — это все, что осталось в моей жизни... моей короткой, не такой насыщенной жизни.

* * *

У меня оставалось ровно сорок три минуты до того момента, когда моя кухня ворвется в комнату с дикими визгами, словно сирена воздушной тревоги, и всё из-за отсутствия у меня стиля. Не поймите превратно, есть у меня стиль, только он отличается от стиля моей кухни. Господи, это была просто вечеринка у бассейна, но она всё равно стала бы на меня наезжать. Я знала ее лучше, чем большинство своих старых друзей, что совершенно ненормально, учитывая, что мы были знакомы с Эйприл всего неделю. Тем не менее, существует такой тип людей, о которых ты знаешь все с момента вашего первого разговора и Эйприл была одной из них.

По этой причине пока я рассматривала себя в зеркало в своей новой комнате, которая была лишена всех индивидуальных особенностей, Эйприл мысленно «заставляла» меня снять юбку. Я же одёргивала эту богемную юбку, рассматривая себя в синем бикини. Мои волосы золотой косой лежали на плече. И я понимала, что лучше переодеться.

Стоило мне задержать пальцы на поясе, как в двери комнаты ворвалась Эйприл. Она выглядела, как модель, в своем очень маленьком купальнике. Встав в дверном проеме, девушка пристально разглядывала меня словно рентген, начиная с моих волос и заканчивая розовым лаком на ногтях ног. Да, пришла она рановато.

— О, мой Бог! Немедленно сними эту юбку, Харпер Джейн Кеннеди, или мы никуда не идем.

Я засмеялась, потому что знала, что она блефовала, так как говорила

об этой вечеринке с первого дня, как я появилась в школе, и Люку Питерсу хватило сорока пяти минут на раздумья, чтобы нас пригласить.

— Прекрасно. Иди одна, в любом случае, я предпочла бы остаться дома...

Отпадная ложь, но ведь Эйприл то не знала об этом. Кузина заставляла меня смеяться, когда была на грани того, чтобы выбиться из привычной колеи.

— Нееет! — А вот и та сирена воздушной тревоги, которую я предполагала.

Девушка кинулась на кровать, и это меня взбесило, потому что я любила, когда моя постель в порядке. У моего брата, Бенни, было предположение, что я приемный ребенок, потому что, если тебе не нравится спать на заправленной постели, то тебе не следует ее заправлять. Так что пока моя новая лучшая подруга валялась в моей постели, надувшись, что, как она знала, вызовет у меня улыбку, я не могла простить ее.

— Завязывай со своим нытьем и пустыми угрозами и проваливай с моей кровати, пока я не надрала тебе зад.

— А ты снимешь эту уродливую юбку?

— Она не уродливая, — я посмотрела на юбку, твердо уверенная в своих словах. Вещь действительно была милая, на середине длины открывала мои ноги, которые, не считая волос, были моим плюсом, но этот секрет оставался пока при мне. Совсем скоро я должна была лишиться волос, потому хотела быть уверена, что мои ноги будут замечены.

Эйприл вскинула голову и схватила нижнюю часть юбки, и я точно знала, что кузина намеревалась сделать, и это не была пустая угроза. Мои глаза расширились, и я подняла руки вверх, готовясь к обороне.

— Ладно, ладно, позволь мне ее оставить, и я уступлю тебе...

Эйприл рассмеялась от моих навыков ведения переговоров, заставляя и мои губы расплыться в улыбке. Я в любом случае собиралась пойти, но если это значило, что моя кровать останется заправлена, когда я вернусь с вечеринки вечером, то я согласна играть в ее игру.

Это еще одна причина, по которой я сразу же полюбила свою кузину; она не относилась ко мне так, будто я мгновенно сломаюсь, стоило ей сказать что-то не так. Она лукаво улыбнулась и меня потрясло, какой горячей эта девочка могла быть, не прилагая к этому много усилий; а ещё меня удивляло, почему она оставалась до сих пор одна. С ее внешностью и индивидуальными личными качествами, у нее должна была быть толпа ошалевших парней, падающих к ее ногам. Жаль, такая внешность не

передавалась в семье.

— Забудь об этом, — засмеялась она, указывая на мою юбку, а затем на землю.

Но вместо того, чтобы просто скинуть вещь с себя, я начала медленный сексуальный танец, хихикая, пока она насвистывала мелодию стриптизерши до тех пор, пока юбка не слетела с моих ног. Я отбросила ее ей в лицо, смеясь так сильно, что мои глаза наполнились слезами.

— Эй, и не эти волосы! — ворчала она.

— Ты знаешь, сколько времени мне понадобилось, чтобы достичь такого совершенства?

— О, подожди-ка, все верно, ты одна из этих мужеподобных женщин.

— Что это значит? — мне потребовалось полчаса, чтобы подобрать купальник, ради всего святого. Честно говоря, я нашла его в коробке, которую я разобрала лишь наполовину.

— Эта причёска — маленькая косичка, торчащая челка и этот милый бантик, сколько времени ты потратила, чтобы сделать это?

Я почувствовала гладкую косу под своими пальцами.

— Это почти такая же прическа, что я ношу все время, потому что она простая, и я слишком ленива, чтобы использовать утюжки и другие приبلуды.

Я не была уверена почему, но, внезапно, я стала очень застенчива насчет своих волос.

— Уф, я ненавижу тебя. Она напрягла свое милое, но злое лицо, и я засмеялась, потому что так легко смеяться, когда находишься рядом с ней. Она — благословенный свет среди той темноты, которая стала моей жизнью.

— Угу, и я люблю твою смелость. Но, говорю прямо сейчас, и мне всё равно, даже если ты помнёшь каждый участок моей постели, я не собираюсь идти на вечеринку в одном купальнике. Я надену платье поверх лифа!

— У меня есть аксессуары! — парировала она, забавляясь. — Давай, Харпер, что такого в том, что ты просто наденешь купальник? — Она провела рукой вдоль тела, встала и направилась к моему зеркалу.

— Нет ничего странного в том, чтобы надеть купальник, просто я не собираюсь делать это. — Просто я нашла то, в чем мне будет комфортно, и Эйприл не закатит мне из-за этого истерику. Там было жарче, чем в аду, и единственная вещь, которая была распакована, и которую я носила в школу, была так далеко. Три коробочки хранили больше моей жизни, чем те, что возвышались в углу комнаты. Одна коробка с надписью «Одежда Харпер»

и две с надписями «Дерьмо Харпер». Моя одежда была разбросана по полу и свисала с коробок. Я схватила платье, которое было в одном касании от падения из коробки на пол.

— Я надену это.

— Ты наденешь это?

Кажется, этот тон она использовала специально для меня. Мое платье уже было на мне, прежде чем она продолжила бы дальше спорить, и внезапно посмотрела на меня с приподнятыми бровями, присвистнув, как дикое животное в жару.

— Харпер, ты просто сногшибательна в этом платье. У него есть вырезы во всех правильных местах и оно показывает достаточно тела, чтобы подразнить.

Она снова присвистнула, и мне не удалось справиться с румянцем.

Малая часть меня хотела снять платье, потому что это была последняя вещь, которую я хотела бы надеть в эту школу, или на вечеринку, потому что такое действительно привлекало слишком много внимания, хотя это случилось бы здесь достаточно скоро, нравилось мне это или нет. Но другая часть меня, которая желала быть красивой или даже сногшибательной, хотела носить его, пока была такая возможность. Я стояла перед зеркалом, заметив за спиной Эйприл. Было понятно, что ей нравилось то, что она видела.

Платье прекрасно сочеталось с маминым браслетом. Я покрутила его вокруг своего запястья и вздохнула, — не снимала его с тех пор, как медсестра дала его мне, после того, как сняла с мамы. И я не думаю, что когда-нибудь сниму его.

— Итак, прежде чем мы уйдем, тем более что ты выглядишь великолепно, у меня есть пять правил для сегодняшнего вечера.

Эйприл вдруг стала серьезной, и я почти закатила глаза, но всё же не посмела, так как уже вынесла урок из этого. Осталось только гримасничать и смеяться.

— Только пять? Почему не три или шесть?

— Не дерзи мне, — ответила она, и это убивало меня, так как она говорила это точно так же, как ее мать, моя тетя Джун. Но это сравнение только заставило бы ее возмущаться ещё больше, а я не в настроении для этого, несмотря на веселье.

— Первое, — загнув один из своих пальцев со всей серьезностью продолжила девушка. — Картер Уэлш под запретом.

Это действительно удивило меня, так как не было никакого упоминания о нем до этого момента. Я хотела задать ей миллион, нет,

триллион вопросов, но она остановила меня взглядом, который также позаимствовала у своей матери.

— Два, — продолжала она. — Мы не идем домой до двенадцати часов, независимо от того, насколько ты устала; я хочу встретить утро со своей кухней. Три, никаких мыслей... ты знаешь о чем.

Это было убойно, и ухмылка исчезла прежде, чем я смогла заметить её, а она продолжала.

— Я твердо знаю, что нарушаю невысказанное правило, поднимая это и все такое, но я хочу, чтобы ты попыталась, и я попытаюсь тоже.

Это до чертиков поразило меня, потому что я всегда думала, что Эйприл была такой замкнутой в своем собственном мире, а мое угнетающее будущее никак не учитывалось. И за это я любила её ещё больше.

— Четыре, — она подмигнула мне, и я внезапно испугалась. — Освободись хотя бы для сегодняшнего вечера; скажи «да», пусть твой мозг говорит «нет», в пределах разумного, конечно, — мы обе захихикали, — Пей, но не слишком много, иначе тебе станет плохо.

Она состроила гримасу, и я поняла, что никто не выглядел бы горячо, выблевывая свои внутренности в сад.

— По опыту нашей прошлой ночи свободы, прошлой ночи, когда лекарства и твое собственное тело не могут управлять тобой. — закончила девушка.

Я чувствовала, что хочу заплакать, потому что хорошо видела слезы в её глазах, которые она изо всех сил старалась удержать, а Эйприл никогда не плакала. Боже, я любила её за это самообладание.

— И, последнее, номер пять. Все, что случится на этой вечеринке, остается на этой вечеринке, как тогда в Вегасе.

Я прыснула со смеху, и она вместе со мной, прежде чем снова стать серьезной и указать своим наманикюренным пальчиком мне в лицо.

— Я именно это и имею в виду, Харпер. Если моя мама узнает, то меня отвезут в самую ближайшую женскую школу в Канзасе, ты хочешь знать, что происходит там с девочками? Это похоже на женскую тюрьму; они кидаются в бой друг с другом и, я говорю тебе это прямо сейчас, я слишком люблю мальчиков. Поняла?

Я кивнула, и щеки разболелись от озарявшей мое лицо улыбки и сдерживаемых хихиканий.

— Я поняла: что происходит в Вегасе, остается в Вегасе.

— Точно.

— Я думаю, что всегда хотела сказать это.

Она засмеялась.

— Я тоже.

— Хорошо, давай пойдем, и по дороге ты расскажешь мне все, что скрыла об этом Картере Уэлше.

Эйприл схватила меня за руку и завизжала, выталкивая за пределы комнаты, и нам почти удалось выйти в парадную дверь, пока мой брат, Бенни, не выскочил из гостиной и не стрельнул Эйприл в щеку безопасным дротиком фирмы «Nerf»¹. Я ахнула, и она, конечно, завопила, продолжая с Бенни пляться друг на друга. Это было бы забавно, если бы я не была уверена, что Эйприл вырвет его десятилетние яйца из тела.

Бенни выглядел раскаивающимся, пока не прошла миллисекунда, и в нем не включился режим полета. Как только Эйприл сделала шаг в его сторону, он побежал, и я вздохнула, потому что знала, что отец захочет меня отчитать.

— Постой-ка, ангел, — позвал отец. — Ага, как знала. Я бросила взгляд на Эйприл, и она губами проговорила «прости», пока мы ожидали его в прихожей.

Отец уже повесил фотографии мамы на стене, или, может быть, это была тетя Джун, которая хотела, чтобы мы помнили ее сестру женщиной, которой она была до аварии. А может, она просто хотела, чтобы мы чувствовали себя как дома в нашем новом жилище, которое не пахло ничем, кроме новизны. Оно пахло землей. Я думала, так пахнет деревня, и что на самом деле могло быть хуже, могло пахнуть больницей. Я ненавидела больницы.

— Ангел, — отец осмотрел Эйприл и подметил ее наряд, или отсутствие как такового, перед тем, как окинул меня взглядом, нахмурился, а затем улыбнулся мне. Я почувствовала облегчение от того, что надела платье. Но его улыбка не достигла глаз, и, как показалось мне, он выглядел усталым и печальным. Он — это тень человека, которого я люблю, и я ненавижу себя за это. И из-за этого я ненавидела много вещей в жизни. Мне было интересно, превращусь ли я в нечто, как шар бушующей ненависти, и продолжит ли жизнь иметь нас как дерьмовых неудачников.

— Вы уже уходите? — спросил он очевидное.

Когда мы перестали разговаривать, как отец и дочь? Когда он сказал, что мы переезжаем в Олбани, Миссури, у меня появилась маленькая надежда, что из всех изменений, которые принесет этот переезд, наши отношения станут одними из них.

Ну, люди говорят, что хорошо иметь надежду. Правда, я не была уверена, что еще не отказалась от своей.

— Да, вечеринка началась еще час назад, — ответила я на автомате, желая поскорее убраться отсюда.

— Мы уже весьма опоздали, дядя Дрю. Но если мы проторчим еще дольше, это будет довольно грубо.

О, мой спаситель! Эйприл знала, когда мне надо убраться очень быстро. Не только тогда, с отцом, но и под пристальным вниманием ее матери. Я не знала, что буду делать в школе без нее. Быть новенькой — это то же самое, что быть наживкой в океане — голодные акулы налетают быстро. Парни рассматривали меня, как свежую закуску, девушки... почти также, только они не хотели затащить меня в постель, они хотели убрать конкурентку. Как мало они знали, ведь это бессмысленно. На следующей неделе мне будет далеко до конкуренции, на следующей неделе я буду больной девочкой, которую все жалеют, после такого никакой похоти.

Отец кивнул, стараясь изо всех сил не смотреть на свою племянницу в ее купальнике с глубоким декольте, открывающим вид на ее великолепную грудь, и мне хотелось дико засмеяться, потому что именно это и было ее целью, чтобы ее заметили парни, и, может быть, Картер Уэлш. Она просто не посчитала моего отца, который старался ослепнуть, чтобы спасти себя от стыда, раз Эйприл сама была не способна это сделать. Она абсолютная бесстыдница, и я просто обожала ее за это, потому что сама боялась быть настолько наглой.

— Хорошо. Ну, увидимся позже, — сказал он нервно, и я почувствовала невысказанные слова.

— Да. — Я поцеловала его шершавую щеку и улыбнулась. — Люблю тебя.

— И я тоже люблю тебя. Веселись, ангел, — не важно, какое у меня было настроение, я всегда чувствовала волну тепла, когда он называл меня так. Как гласит история, когда я родилась и лежала на материнской груди липкая и накормленная, он сказал, я была его ангелом, и мама, будучи поклонницей музыки, назвала меня Харпер, что означает музыканта с арфой.

Я почти могла представить блаженство момента и тогда, прямо как сейчас, раздражение омрачало все это, потому что я знала: вероятность того, что я нашла бы мужчину и родила ребенка, и поделила этот момент с тем мужчиной, как мои родители, скорее всего никогда со мной не случится.

— О, мы повеселимся, дядя Дрю. Повеселимся, — тихий смешок вырвался из меня, стоило только увидеть массу неудобных рассуждений, которыми загрузился отец на счет неясного высказывания, не говоря уже об

облегчении, которое Эйприл всегда приносила в моменты моего уныния.

Отец мог остановить меня. Он мог дать мне наставления или велеть быть дома в определенный час, но вместо этого он улыбнулся этой своей мягкой улыбкой, которую совершенствовал с тех пор, как доктор сообщил ему новости. Он позволил мне выйти за дверь, не прощаясь, потому что мы больше так никогда не делали. Я думала, он считал, что с тех пор, как у меня не было так много шансов победить болезнь или изнурительную химиотерапию, я должна была прожить полную жизнь, пока могла — вот, почему я согласилась на правила Эйприл этой ночью.

* * *

— Дом Люка потрясающий, — сказала я Эйприл, пока мы спускались прямо к бушующей вечеринке. Все место выглядело так, будто было сделано из стекла в медовых тонах. Там были огромный бассейн и прекрасный сад, которые явно тянули деньги на их содержание в этой чертовой засухе.

— Я знаю, верно? Семья этого парня имеет оборот наличных, как верхушка Голливуда. Я слышала, что его отчим — член клуба миллионеров. Клуба миллионеров! Это огромное дерьмо, а Вону плевать. Кто, черт возьми, игнорирует отца с миллионами? У этого парня явно проблемы.

— Погоди. Кто такой Вон? — я была в замешательстве. Минуту назад мы говорили про Люка, а теперь она болтала о каком-то Воне.

— Вон — это брат Люка... ну его сводный брат, и, добавлю побыстрому, тут замешана история, которую никто не расскажет. В любом случае, он — полная противоположность своему брату. Горячий, конечно, но недоступный.

— Он — кретин, — раздался голос справа. Люк налетел на меня и поцеловал в щеку, прежде чем повторить это с Эйприл, которая наслаждалась. Видимо, они играли во флирт с дошкольничества. От него пахло пивом, солью и землей — все пахнет землей. Люк был таким же дружелюбным по отношению ко мне, каким был в первую неделю в школе, и поцелуй был слишком личным. Может, это здорово в деревне, но быть девчонкой из Сиэтла слишком раздражало.

— Неважно, — смеясь ответила Эйприл, уже осматривая группы людей в поисках Картера. Оказалось, я встречала его в художественном классе, и он был потрясающим скетчером, у него всегда была с собой видеокамера. Мы обе высматривали его одновременно, и она схватила меня за руку, потому что, кажется, Эйприл — не единственная, кто имела виды на Картера, что, честно говоря, не удивительно. Парень был создан для

этого. Но ради Эйприл я готова была стать ветряной оспой и жуками в животах всех тех бикини-бронированных задниц.

— Предполагаю, здесь мне надо убить несколько сучек? Мне нравится эта вечеринка все больше с каждой секундой, — сказала я, рассмешив Эйприл и Люка. Было здорово заставлять кого-то смеяться, вместо слез или чувства жалости.

— Когда я увидел тебя в первый день, я знал, что влюблюсь в тебя, — Люк сказал это так серьезно, что я почувствовала себя некомфортно. Обманщик.

— Пойдем, — я схватила Эйприл за руку и потянула в сторону бассейна с бикини-командой. У Картера снова была камера, и он снимал видео, стоя рядом с парнем, который выглядел таким же вкусным, как он сам, если не больше. У парня была татуировка бонсай, которая тянулась от бедра вверх по его спине. Единственным недостатком на его потрясающем теле была брюнетка, прилипшая к руке.

— Ты не привлечешь его внимания, стоя здесь, — сказала я Эйприл, внезапно захотев выполнить миссию.

— Позволь не согласиться, — проворковал Люк, прицепившись к нам сзади, — прежде чем вечеринка закончится, вы, дамы, увидите нас, парней, падающих в обморок, просто ждите и наблюдайте.

— На самом деле, Люк, — я повернулась к нему с широкой улыбкой, — и мне нужна будет твоя помощь.

Через несколько минут Люк, рад-радешенек угодить, побежал в сторону трех девушек. Картер и другой парень, были готовы применить силу без предупреждения. Девушки не успели понять, что врезалось в них, как Люк внезапно обхватил их, визжащих, и столкнул в воду с огромным всплеском.

Эйприл схватила мою руку, и я почувствовала ее смех сквозь свои кости. Голова Люка пронзила поверхность воды, пока он хихикал над протестами и ругательствами девчонок.

— Вы идете? — проорал он нам.

О, как бы я хотела увидеть это снова.

Эйприл и я уже направлялись в их сторону, как Картер и его ранее упомянутый друг повернулись к нам.

«А камера то снимает», — подумалось мне.

Так было, пока я не увидела его лицо — не Картера, в Картере не было ничего от удивительного парня. Мое сердце затрепыхалось. Он пялился на меня, и я не смогла отвернуться. Я была в ловушке. И точно была одной из этих тупых мотыльков, танцующих напротив света электромухобойки. Это

было очень опасно по слишком многим причинам, но и потрясающе, и глупо одновременно. Я ненавидела его уже за то, что он заставил меня почувствовать.

Вон

Вот где она. Я уж начал думать, она никогда не появится. Я не знал, что со мной творилось, но не мог бороться с притяжением.

Вчера утром я был нормальным. Картер ныл, что я должен прекратить хандрить, схватить жизнь за яйца и идти к ней. И я пытался, но у меня ничего не получилось. Все, что ты получаешь от этого, это мгновенное удовлетворение, с последующим чувством вины, и, если ты не будешь осторожен, тебе гарантирована травма яичек. Просто спросите Джаррода Диксона после того, как он переспал с двумя сестрами за двенадцать часов.

Думаю, я пробивал себе дорогу через туман до тех пор, пока в один день не перевел дыхание и понял, что потерял часть себя, когда мы с мамой вышли из кабинета доктора в тот день, и никакое количество девушек не смогло бы меня спасти от этого. Я потерял до хрена, наблюдая за тем, как она опускалась до женщины, которую я не смог узнать, но любил так сильно, что меня убивала невозможность помочь. В день, когда я положил ее крошечное тело в землю, мои внутренности были разодраны и кровоточили, и жизнь никогда не будет восстановлена.

Лучшее, на что я мог надеяться, когда оставлял дерево в горшке у ее маленького надгробия, словно то было меткой, это пришитая заплатка в моей груди, через которую вытекали моя душа и сердце.

Так что Картер был прав в какой-то степени. Мне необходимо было сделать что-то, прежде чем меня выперли бы из школы или еще что похуже, за что моя мама, благослови ее душу, никогда не простила бы меня. Но когда Бет подошла ко мне в первый час, я вдруг понял, что это не решение. У меня было достаточно этого дерьма, и если бы у меня не было маминого питомника, о котором надо было заботиться, я бы уже сбежал. Меня мог бы меньше беспокоить пустой секс без обязательств с Бет, школа, которой не было дела до потерявшегося в жизни мальчика и отец, который смотрел на меня лишь с разочарованием.

Так было до тех пор, как я заканчивал с освещением для драматической постановки. Внезапно у меня появилась причина, чтобы остаться.

Я увидел танцующую на сцене Харпер Кеннеди, в то время как она думала, что одна. Она танцевала, как... чёрт возьми, я даже не знаю, с чем сравнить текущую красоту, которую она показывала. Я был в восторге и,

честно говоря, думал, что мог бы смотреть на нее вечно, а потом это закончилось, вот так просто. Когда песня завершилась, она остановилась в центре сцены в полной тишине и тусклом свете и начала плакать. Ее плечи подрагивали, и девушка издавала слабые звуки, которые разбивали все, что осталось от моего чертового сердца.

Мне хотелось спуститься с площадки, залезть на сцену и обнять ее. Я захотел узнать, кто она. Захотел понять, почему она плакала, почему она не участвовала в постановке, ведь она могла бы надрать своим танцем задницы других девушек, и я хотел узнать, потанцует ли она для меня еще раз. Но прежде, чем я смог сделать хоть что-то, ее кузина ворвалась в дверь. Вот как я узнал ее имя и то, что она придет на мою гребаную вечеринку.

Она не танцевала сегодня, но я все еще был очарован ее грацией и ее огромными голубыми оленьими глазами, которые забрались в мою душу. Да, определенно что-то изменилось в отношении Харпер Кеннеди.

— Картер, — начала Эйприл, — это моя кузина Харпер. Харпер — это Картер.

Что за черт? Разве я невидим, Эйприл? Нет, я все еще был здесь только потому, что Харпер становилось все сложнее отводить взгляд от меня, и это было хорошим знаком. Мне это нравилось.

Картер кивнул, скривил улыбочку, от которой все девчонки возбуждались, а мне захотелось его ударить.

— Художественный класс, верно? — спросил Картер, указывая пивом на девушку и все еще продолжая снимать. Я даже вспомнить не мог, когда он начал это видео-сумасшествие, но сейчас он снимает все. Я хотел схватить камеру и выкинуть в воду, но, возможно, позже я бы пожалел об этом, потому что на ней запечатлена девушка моей мечты.

— Ага, — мило проговорила она, и я надеялся, что она посмотрит на меня еще раз.

— Спасибо, Эйприл, — я вклинился в разговор прежде, чем понял, что сделал, заставляя Картера ухмыльнуться, а Харпер — снова бороться с желанием посмотреть на меня. Глупая девочка, ты сражаешься с неизбежным.

— Я не достоин познакомиться с твоей кузиной, Эйприл? — не в силах отвести от нее глаз, я желал, чтобы Господь всемогущий, если он когда-либо слышал меня или хотя бы существовал, сделал так, чтобы она встретилась со мной взглядом.

— Нет, — категорично ответила Эйприл, подстегивая этим Харпер, судя по тому, в каком недоумении она взглянула на свою кузину. О, сейчас

она заинтригована, и я хотел пнуть себя, потому что мне очень хотелось, чтобы она узнала меня, прежде чем позволил бы Эйприл свободно изложить всё моё прошлое.

Не знаю, почему, но мне необходимо, чтобы Харпер узнала меня не таким, каким меня видят все, не тем парнем, которым я позволяю себя видеть. Я хочу, чтобы она узнала настоящего меня, нового меня, человека, которым я хочу быть даже тогда, когда весь мир ополчился против.

Харпер

Я не понимала, что случилось с Эйприл, но внезапно мне захотелось узнать у нее историю Вона. Я хотела увидеть его реакцию на ее хамство и, если я откровенна или хотя бы отдаленно честна с самой собой, мне нужен был повод, чтобы взглянуть на него еще раз. О. Мой. Бог. Я могла бы смотреть на него вечно, если бы не было соблазна облизать этого парня. Облизать его? Серьезно?

Как только наши взгляды встретились, я поняла, каким астрономически ужасным решением это было, потому что теперь я попала в ловушку самых глубоких карих глаз, которые когда-либо видела. И опустила я взгляд лишь для того, чтобы узреть его слишком уж крепкую грудь и быстро отвела его совсем прежде, чем начала задыхаться.

Он протянул мне руку сам.

— Харпер.

Обожемой.

— Меня зовут Вон.

У меня явно проблемы. Я точно была уверена, что он один из тех парней, кто получал что и кого угодно, как только пожелает, и это абсолютно не мой типаж. Не учитывая, что у меня вообще мог быть какой-то там типаж. Ооой, почти нарушила правило номер три.

— Ты случайно прежде не имела ничего общего с моим братом, хватающим девушек? — спросил Вон с озорной ухмылкой, и я хотела ответить «нет», потому что у меня было такое странное чувство, что сказать «да», это как помахать красным флажком перед разъярённым быком; к тому же, я была удивлена тем, что он не заморачивался тактичностью.

У меня не получилось скрыть улыбку, против моей воли распространившуюся по лицу, и он засмеялся, качая головой, а вместе с ним захихикал Картер. Эйприл сжала мою руку; это достигло максимума, она боялась, что я выдам ее увлечение. Как мало Эйприл понимала, эти парни читали нас, как книгу, так что мы должны были использовать это в

свою пользу.

— Что я могу сказать? — я подмигнула Эйприл, счастливая, что удалось избавиться от оков взгляда Вона. — Здесь находились три сучки, которые нуждались в хорошей поливке.

Громкий смех, вырвавшийся прямо из груди Вона, заставил мои внутренности сделать сальто. Сальто, с ума сойти!

— Хочешь выпить? — Вон обратился ко мне, и я увидела внутреннюю борьбу, которая поглощала Эйприл. Она хотела защитить меня от таких, как Вон Кэмпбелл, но был и тот самый момент наедине с Картером, о котором она мечтала, и я не собиралась стать причиной, по которой она не получила бы то, что так хотела и заслуживала.

— Конечно. Почему нет? — правило номер четыре — говори «да». Ставим галочку.

— Ах, потому что никто не приглашал твою шлюшную задницу, — прозвучал саркастичный женский голос позади, и я повернулась, потому что если существовало что-то, чему я научилась, живя в городе, так это никогда не поворачиваться спиной к врагу.

— Бетани, — прорычала Эйприл, и мои глаза расширились. — Клянусь, если ты еще хоть раз заговоришь с Харпер, я вырву эти коричневые лохмотья с твоей головы. Поняла? — Эйприл выглядела словно мама-медведица, готовая сожрать всякого, кто угрожал её детёнышу, и на долю секунду мне стало страшно за Бетани.

Реально, очень страшно. Ого.

— Попробуй, сучка, — пьяная брюнетка, вновь висевшая на Воне, повернулась к нему с недовольной гримасой, что, видимо, раньше помогало ей добиваться своего. — Скажи им уйти, никто их не приглашал.

— Я их пригласил, — ответил Люк, появившись рядом со мной неожиданно, что заставило меня подпрыгнуть, тем более он брызнул холодной водой на меня.

— Надо же, — ответила Бетани, скорчив кислую мину.

Эта девушка могла скорчить такое лицо, будто у нее хорошо получалось посасывать лимоны.

— Достаточно, Бет, — отрезал Вон, сделав шаг прочь от нее и нахмурившись. — Думаю, тебе следует найти своих друзей и оставить в покое Эйприл и Харпер, пока я не потерял самообладание и не послал тебя.

— Давай, проваливай! — засмеялся Люк над ней и, по какой-то странной причине, мне на самом деле стало жаль Бетани. Ей было больно, и она явно смущена из-за произошедшего, откровенно говоря, я тоже. Но все же я не чувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы

остановить ее разбитый в пух и прах уход. Вид ее удаляющейся спины было благодатью в большей степени, чем мне того хотелось.

— Так что, хочешь выпить? — снова спросил Вон, на этот раз не так нахально, что делало все только хуже.

— Думаю, Люк может показать нам бар, — Эйприл сделала шаг вперед и взяла меня за руку. — Мне необходимо остыть, прежде чем я кого-нибудь покалечу.

Картер снова засмеялся и улыбнулся ей своей модельной улыбкой. Хотя мой план не включал в себя принятие решения, результат не мог быть более идеальным. Картер Уэлш абсолютно точно заинтересовался ею.

— Когда остынешь, найди меня, — ответил Картер, и я почувствовала, как она сжала мою руку. Я не смогла сдержать свою улыбку.

— Дай ей пять минут и сможешь найти ее сам, — сказала я, шокировав всех вокруг. Картер Уэлш привык, что девушки бросались к нему на шею. Ему стоило понять прямо сейчас, что моя кузина выше этого, даже если ей хотелось так сделать. Я повернулась и потянула ее к дому, пораженная своим дерзким поведением.

— Что за странная хрень? — хрипло зашептала она мне в ухо, и я оскалилась, зная, что камера отображала наш горячий уход.

— Не оглядывайся назад, и, обещаю, ты заполучишь его в свои сети еще до того, как допьешь следующий бокал.

— Да, чёрт возьми! — присвистнул Люк, поравнявшись с нами. — Вы, женщины, знаете свое дело.

— Что он сказал? — спросила я, желая также сильно, как и Эйприл, обернуться и посмотреть, смотрят ли они на нас ещё.

— Да, что он сказал? — Эйприл звонко прервала, и я захихикала над небольшим визгом в ее голосе.

— Слова были таковы: «Игра началась».

— О, мой бог, — выдохнула она.

— О, мой бог. Да, Эйприл, просто дыши и контролируй себя. Этому парню определенно нравится то, что ты не собираешься его соблазнять. Позволь ему самому прийти к тебе, — сказала я ей.

— И что дальше? — торопила она.

— Да, и что дальше, «Доктор Любовь»²? — проворковал Люк, но он был заинтригован так же, как и Эйприл.

— Будь собой.

Она замерла и усмехнулась.

— И это все? Быть собой?!

— Да, как насчет подразнить его? — Люк пялился на тело Эйприл и

ухмылялся. — Окей, это мы вычеркиваем из списка.

— О боже, о боже, о боже, — повторяла она, не оставляя мне выбора, кроме как схватить ее за плечи и обнять.

— Прекрати сходить с ума. Это ты показала ему, насколько крута и сексуальна, я лишь выманила его, и теперь тебе осталось только привлечь его к себе. Окей?

Она обняла меня крепче, и я почувствовала влажное горячее тело Люка, который обнимал нас обеих.

— Вот так, леди, делимся любовью. Это было моей мечтой, с тех пор как я стал мужественнее, и моя мошонка достигла полового созревания.

— Фуу, — выдала я, смеясь и вырываясь, а Эйприл достаточно сильно хлопнула его по голой груди, заставив парня кричать от боли и смеха. Люди пялились на нас и это меня могло бы беспокоить, но в именно этот момент я понимала, что жизнь слишком коротка, чтобы не наслаждаться ей. Даже если она омерзительна.

Я оставила Люка и Эйприл вместе, направившись в ванную, подобную ванной комнате Краун Плаза. Не то чтобы я там была, но вы меня поняли. Ванная была больше, чем моя спальня, и, очевидно, это гостевая ванная комната, так что я бы не хотела — или мечтала — увидеть размер хозяйской. Дом был пуст, хотя музыка была такая громкая, что отдавала в крышу. Я спустилась в стеклянный холл, разглядывая холм высокой травы, раскачивающейся на ветру. О, нет! Тут я налетела на кого-то.

— Притормози-ка.

— Ой, простите, — я никогда не встречала этого мужчину, но готова поклясться, что он — отец Вона. Та же наглая улыбка, сияющие карие глаза и довольно широкая грудь.

— Мне правда жаль. Я не смотрела, куда иду.

Не знаю, что произошло, но что-то заставило его измениться в поведении, и он перестал напоминать своего сына. Его взгляд потяжелел, глаза сузились, и он будто изучал меня, очевидно не одобряя девочку-подростка в своем доме.

— Типично, — сказал он, будто втоптав меня в грязь, и я вздрогнула.

— Простите, — продолжила я говорить.

На самом деле я хотела остановиться, но слова лились из меня, несмотря на то, что они ничего не значили и звучали слишком нелепо. Я осознавала все это, но все, что я могла сделать, это только извиняться и надеяться, что мужчина отошел бы в сторону, и я смогла бы убраться отсюда подальше, что, я была уверена, он тоже бы предпочёл.

— Полагаю, тебе нравится, что ты видишь здесь: большой дом,

бассейн, собственность, деньги. Все вы, девушки, видите это и абсурдно представляете себя рядом с моими мальчиками. Так вот, позволь мне тебе кое-что посоветовать, юная леди...

Я думала, что либо упаду в обморок, либо заплачу. Но я не заплакала. По-крайней мере, не здесь. Что-то в отце Вона напугало меня до чертиков, и заставило покрыться мурашками. Он продолжил, сделав шаг ближе ко мне, а я отступила, хотя знала, что за мной не так уж много места, и есть вероятность наткнуться на стеклянную стену.

— Эти парни не будут иметь ни власти, ни денег без моего на то слова. Так что...

— Достаточно, отец, — раздался голос со стороны, и я подпрыгнула. Вон выглядел не особо счастливым, и, тем не менее, абсолютно и до умопомрачения горячо, так как уже снял свою черную футболку. Его грудь была покрыта потрясающей татуировкой. Я с облегчением поняла, что больше не наедине с его отцом, и заставила себя успокоиться, черт побери.

Глава 2: Любовь не может погибнуть

«Нет любви сильнее, чем любовь к нашим детям. А там, где есть сильная любовь, есть и сильный страх, скрытый под поверхностью».

Арианна Хаффингтон

Харпер

Его отец засмеялся, хотя дружелюбного в этом было мало. Угрозы были больше в его стиле.

— Ты думаешь, что я закончил? Я не закончил, мальчишка. Когда я закончу, ты об этом узнаешь. А вообще, не преподавать ли мне тебе быстрый урок, учитывая, какой ты способный ученик?

Чёрт возьми. Мне захотелось съежиться и исчезнуть. Грозное поведение, обращённое ко мне, теперь переместилось на его сына в десятикратной силе, когда он продолжил свою тираду.

— Я лишаю тебя всего на месяц. Ни денег, ни привилегий. Ничего. Этого тебе достаточно?

— Думаешь, меня волнуют твои деньги? Они мне не нужны, и никогда не были нужны, — прорычал Вон.

Каждый мускул его тела напрягся и пульсировал. А я застыла на месте, пытаюсь казаться невидимой и перестать дрожать. Обычно я не трусиха, но отец Вона меня и правда напугал. Он бы и Брюса Уиллиса напугал, будь тот на моём месте.

— Помнится, ты просил у меня денег, чтобы купить маме дом? Забавно, как же быстро всё забылось, да? Давай не будем забывать о твоих

нахальных девицах, как, например, эта?

Он ещё раз посмотрел на меня, ещё раз оглядывая с головы до ног, и я снова почувствовала грязь в его намёке. Прожив всю свою жизнь в городе, мне было не привыкать к неодобрительным взглядам, но этот человек мог утопить любого в своём презрении. И я ощущала это презрение, пока рука Вона не легла на мой живот, который я машинально втянула, а его плечо не коснулось моего, когда он сделал шаг передо мной, подталкивая меня себе за спину. Моё дыхание замедлилось, лёгкие начало жечь, а сердце, по моему, было на грани сердечного приступа.

— Харпер здесь ни при чём. Это наше с тобою дерьмо, и назревало оно с тех пор, как ты отказался от моей матери. Если бы было возможно, меня бы не было под твоей крышей, но государство говорит, что именно здесь я сейчас должен находиться. Если хочешь, чтобы меня не было, ты должен дать мне денег, чтобы выкупить мамину закладную на дом до того, как ее выкупит какой-нибудь незнакомец.

Я не много могла видеть, стоя за спиной Вона, но то, что я всё-таки видела, так это сжатый кулак, и я чувствовала исходящее от парня напряжение. Здесь определённо не было любви, была лишь душераздирающая история, в которую для меня сейчас главное не ввязываться. Мне было предостаточно своего горя, и я сомневалась, что у меня есть место для ещё одного, независимо от того, как Вон заставлял меня себя чувствовать.

— Ты такой самовлюблённый кусок дерьма. Если думаешь, что такая шлюха, как она или твоя мать ведутся на тебя не из-за денег и того, что ты можешь им дать, то ты тупее, чем я думал.

— Не смей! Не говори так о ней. Ни об одной из них.

Боже! Не знаю, гнев ли был это на отца парня, отвращение из-за отсутствия у него уважения к матери Вона и чувствам самого Вона, или моя непробиваемая тупость, но эти слова толкнули меня сделать это, и я почувствовала, как дрожь пробежала по спине Вона и перенеслась на меня. Я поняла, что должна вмешаться, чтобы удержать его от жестокой ошибки. Так что я протиснулась мимо Вона и, стараясь сохранить голос ровным, обратилась к человеку, неприязнь к которому быстро росла.

— Мистер Кэмпбелл, должно быть Вас раздражают незнакомые подростки в вашем доме и постоянное беспокойство о людях, которые не прочь воспользоваться вашими сыновьями, но уверяю Вас, я здесь не для этого. Вон — мой друг, и, думаю, у вас двоих есть своя долгая история, в которой нужно разобраться, но вы оба сейчас на взводе, а я не хочу смотреть, как вы раните друг друга необдуманными словами, которые

нельзя забрать назад.

Оба, и мистер Кэмпбелл, и Вон, уставились на меня так, словно у меня только что выросла вторая голова, и поэтому мне захотелось снова спрятаться за спиной Вона. Но я сама вышла из тени, поэтому должна была винить за это только себя.

Мистер Кэмпбелл начал хихикать. Нет, не совсем так. Он скорее давился от смеха. Ага, этот парень был ослом, и я не могла поверить, что он имеет хоть какое-то отношение к Вону. А потом я тут же впала в ступор, потому что откуда мне вообще что-то о нём знать? Я не знала. Не знала Вона, как того же Санта Клауса. Насколько мне известно, он мог быть как фальшивкой, так и тем парнем, с которым я фотографировалась раз в год, пока мне не исполнилось девять. Кто его знает, Вон может быть таким же, как его отец, а я выставляю себя сейчас полным посмешищем.

— Что ж, вот что я тебе скажу, Хэппи, Харли... напomini своё имя? Нет, не важно, как тебя зовут, так что вот тебе мой бесплатный совет. Тот мальчишка, которого ты защищаешь — никчёмный кусок дерьма, который приводит в мой дом шлюх, которые ещё большие никчёмные куски дерьма, и хотя ты кажешься другой, в тебе есть мужество, я не сомневаюсь, что надолго ты его не увлечёшь, так что мне не нужно знать твоего имени.

Кто-то задыхался. Я почувствовала руку Вона, скользнувшую в мою, и свои ноги, которые двигались куда-то, и только потом поняла, что я и была тем, кто задыхался, потому что одной рукой я зажимала рот, а Вон практически оттаскивал меня от своего отца, который все еще хихикал. Я не имела никакого представления о том, куда меня вели, да и мне было все равно. Все, чего я хотела, в чем я нуждалась, так это оказаться как можно дальше от Мистера Кэмпбелла. Этот мужчина был отвратителен! Самый большой придурок, которого я когда-либо встречала в своей жизни. Несмотря на мои слова о том, что я не хочу или мне не нужно еще одно горе, оно было чертовски сильным. Моя душа разрывалась на части из-за мальчика, чей отец не был любящим, и на словах черствым. Я всегда думала, что равнодушие моего отца к Бенни и ко мне было чем-то плохим, что те барьеры, которые он построил, были душераздирающими, но сейчас я понимала всё лучше. То, что приходилось испытывать Вону, намного хуже того, что мой отец когда-либо мог совершить.

Пока меня не вытащили из комнаты, и дверь за нами не захлопнулась, я не смотрела на Вона. Сейчас его руки были прижаты к моим щекам, а его глаза искали мой взгляд. *Что же он искал?* Я, должно быть, смотрела на него слишком пристально, из-за чего он казался расплывчатым и мне пришлось несколько раз моргнуть, что не помогло. Лишь когда его большие

пальцы погладили меня по разгоряченным щекам, я почувствовала прохладную сырость на них, и поняла, что плачу. Я действительно плакала на глазах у другого человека, мое тело сотрясилось так сильно, что мне внезапно стало трудно стоять, а ноги стали жить своей собственной жизнью и мне пришлось опуститься на пол.

У Вона была идея получше, поэтому внезапно он подхватил меня на руки и всего на несколько мгновений я почувствовала его теплую, жесткую грудь и услышала быстрые удары его сердца, прежде чем он опустил меня на мягкий матрас кровати.

До этого момента я даже не понимала, что находилась в спальне, и мне следовало бы хотя бы немного переживать из-за этого, но я не имела сил. Когда он притянул меня к себе, моя щека почти касалась его плеча, я не сопротивлялась. Я просто прислонилась к нему и исчезла.

Его пальцы что-то выводили на моей руке вверх, а мои слёзы начали исчезать. Я понимала, что должна была смутиться и сожалеть о том, что показала свою глубокую печаль незнакомцу, в то время как скрывала от тех, кто любил меня больше всего, но Вон не был похож на незнакомца. Я чувствовала, что он, словно старый друг. Друг, которого я однажды потеряла, но нашла вновь. Друг, который поймёт мои слёзы в моменты слабости и любви в то же время. Вон и я могли поделиться схожей печалью такими разными способами, но в то же время наши сердца изменялись.

Сердце Вона и его дыхание звучали в ушах, впрочем, как и мои, и даже притом, что я действительно хотела остаться там, я отстранилась от его груди, оставив мокрое пятно на чистой футболке.

Как правило, я не плакса, как правило, я не из тех, кто позволит людям увидеть себя без маски. За последние годы случилось много неприятностей, и я научилась прятать то, от чего не спрячешься, чему не поможешь и из чего не выберешься. Так что я не понимала, почему нахожусь в таком ужасном положении. Я не плакала перед другими людьми с тех пор, как узнала о «неходжкинской лимфоме»³. Не плакала, когда они сказали мне, что у меня самые дерьмовые шансы на выживание, или когда папа сказал, что мы должны двигаться дальше и, оставив всё, переехать в крошечный городок, чтобы быть ближе к семье, которую я и не знала. Нет. Я держала всё в себе ради тех, кто уже не мог. Так почему Вон так на меня влиял, почему проникал сквозь мой эмоциональный барьер? Что я знала, так это то, что он что-то шептал моей душе, и она нуждалась в нем.

Но я больна, а не сумасшедшая, и я не могу оставаться в, я так понимаю, комнате парня.

— Это твоя комната, да? — тихо спросила я, осматривая интерьер. Я

вспомнила о их разговоре с отцом, если его можно было так назвать; я не знала, давно ли Вон здесь, но вещей было очень мало, и мне стало интересно, неужели это всё, что у него есть? На стене висела пара постеров. На одном был изображён мотоцикл и ярко-красная надпись «Suzuki»⁴. Судя по всему, мотоцикл был создан для гонок по бездорожью, потому что грязь была везде, словно какой-то трофеей. Другой постер был с изображением грузовика. Большого, чёрного грузовика. *Вон такой мальчишка!*

В углу находилась корзина с одеждой, рядом с комодом стояла гитара. Мне захотелось спросить, играет ли он. Я скучала по живой музыке. Моё сердце болело, когда я вспоминала необработанный звук музыкальных инструментов. Но я не стала спрашивать, потому что он всё ещё не ответил на мой предыдущий вопрос. *Почему?*

Он смотрел на меня, действительно смотрел, и я покраснела. Ох, *ненавижу краснеть*. Даже больше, чем я ненавижу плакать. И то, и другое — это эмоции, которые выдают слишком многое, а румянец — это одна из тех физических реакций, которую ты невозможно спрятать.

— Знаешь, что? Я думаю, что это твоя комната, не Люка, и также я думаю, что нам не стоит быть здесь сейчас, — сказала я ему и направилась к двери. Он быстро вскочил на ноги. Прежде чем моя рука успела коснуться серебряной ручки двери, он схватил моё запястье, мои щёки вновь запылали, и я наклонила голову, пытаюсь спрятаться.

— Не уходи пока, — пробормотал он. — Не думаю, что готов вернуться на вечеринку, наверное, так же, как и ты. — Затем он усмехнулся. — К тому же, ты, словно под кайфом, — начал он поддразнивать меня, от чего мне стало трудно дышать, а он лишь хихикнул, — под кайфом и красивая, — добавил он, приглаживая мои волосы и подмигивая.

— Гораздо лучше. Теперь, думаю, ты будешь рада взять небольшую паузу, пока всё не прояснится или пока школьные коридоры и наш маленький город в понедельник утром не наполнятся сплетнями о нашей любовной связи и твоей скрытой наркозависимости. Мне кажется, это будет что-то вроде «Бедная городская девушка с тяжёлой жизнью и борящаяся со своей наркозависимостью, совратила деревенского парня».

Я хихикнула и шмыгнула носом.

— Я не останусь в твоей комнате на всю ночь. Ведь тогда люди точно поверят в эти сплетни.

Он снова ухмыльнулся и я осознала, что действительно, действительно мне нравится этот смех, который исходил от него.

— Окей, я думаю, нам нужно нейтральное место, где никто не найдёт тебя. Место, куда я ухажу подумать.

Я поджала губы и стала изучать выражение его лица, ища там что-то, что скажет что-то типа: «Я скрытый серийный маньяк, который хочет залезть тебе под юбку». Но ничего подобного не было, хотя явно проглядывалось желание защитить и что-то отдалённо похожее на грусть, которую он старался скрыть. Я не знала что, но за его грубой внешностью скрывалось что-то ранимое, что мне хотелось оберегать. Так что я улыбнулась, и он понял о моей реакции на предложение ещё до того, как мой ответ сорвался с губ. Я кивнула.

— Хорошо.

Парень расплылся в улыбке, и я снова испытала то невероятное чувство, прежде чем всё во мне восстало против моего решения, когда он протянул мне руку. Я посмотрела на неё и хотела нежно вложить туда свою, правда хотела. Но я знала, что этот простой жест вызовет лавину других чувств и сложностей, которым нет места в моей жизни. До начала лечения всего неделя и после этого я уже не буду собой; от меня останется лишь больная оболочка. Пока же я отчасти та, какой была раньше. Интересно, ему бы понравилась прежняя я?

— Идём, выйдем с парадного входа. Но сначала заглянем на кухню.

— Мы идём на улицу? — я не понимала.

Он обернулся и, широко улыбнувшись, посмотрел на меня. Готова поспорить, много девушек превращались в воск в его умелых руках. В другой жизни я могла бы позволить себе стать одной из них, но не сегодня.

— Передумала? Хочешь остаться здесь?

Я фыркнула, несмотря на то, что не хотела, потому что это только поощрило бы его, а я вам скажу, что Вон Кэмпбелл не нуждался в поощрении.

— Нет, мне просто интересно, что за место сможет уберечь меня ото всех этих слухов, о которых ты говоришь.

— Ты мне доверяешь?

Спросили это не только его губы, но и глаза. Эти глубокие глаза цвета тёмного шоколада смотрели вглубь меня, я чувствовала, как его взгляд пронзает. Он хотел моего доверия больше всего на свете, и я поняла, что могу доверить ему что угодно.

— Да, доверяю, — ответила я, а он тяжело вздохнул, прежде чем улыбнулся и вновь протянул мне руку. На этот раз, наплевав на последствия, я взяла её и позволила теплу этого простого жеста заполнить меня.

После того, как мы взяли плед с дивана, бутылку воды и пачку чипсов с кухни, Вон потащил меня к выходу. Когда мы добрались до угла дома, он присел на корточки и потянул меня за собой, наши тела прижались друг к другу, и я почувствовала запах хлорки из бассейна, смешанный с его дезодорантом и запахом стирального порошка и мыла от его футболки. Сердце пустилось вскачь как сумасшедшее, и я не знала, адреналин ли был тому причиной или наша близость, но в любом случае, я улыбалась. В эти секунды я чувствовала себя более живой, чем... чем довольно долгое время.

— Ну что, Старбакс, готова к броску? Мы должны добраться до машины раньше, чем сайлоны⁵ нас заметят, иначе мы провалим миссию, — он говорил так, словно от этого зависели наши жизни. Я поняла его, — Старбакс — героиня сериала.

— Ты кидаешься шутками из вселенной «Звёздный крейсер "Галактика"»⁶? — спросила я с ухмылкой. Я уже не могла убрать со своего лица улыбку, она только становилась все шире.

Парень повернулся и взглянул на меня через плечо, и мне пришлось отстраниться, иначе наши губы неизбежно бы соприкоснулись и, думаю, судя по выражению его глаз и улыбке в стиле Джонни Деппа, он это прекрасно знал.

— Ты знаешь это шоу «Звёздный крейсер "Галактика"»?

Пока еще я не хотела рассказывать ему о своей матери. Я знала это, потому что мамин дом всегда напоминал о старых шоу. Но я ничего ему не ответила, и постепенно моя широкая ухмылка практически сошла на «нет». Моя мама любила эти шоу. Он нахмурился, и на секунду я подумала, что он скажет мне что-нибудь, но Вон повернул голову к толпе друзей внизу на заднем дворе и сжал мою руку.

— На старт... внимание...

— Марш! — продолжила я и поставила своей целью грузовик, позволяя его руке выскользнуть из моей. Я бежала быстро, но Вон догнал меня, смеясь от того, что я застала его врасплох.

Мне было интересно, почему он оставил так далеко от дома свой грузовик, но я всё бежала. Это выглядело комично — бежать, заливаясь смехом, в то время, как невозможно из-за этого нормально дышать. Я очень давно не ощущала такого дикого восторга и не хотела, чтобы это чувство прошло. Я желала, чтобы Вон преследовал меня, и я слышала как наш смех проносился сквозь воздух, словно мы были маленькими детьми, у которых не было никаких забот в этом мире.

Несмотря на это, я прыгнула в его грузовик, а он перебрросил всякий

рабочий хлам в кузов. Прежде, чем прыгнуть за руль, он широко распахнул дверь, и через несколько секунд мы уже мчались через чьи-то дворы. Да, через дворы, вдали от дороги. Я задыхалась, он тяжело дышал, но когда я взглянула на него с пониманием, это отнюдь не потому, что он не в форме, это то — нечто дикое между мужчиной и женщиной, это страшно и в тоже время захватывающе. Он посмотрел сквозь лобовое стекло и направил грузовик через деревья так, что пыль, словно призрак, развивалась за нами. В этот момент он начал замедляться и через несколько минут остановился. Вон заглушил двигатель и посмотрел на меня. В то мгновение я явственно ощутила, что в моем сердце что-то щёлкнуло, оно стало биться барабанной дробью.

Я облизнула губы и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, потому что, ей-богу, мое тело обезумело, когда он был так близко ко мне. Это все так невероятно, что я практически сошла с ума.

— Не стоит, — его хриплый голос отозвался мурашками на коже моих рук.

— Что? — спросила я, когда он прикрыл глаза и покачал головой.

— Не облизывай губы и не смотри так невинно, потому что все, что я хочу сделать, так это поцеловать тебя, и я обещаю, что можешь мне доверять. *Вот дерьмо, он хочет поцеловать меня!*

Я сглотнула огромный комок, образовавшийся в горле, коснулась его щеки своей рукой. Его глаза были открыты.

— Закрой глаза.

— Закрывать?

— Закрывать, — я улыбнулась, потому что он сделал то, о чем ему говорили. Он этим заставил меня улыбаться, и мне это нравилось. Мне нравилось, что он дает мне ощущение нечто иного, нежели печаль и скорбь. Медленно я наклонилась через широкое сидение, игнорируя клетки моего мозга, которые кричали мне «Остановись!», и замерла рядом с его губами. Затем, не давая нашим губам встретиться, я наклонила голову и поцеловала его в щеку. Почувствовала его ухмылку, такую же, как и у меня. Да, определенно я большая трусиха, но мне нравилось быть такой.

С усмешкой, появившейся на его лице благодаря мне, он медленно открыл глаза, посмотрел на мои губы, затем в мои глаза, и на мгновение мне страстно захотелось, чтобы бы он довел дело до конца.

— Я знаю, что уже могло быть, но я не хотел бы иного, нежели то, что мы только что разделили, — мягко сказал он, это был наш первый поцелуй и он был завершённым. — Я никогда прежде не ощущал такого.

— Я тоже. — И это правда. То есть, мне семнадцать, и я целовалась

раньше, но это, это было так невинно, сладко и красиво, и... Ладно, достаточно.

Он повернулся в своем кресле, рука покоилась на руле.

— Я хочу знать все, что можно узнать о тебе, Харпер Кеннеди.

Все мое нутро слегка сжалось.

— Я не хочу рассказывать тебе всего. — Мне была ненавистна боль в его карих глазах, но я защитила бы все, что только смогла от этой болезни, и тогда, я, можно сказать, даже заботилась о Воне. Он незнакомец, но я чувствовала, что могу доверить ему жизнь. От переизбытка чувств меня начало трясти, так было всегда, когда речь заходила о доверии к людям, с тех пор, как я узнала о своем диагнозе. Старые друзья, которыми я дорожила, теперь превратились лишь в простых знакомых, а дальние родственники и незнакомцы теперь стали моими лучшими друзьями. Большие изменения, но сейчас, они были к лучшему. Я широко улыбнулась и игриво хлопнула его по груди.

— Кроме того, ты, кажется, узнаёшь информацию обо мне и без моей помощи, — *просто замечательно!*

Он ухмыльнулся, его смущение и грусть были поспешно прикрыты игривостью.

— Виновен по всем пунктам, я просто спросил.

Мне понравилось то, что он расспрашивал обо мне, прежде чем пришёл на помощь в ситуации со своим отцом. То, что было между нами — это не простая защита или взаимная ненависть к его отцу и даже не жалость. Ладно... может быть немного защиты все же было. По-видимому, это было важно для него, поэтому я не посмела возмущаться.

— И?

— И ты — загадка. Если не считать того, что у тебя есть брат и отец, и вы переехали сюда всего неделю назад, о, и еще, ты имеешь какое-то отношение к Эйприл.

— И это все?

— Нет. — Его глаза всматривались в меня, сквозь меня. Я это почувствовала, и у меня закружилась голова, мне было интересно, о чем он думал. — Ты действительно хорошая танцовщица.

Я раскрыла глаза и глубоко вздохнула. Откуда он знал, что я танцевала? Он протянул руку, пригладил выбившуюся прядь волос, с которой играл ветер, и заправил ее мне за ухо. Вон выглядел виноватым, что заставляло меня волноваться. Мне больше нравилось, когда он выглядел свободным и счастливым. Меня уже тошнило от чувства вины.

— Я занимался электроникой. Мистер Соьер попросил меня

проверить свет для школьного представления, а тщательно все сделать я мог, только когда все разойдутся по домам. Я думал, что был там один, но, видимо, ты тоже так считала.

— Ты видел, как я танцую? — я покусывала губу, и он слегка коснулся её большим пальцем, останавливая меня. — Это значит,... что ты видел, как я... плакала после этого?

Он кивнул.

— Почему?

— Почему?

— Да.

— Потому что мне это нравится,... потому что больше я не могу этим заниматься, — слова вылетали из моего рта прежде, чем я успевала подумать о том, чтобы остановить себя, и я знала, что это вызовет массу вопросов.

— Расскажи мне, расскажи мне, почему ты больше не можешь заниматься этим? Я знаю, что дело не в физической форме. Ты была идеальна.

Ох, как мало он знал.

— У меня проблемы в паховой области и с бедром, это физические проблемы.

Его взгляд опустился на мое бедро. Мое платье собралось складками выше, чем должны носить хорошие девочки, но садясь в его грузовик, я не задумывалась о подобных вещах. Поэтому я немного одернула его за подол. Тогда Вон положил свою руку на мое прикрытое бедро, его кожа прожигала ткань моего платья, будто он и не замечал моих неуклюжих попыток прикрыться.

— Ты растянула или порвала что-то?

— Нет, но все доктора говорят, что пока я не вылечусь, я должна следить за тем, что я делаю, и пока что танцы под запретом.

— Значит, потом ты сможешь вернуться? — исходивший от него энтузиазм был больше, чем, я думала вообще возможно, и это разбивало мое сердце.

Я неделями не слышала, чтобы кто-то говорил о моём здоровье с таким энтузиазмом. Пройдёт время, и он все выяснит, потому что нельзя скрыть тот факт, что у тебя рак после начала лечения. Это сильно ранило бы его, и я ненавидела свою трусливую часть, которая дала бы ему надежду, не предупредила бы до того, как он начал бы вкладывать в меня свои чувства. Но мне нравились те чувства, которые он заставлял меня испытывать, и мне хотелось задержать их хотя бы ненадолго. Я не хотела

лгать ему, но я также не хотела, чтобы он знал, почему доктора запретили мне танцевать. Не сейчас. Я хотела сегодняшний день. Пфф, хотя сейчас, когда солнце уже садилось, я хотела этот вечер с ним, без болезни и жалости, только мы и мечты о совместном будущем. Я хотела подросткового романа, когда можно сидеть со своим парнем во время обеда и обсуждать выпускной бал. Я хотела этот вечер, а затем, утром, я позволила бы ему спокойно уйти, потому что это лучшее, что можно было сделать для нас обоих.

— Может быть, — сказала я, изменяя своим прежним словам, потому что знала правду; мне следовало сказать «маловероятно».

Он сжал мою ногу и криво улыбнулся. Я уже стала ненавидеть эту улыбку больше всего на свете. Мне нравилась совсем другая.

— Мне так жаль. И все же, не теряй надежду, — сказал он грустно, и это я возненавидела ещё больше.

Я улыбнулась, хотя даже не имела это в виду, я стала профессионалом по этой улыбке.

— Не надо, — нахмурился он.

— Что? Что теперь? — нахмурилась я в ответ.

— Не делай этого. Не знаю, что между нами, но это заслуживает больше, чем полуправду и фальшивые улыбочки. Сегодня вечером я хочу узнать тебя без всей этой херни.

Я улыбнулась, и в этот раз, это была настоящая улыбка, потому что мне хотелось того, что он предлагал, даже если это всего лишь на одну ночь.

— Ладно. Но, Вон, если ты не хочешь полуправды или чтобы я врала тебе, то нам нужны кое-какие правила. Ты можешь спрашивать меня обо всем, о чем захочешь, но есть вещи, о которых я не могу говорить, и мне нужно, чтобы ты понял и принял это.

Он приподнял брови и, казалось, обдумывал это, а затем кивнул.

— Идёт.

— Вот и славно.

— Мне нравится, — широко улыбнулся он.

— Можно я первая? — я внезапно разволновалась задавать ему вопросы, ведь не было никаких ограничений.

Он засмеялся, заставив моё сердце биться сильнее.

— Давай.

— Ты расскажешь всю правду?

— Ты заставляешь меня нервничать. Во-первых, даже если... — он прибавил звук на своём стерео, где играл трек «Fighter» группы «Gym Class

Heroes». Я сразу же узнала их, но даже подумать не могла, что парень из провинции будет слушать их в своём автомобиле.

— Что? — спросил он, а я потрясла головой, мне не хотелось, чтобы он знал, что я сделала вывод, будто он парень из провинции или что-то в этом роде. — А ты думала, будет Кенни Роджерс⁷ или кто-то похожий? Мы живем в деревне, не в прошлом.

Я прикусила губу и пожала плечами.

— Я не думала, что будет Кенни, больше, что будет Гарт Брукс⁸.

— Эй. В Гарте нет ничего плохого.

Я засмеялась, и он тоже. Тогда я почувствовала себя лучше.

— Давай же. Вылезай, — продолжил он, качая головой и посмеиваясь.

Я спрыгнула со своей стороны и встретила с ним позади грузовика. И только тогда я поняла, почему это его место. Мы смотрели на его дом и на другие. Я прекрасно видела весь город. Главная улица была усеяна деревьями и реками смоляных дорог. На фоне всего этого выделялась мэрия, так же как и наша школа и церковь. Это было идеальное место для размышлений о жизни и того, из чего она для тебя состоит, когда все, что город Олбани мог предложить, находясь внизу, превосходно располагалось ниже заката.

Вон опустил заднюю дверь кузова и сдвинул несколько садовых инструментов, прежде чем бросить плед на землю. Красный цвет покрывала выделялся на фоне темно-синей дверцы и зелени деревьев.

— Вставай, мы идём! — сказал он слишком радостно. Я тут же поняла, почему, и уставилась на него.

— Знаешь, я не смогу залезть туда без твоей помощи и, притом, не выставив себя напоказ.

— А в чем проблема? — ухмыльнулся он, прислонившись к задней дверце грузовика.

Я кивнула и сдержалась, чтобы не засмеяться. Казалось, я разыгрывала одну из них. После быстрого размышления я поняла, что получить от него помощь — способ менее неловкий, чем позволить ему смотреть, как я стараюсь изо всех сил подняться туда и, возможно, выставляю перед ним напоказ больше кожи, чем мне бы того хотелось. Поэтому я уперлась руками о холодный металл задней откидной дверцы и посмотрела через плечо.

— Ладно, я готова.

Он хлопнул в ладоши, а затем потёр их.

— Я тоже.

И, прежде чем я успела сказать хоть что-нибудь по поводу его комментария, имеющего двойной смысл, он схватил меня за бёдра и подтянул вверх так, что я оказалась на коленях. Уверена, он глазел на мою задницу. Хотя я не думаю, что она выглядела хоть сколько-нибудь привлекательно. До того, как мне удалось восстановить равновесие, он шлепнул меня по ягодице и захихикал, когда я завизжала и упала, свирепо наблюдая за тем, как он веселился.

— Что?

— Серьёзно? — я подавилась.

— Да ладно, я же мужчина.

— Ты нечто.

Он подмигнул, затем разместил одну руку на задней двери, а вторую — со стороны кузова грузовика, прежде чем поднять ногу, — и он на месте. Просто и унизительно ловко, по сравнению с моим подъемом. Я стремглав направилась к задней части грузовика, разглаживая мягкое красное покрывало, а он присоединился ко мне, откидываясь назад и похлопывая место возле себя. Парень выглядел так аппетитно, откинувшись назад, с одной рукой за головой. Он натянул самую дерзкую улыбку, такую, которая намекала на его мысли в отношении меня. Тот взгляд немедленно заставил мою кожу сморщиться, будто у ошипанной курицы.

Думаю, у меня неприятности.

Его черная футболка и синие джинсовые шорты создавали контраст по отношению к насыщенно красному пледу, по которому он снова похлопывал рядом с собой. Я улыбнулась искренней улыбкой, которую не смогла сдержать, и, если честно, не хотела. Он заставил меня улыбаться по-настоящему, так что я улеглась и устроила голову у него на руке, наблюдая за изменением неба, стараясь не слишком очевидно вдыхать его запах.

Ага. У меня серьёзные неприятности.

— Давай, — сказал он, приготовившись для нашей игры.

Я повернулась к нему, наши лица были в сантиметрах от того, чтобы соприкоснуться. Такими темпами моё сердце не выдержит! Лежать рядом с ним, с его теплой, сильной рукой под моей головой — это сводило меня с ума. А потом были мои руки; что я должна была делать со своими руками? Я не знала, поэтому обернула их вокруг живота.

Сконцентрируйся, Харпер. Сконцентрируйся.

— Какой была самая тупая ложь, которую ты говорил?

Он поморщился, и это было мило.

— Это запрещённый приём. Я был прав, говоря, что ты заставляешь меня нервничать! Ты собираешься убить меня?

— Только, если это что-то плохое, — ответила я, смеясь.

— Угу. Сама напросилась, — усмехнулся он. — Я поспорил бы о нашем соглашении.

Я ахнула и лопнула от смеха. Мне правда-правда сразу же понравилась эта игра, и он тоже засмеялся.

— Моя очередь, — сказал он, изучая моё лицо, и я постаралась обуздать свой смех и прочистить горло. — Могу ли я завтра сказать парням, что ты под запретом?

Я не хотела отвечать. Нет, я хотела сказать «Да». Я испытывала просто непреодолимое желание. Но это был тот самый момент, когда он заслужил узнать правду, прежде чем проникся бы ложной идеей о «навсегда», в то время как «навсегда» — не моё будущее. Поэтому я вздохнула:

— Нет.

Он приподнялся на локте, вытянув руку и нависая надо мной в замешательстве. Вдруг мне стало трудно дышать. Последние сияющие лучи солнца сверкали оранжевым светом сквозь кроны деревьев перед тем, как показать небо во всей его чистоте. Но ничто из этого, даже искорки света во мне, не могли сравниться с глубиной в его глазах, что зывала ко мне. Он — причина того, почему моё тело так реагирует.

— Почему? Я знаю, ты чувствуешь это. Я вижу, что отрицая это, ты становишься несчастной.

— Не буду лгать, ты абсолютно прав. Я чувствую это, я все чувствую. Я хочу этого, но не могу.

— Почему же?

— Я не встречаюсь. Я уже могу сказать, что ты станешь моим лучшим другом, но я не могу быть с тобой. Никаких других отношений у нас не может быть, какими бы стремительными не были наши чувства.

Он ещё больше нахмурился, а я протянула руку, разгладив морщинку между его бровей большим пальцем, заставляя его закрыть их.

— Не хочешь или не можешь? — спросил он, эта грусть разбивала мне сердце.

Это было ещё хуже, чем я раньше думала об этом. Мне нравился этот парень. Мне он очень нравился, могу сказать, что внутри он немного сломан, даже больше, чем его отец. Уверена, что это причиняло ему боль, и рассказать об этом — гораздо больнее, но это напоминало мне день, когда я познакомилась с Эйприл. Я знала, что он это вычислит. Я верила в него.

— И то, и другое, — сказала я.

— Дело в твоём отце? Я могу встретиться с ним, если это поможет. Ты можешь не верить, но это дерьмо пугает меня, но я сделаю это.

Я хихикнула.

— Мой отец ни при чем. Дело совершенно не в этом.

Вон сделал глубокий вдох и начал жевать свою щеку изнутри.

— Прежде всего, это первый произнесенный тобой отказ, а во-вторых... Это распространяется навсегда? Нет?

— Твой отказ по поводу «нас» распространен навсегда?

Я думала об этом чуть больше секунды и понимала, что я должна быть предельно честна со своим ответом.

— Нет, — ответила я, потому что если бы всё-таки пережила эту болезнь, это лечение, и он всё ещё хотел бы быть со мной, то я бы ухватилась за это обеими руками. Если бы я умерла,... он простил бы меня за то, что я сделала ему огромное одолжение. Ведь кто, чёрт возьми, в нормальном душевном состоянии захотел бы устроить себе трагедию, встречаясь с умирающей девушкой?

Глава 3: Баланс дружбы

«Дружба — это одна душа, живущая в двух телах».

Аристотель

Харпер

Он расплылся в улыбке, поцеловал меня в лоб, и я не смогу описать, что я почувствовала.

— Если «дружья» — это то, чего ты хочешь, то я дам тебе это.

— Никакого давления, никакого хитроумного плана, чтобы попытаться затащить меня в свою постель? — Я почти хотела, чтобы он ответил «нет», но понимала, если у нас будет что-то длительное, то это последнее, на что ему нужно было согласиться.

— Никакого давления, я обещаю. Что касается хитроумного плана, чтобы затащить тебя в постель, детка, то он мне не нужен. — Он подмигнул, от чего я рассмеялась, потому что именно это мне и было нужно.

— Какая твоя самая глупая ложь? — спросил он, пока снова устраивался на месте, притянув меня к себе так, чтобы я могла положить свою голову ему на плечо. Я пыталась не обращать внимания на желание прикоснуться к его животу и груди. Чертов этикет лучших друзей. Конечно, я залилась румянцем и улыбнулась от воспоминания, прежде чем сформулировать свой ответ.

— Я никогда не пичкала свой лифчик ватой.

Он так сильно смеялся, что я едва удержалась на его плече, а затем он ухватился за верх моего платья. Не думаю, что ему удалось рассмотреть

слишком многое, пока моя рука прижимала ткань на груди, а визг отдавался эхом.

— Там нет никакой ваты.

Я чувствовала жар на лице, словно огонь, и зарылась ему в плечо. Что случилось с этикетом лучших друзей? Ох, точно, это же я пыталась смириться с этим. А он, напротив, казалось, пытался бороться с любого рода правилами этикета. Но всё же я оставалась довольна, что надела бикини, поэтому наслаждалась легким поворотом в наших отношениях, несмотря на всю двусмысленность. Он просунул руку мне под подбородок и приподнял лицо так, что у меня не было другого выбора, кроме как посмотреть на него.

— Ты не можешь быть застенчивой со своим лучшим другом. Лучший друг делится всем.

— Ты делишься всем с Картером?

— Притормози, не нужно быть такой.

Я смеялась, потому что с ним было легко смеяться.

— Рискуя сделать все мрачным и серьезным, какая твоя самая эгоистичная ложь?

Он кивнул и притянул меня ближе. Установилась долгая пауза, и на мгновение я подумала, что он не собирался отвечать, но затем он проговорил.

— Разумеется, у нас есть связь. — Голос его стал грустным, как в той манере речи «утром я буду относиться к тебе с уважением», свойственной лишь ему, и как эгоистка, я бы хотела этого не знать. — Я собирался пройти через это, — ответил он.

— В некоторой степени я даже рада, что ты этого не сделал.

— Но с другой стороны ты бы хотела, чтобы сделал, да?

— Да, но это не то, чем занимаются лучшие друзья.

— Да, — вздохнул он.

Я понимала, что он собирался задать мне точно такой же вопрос, а я не хотела, чтобы он почувствовал разочарование, которое я ощущаю за него. Мы просили честности друг от друга, мы хотели отношений, даже если у них появились бы серьезные недостатки, но сейчас все стало немного зыбким. Поэтому я решила ответить ему, даже прежде чем он спросит, потому как понимала, что в нем шла борьба, стоит ли спрашивать или нет.

— Она может слышать тебя. Мама — все тот же человек, только стала намного спокойнее.

Вон снова оперся на локоть и посмотрел вниз в мои глаза. Солнце почти скрылось за горизонтом, а оттенки оранжевого и пурпурного

окружали сиянием его тело. Он был так похож на ангела, что я пыталась преодолеть желание притянуть его к себе и поцеловать.

— Харпер?

Я понимала, о чем он хотел знать. Мы говорили о моей маме, будто она умерла, когда на самом деле, нет. Однако, вполне могла бы. Закрывая глаза, я могла представить ее за окном дома, над которым работал папа, чтобы держать ее взаперти. Мне было интересно, могла ли она видеть хоть что-нибудь сквозь свои призрачные глаза. Я понимала, что думать и говорить так о ней — очень цинично, но то, что я видела ее такой: лишь оболочкой потрясающего музыканта, жены и матери, которую я знала, пока выросла — убивало меня. Она бы возненавидела себя, если бы отдавала себе полный отчет.

— Я не знаю, почему рассказала об этом Бенни. Может быть, это был тот момент, в котором мне захотелось, чтобы все это оказалось правдой...

— Я сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить. — Около трех лет назад мои родители попали в автокатастрофу по пути домой после своего ужина по случаю годовщины свадьбы. Мама получила обширное повреждение головного мозга, и теперь живет в доме, где о ней смогут позаботиться. Раньше мы постоянно ее проводывали, а сейчас я вижу ее один раз каждые пару недель. Папа навещает ее при каждом удобном случае, который ему выпадает. Такое чувство, что он думает, будто она очухается. Бенни, которому я солгала, на самом деле и не помнит, какой она была прежде. Ему было всего семь.

— О господи. Мне так жаль. — Он погладил меня по волосам и щеке, и внезапно я почувствовала, как часть тяжелого груза спала с моих плеч. Я никогда и никому раньше не рассказывала об этом. — Иди сюда.

Он откинулся на спину, похлопал себя по груди, на которой я разместила свою голову, и затем молча стал поглаживал мои волосы. Я не знала, как долго мы пролежали тут, не произнося ни единого слова, но не думаю, что кого-то из нас это волновало. Это было как то естественно. И ничего общего с тем, чем я себе представляла, занимались бы лучшие друзья.

Вон

Я не хотел быть ее лучшим другом. Я хотел ее всю и желал рассказать об этом всему миру. Но это во мне говорил эгоист. Мой отец такой же, и я ненавидел его за то, что это побуждало меня сказать... она заслуживала парня лучше, который не обременен темным прошлым.

Ее волосы ощущались такими невероятно нежными под моими

пальцами, будто лепестки цветов, и такими гладкими и мягкими, что я был согласен гладить их до самой смерти, если бы она мне позволила. Но не думаю, что она бы позволила, и все-таки я не мог не улыбаться от того, что это в принципе возможно, и был чертовски рад, что она не могла видеть меня и мою идиотскую и бестолковую ухмылку.

— Почему ты не нравишься Эйприл? — спросила она, а я почувствовал, как от ее сладкого мелодичного голоса мое чертово сердце стало биться быстрее. Это было словно музыка с небес. Знаю, звучит банально, но она была моей свободой от этой жизни, моей птичкой певчей, так что я бы боролся с каждым, кто бы захотел отнять ее у меня, в том числе и с Эйприл.

— Наверное, она думает, что я буду оказывать на тебя дурное влияние, — ответил я, а она захихикала, что отдалось мне в рёбра.

— А ты собираешься?

— Я — пасс. — В этот раз она рассмеялась громче и попыталась приподняться, чтобы увидеть мое лицо, но я не хотел, чтобы она это делала, потому как знал, что она была уверена, будто я шутил, не смотря на то, что это было правдой. Очевидно, Эйприл была права, и мне было лучше держаться подальше от кого-то столь прекрасного и невинного как Харпер, и все же я не мог. Даже если бы и хотел. Поэтому я прижал ее к себе, от чего она засмеялась сильнее, и поцеловал в макушку, вдыхая запах ее медово-цветочного шампуня.

— Это твой первый отказ отвечать, а еще я считаю, что она неправа, — спокойно продолжила она, и я почти поверил в ее слова, но всё же понимал, что это не так.

— У меня есть прошлое, и не все в нем было блестяще. — Разве это не правда.

— В том, что все идет блестяще, нет никакой истины. Держу пари, что твой отец предстает перед людьми во всем блеске, пока не открывает свой рот.

Черт побери, я хотел убить своего отца. Я чувствовал, как во мне нарастала ярость, и я изо всех сил старался сохранять самоконтроль. Тогда она начала пальцами поглаживать мой живот, а мое тело замерло от страха, что она прекратит. Надо полагать, что это было ложное суждение, так как она бы остановилась в любом случае, а я хотел сказать ей не прекращать это, но я трус. Это у меня тоже от придурка-отца.

— Сделаешь мне одолжение, Харпер?

— Ммм, думаю, да.

— Когда Эйприл скажет тебе держаться от меня подальше, будешь ли

ты помнить эту ночь, помнить, что значит быть в моих объятиях, и как звезды над нами именно в этот момент сияют по-особенному ярче, чем в любую другую ночь, которую я только могу вспомнить. Будешь ли ты помнить это?

Она молчала, а я хотел знать, о чем она думает, но не осмеливался спросить из-за страха услышать то, что мне бы не понравилось. Господи, похоже, мне бы не понравилось это в любом случае.

— Твой единственный вариант попрощаться со мной — это смерть, и даже тогда я бы не хотела этого. Я буду помнить сегодняшний день, сегодняшний вечер и завтра в твоих руках под этими необычно яркими звездами, которые, мне кажется, горят только для нас. Я буду помнить тепло твоих рук вокруг себя и твой запах, ощущение твоей хлопчатобумажной футболки на моей щеке. Я даже буду помнить, как мы встретились, тебя, стоящего с бикини-группой, только потому, что ты такой красивый без рубашки. — Мы оба захихикали, но от ее слов мое сердце сжалось от боли.

Как только я подумал, что собираюсь нарушить правила дружбы, она продолжила, а я хотел услышать каждое слово.

— Я буду помнить, как размышляла о том, что мне очень сильно хотелось узнать, из-за чего у тебя появилась татуировка в виде дерева бонсай, которая окутывает твои ребра и проходит вдоль спины, но была слишком трусливой, чтобы спросить, потому что тогда ты бы знал, что я рассматривала тебя. Тем не менее, прежде всего, Вон... — Казалось, мое сердце остановилось, когда она вот так произнесла мое имя. — Прежде всего, я буду помнить, что мне не хотелось ничего, кроме как поцеловать тебя, когда у меня была такая возможность, пока мы не стали лучшими друзьями. Это моя тебе клятва.

От одного быстрого намеренного движения она оказалась подо мной, руками я уперся по обе стороны ее головы; они казались большими по сравнению с ее миниатюрным лицом. Ее длинные волосы были разбросаны по красному покрывалу, и я знал, что сохраню его навсегда. Я хотел рассказать ей о своей татуировке, о своей матери, но не сейчас. Я изучал ее, ее большие яркие синие глаза. Они были самыми необыкновенными в мире, будто цвета синей сойки в скворечнике моей мамы. Долгое время я пристально на нее смотрел, наше дыхание смешалось, и все это заставило меня задуматься, насколько сильно я ее хотел. Не только как друга, к черту дружбу. Я хотел, чтобы она была моей, владеть ею, целовать ее, оберегать. Я даже не осознавал, что придвигаюсь к ней ближе, пока она не облизала свои губы, почти касаясь моих, и я понимал, что она не могла отрицать то,

что чувствовала, сильнее чем я. Как только ее глаза затрепетали и закрылись, я приблизился своими губами к ее и отведал дивный вкус своей синей птицы счастья.

Одной рукой я обхватил ее подбородок, проскальзывая пальцами ей в волосы, пока вторая пульсировала под моим весом. Я вздрагивал, когда она едва стонала мне в рот, а еще она привела каждую часть меня в полную боевую готовность. Каждую Часть. Я не хотел, чтобы она думала, будто это все, что мне было от нее нужно, разумеется, я хотел ее, я хотел ее сильно. Но речь не об этом, и мне было страшно, что она придет в себя и отвергнет меня. Но вместо этого она проводила ногтями под моей футболкой, по спине, чем сводила меня с ума. Ее губы были такими мягкими, когда я облизывал гладкую кожу изнутри ее верхней губы, прежде чем начать всасывать ее. Ее руки переместились от моих ребер сзади к талии, и я почувствовал, что теряю самообладание, когда она пальцами зацепилась за внутреннюю часть пояса моих штанов.

Вот он, момент, который мог бы изменить все, что мы обещали друг другу. Господи, возможно, мы бы пошли уже дальше этой точки. Я заметил, что рукой касался ее ребер, а я так сильно хотел ощутить полноту ее груди в своей руке, в то время как она дразнилась, вздымаясь при каждом вдохе, когда произошел взрыв. И нет, я не имел в виду у себя в штанах. Я в том смысле, будто в небе над нами. Мое сердце билось так сильно, но в такт с ее. Дело было не только в нашем поцелуе — нашем единственном прекрасном поцелуе. Какой-то мудака установил несколько фейерверков и не мог выбрать худшего момента, чтобы их взорвать.

Она уселась и посмотрела вверх на небо. Я снова откинулся на покрывало и попытался успокоить свое дыхание и взбесившееся тело, когда она заговорила.

— Когда говорят, что предаваться любви — это будто увидеть фейерверки, я как-то думала, что они преувеличивали. А мы только целовались. — Она шутила, но в данный момент я хотел, чтобы она не острела, потому что был напуган и хотел вернуться к тому, чтобы снова целовать ее, ощущать под собой. Вместо этого я глазел на ее спину, пока она наблюдала за взрывами красной меди и яркого белого магния.

— Это никогда не будет единичным случаем между нами, — сказал я. — Я чувствую это каждой фиброй своего тела, не смотря даже на то, что мы только встретились. — Я не был обезумевшим или разочарованным; я просто констатировал факт.

Она посмотрела на меня через плечо и улыбнулась, прежде чем расслабиться позади меня снова, ее пальцы прослеживали линию вверх и

вниз по моему животу, и я пытался держать себя в руках.

— Я знаю.

— Тогда что означает «баланс» по отношению к лучшим друзьям? — Почти каждый мускул моего тела напрягся в ожидании ее ответа.

— Он то есть, то его нет.

Я вздохнул и попытался обуздать свой гнев.

— Это «чушь собачья», и ты это знаешь. То, что между нами — настоящее. — Я приподнялся, обхватывая колени руками, и почувствовал, что она сделала то же, но я не хотел смотреть на свою синюю птицу счастья, когда она лгала мне, нам. — Я хочу, чтобы ты признала, что между нами что-то есть, что могло бы быть.

Она дотронулась до моей руки, которая нервно подрагивала.

— Я знаю, что между нами происходит нечто большое и настоящее, и я хочу позволить этому вырасти, свободно развиваться, как оно того и заслуживает, но я не хочу разрушить то, что у нас есть, обещаниями, которые я не могу выполнить и сдержать. Мы знаем друг друга пару часов, и принять что-то большее... дать этому имя очень страшно и очень...

Я перевернулся и встал на колени перед ней, взяв ее руки.

— Я не прошу обещаний и ярлыков, только правды.

— Но правда заключается в том, что завтра, когда взойдет солнце, мы не сможем быть теми, о чем ты просишь. Этим вечером ты заставил меня почувствовать такие вещи, которые я и не думала, что когда-нибудь смогу испытать, и в моем сердце будет специальное место, отведенное для тебя и этого вечера, и я буду помнить каждый момент, но завтра мне нужно будет, чтобы ты выполнил свое обещания о дружбе или...

— Или что? — мне было очень страшно спрашивать об этом или слышать это, и я мог почувствовать изменения в своем голосе.

— Или мы скажем друг другу до свидания прямо сейчас.

По мне пробежала дрожь, и я сжал ее руки крепче.

— Что с тобой произошло, Блу? — Она пыталась вырвать свои руки из моих и отвернуться, но я не позволял ей убежать от этого или от нас, все итак было запутанным. Я жаждал владеть ею и оберегать ее, и вот я спугнул ее, когда все, чего я хотел, это быть к ней ближе. *Ты чертов сукин сын! Ты не мог просто довольствоваться тем, что она была готова тебе дать? Принять то, что она пожелала бы, пока хотела тебя?* Однажды она бы увидела то, что видел я, и ушла бы навсегда.

— Прости, — сказал я быстро, и я знал, что прозвучало это отчаянно, но мне было наплевать, что я делал. — Пожалуйста, не уходи, не сердись на меня. Обещаю, если сегодня — это все, что у меня есть, тогда я приму

это, а если завтра ты захочешь, чтобы мы были только друзьями, то я соглашусь и на это.

— Ты заставляешь меня желать больше, но я не могу, — ответила она, из ее глаз потекли слезы, за которые я возненавидел себя.

— Я буду твоим лучшим другом. Я буду наиразлюбимейшим другом, который у тебя когда-либо был, и, когда ты будешь готова дать больше, все, что тебе надо будет сделать, — это сказать об этом. Я не уйду никуда, — слов, правдивее этих, я еще никогда не говорил.

— Наиразлюбимейшим? — Она приподняла брови, и я усмехнулся, несмотря на проницательность и недостаточно хороший разговорный английский.

— Заткнись. Я буду лучшим придурком-другом, который у тебя когда-либо был, и ты никогда не захочешь другого.

— Я не могу просить тебя об этом. Это слишком эгоистично.

Я притянул ее к себе и обнял так крепко, что мне пришлось сознательно немного расслабить мышцы, чтобы не раздавить.

— Не думаю, что ты можешь быть эгоисткой, и, кроме того, ты не спрашиваешь, поэтому я расскажу тебе, как все будет, Блу.

— Вон? — Мне нравилось, как мое имя звучит из ее уст.

— Хмм.

— Почему Блу?

Я снова повалил ее вниз рядом с собой и наблюдал, как остатки дыма от фейерверков плавали по ветру в небе.

— Я чувствую себя свободным с тобой, будто я могу быть собой. Свободным как птица. Что касается синего — твои глаза насыщенного синего цвета, как у сойки. Ты моя синяя птица счастья.

— Я думаю, в тебе скрыт большой романтик.

Я рассмеялся, и мне нравилось, когда она смеялась со мной — надо мной.

— Это наш маленький секрет.

— Все в порядке. Думаю, никто не поверит мне, даже если я и расскажу кому-то.

— Да, возможно, не поверят.

Глава 4: Синяя Птица Счастья

«Одна роза может быть моим садом... один друг — моим миром»

Лео Баскаглиа

Харпер

Всю ночь напролет я металась между тем, чтобы согласиться на

ограниченные отношения (которые я же и была вынуждена предложить) и вовсе ничем. Но в какой-то момент мне показалось, что Вон принял бы это и продолжил бы двигаться вперед, и я рада, потому что не уверена, что смогла бы справиться с последствиями своего собственного ультиматума.

Каким бы ни был космос во вселенной, казалось, будто он играл злую шутку со мной... с нами. Как могли они сводить нас таким образом? Как могли они сблизить нас, чтобы просто разлучить из-за болезни? Конечно, я могла бы победить этот недуг, но слова доктора постоянно вертелись в глубине моего сознания, когда он советовал мне «принять меры», в то время как обычной любезностью было бы сказать «соберись и попрощайся, пока у тебя есть такая возможность». Своего рода, не начинай новых отношений и не ищи свою родственную душу. Родственная душа.

От этого словосочетания сердце мое переполнилось, и я была уверена, что это несколько не преувеличение. Не сомневаюсь, если бы я рассказала Эйприл или кому-либо еще о том, что в семнадцать лет встретила свою вторую половинку, они бы посмеялись и назвали меня наивной. Тем более, что мы были знакомы менее суток. Но, будучи укутанной в мягкое красное покрывало, слушая сердцебиение Вона под своим ухом в уютной тишине, в которой мы находились какое-то время, я всем своим существом знала, что это было правдой. И все же понимание этого все лишь усложняло, потому что никто не хотел бы ранить свою родственную душу. Вон и без того немного пострадал, насколько я могла сказать, несмотря на то, что уклонялся от моего вопроса. Никто не хотел бы видеть свою вторую половинку страдающей. А также никто и никогда не хотел бы наблюдать, как его избраннык умирает. Вот почему, вопреки тому, что мы знали о наших сильных и, да, неожиданных чувствах друг к другу, мы не были в состоянии поддаться им. Мы просто не могли.

Он поглаживал мои волосы, а мои веки были тяжелыми. Казалось, я могла несколько раз даже впасть в нано-сон. Но я не хотела спать, я не хотела пропустить ни одной секунды этой ночи с Воном, тем более, что ночное небо стремительно становилось ярче и я понимала, что восход солнца приближался слишком быстро. Я бы хотела, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась, но больше всего я бы хотела, чтобы я никогда не умирала.

Я не хотела умирать. Ну а кто, черт побери, хотел бы? И не потому, что встретила Вона, это исключительно самосохранение. Я хотела прожить — не просто оставаться живой — а именно прожить жизнь. Тот факт, что я все еще могла переживать такие моменты с Воном, как когда я прилегла к его теплему твердому телу, никак не мешало моим мечтам. Я улыбнулась, лежа

у него на груди, и скользнула по ней вверх, чтобы насладиться легкой дрожью, вызываемой этим движением. Мне нравилось, что я была тому причиной. А затем я под своими пальцами ощутила очень мелкую щетину на его челюсти и завизжала, когда он быстро повернулся и укусил меня за палец. Его смех смешался с моим и, кажется, мы обрели крылья, как у фей, так волшебное это все было.

— Вон, — произнесла я от усталости невнятно, — я не хочу, чтобы солнце всходило.

— Если бы я мог остановить его, то загнал бы весь мир во тьму ради тебя, Блу. Я бы хотел никогда не прощаться. — Я понимала, что он имел в виду, и знала, что это не то окончательное прощание, которого я так боялась. Хотя забавно, как всего одно простое сказанное слово стало слишком пугающим, чтобы позволить ему сорваться со своих губ. Папа не стал бы произносить его, и затем страх перешел бы к моему брату Бенни, а затем и к Вону. Что бы произошло, если однажды он узнал бы то, что должен был узнать рано или поздно?

— Я тоже, — ответила я.

Он приподнялся, увлекая меня за собой, и мне нравилось, что золотистый восход солнца сделал с его кожей. Парень выглядел как ангел этим утром, несмотря на то, что мы не спали, и от осознания того, что стоило мне сказать лишь слово, и он будет моим навсегда, у меня кружилась голова.

— Давай тогда не будем. Давай проведем день вместе. — Он держал обе мои руки, а я поднялась на колени и улыбнулась.

— Мне нужно сегодня отвезти Бенни на его урок по каратэ, потому что папа должен работать.

— Не страшно. Мы и вдвоем можем провести день вместе. Мне бы хотелось познакомиться с Бенни.

Бенни это понравилось бы. Он был бы этому рад больше, чем почти чему угодно во всем мире. Я сказала «почти», потому как это, несомненно, означало бы «много». Ему была нужна мама, которая могла бы с ним поговорить, приготовить ему обед, помочь с его домашним заданием, а не сестра. Ему был нужен отец, который не был бы убит горем и виной, который не работал бы почти каждый час бодрствования, чтобы обеспечивать такие мелочи как еда на столе, а тот, кто мог бы отвезти его на уроки каратэ и футбольные матчи. Бенни нуждался в сестре, которой не приходилось бы выполнять роль и матери, и отца. Ему не нужна была сестра, на которую он бы так сильно полагался и связь, которая была сильнее, чем что-либо другое, чтобы ей угрожала болезнь, которую он не

понимал. Нет, Бенни, по большей части, хотел бы быть обычным ребенком, ведущим безопасную нормальную жизнь, и я хочу для него того же.

Я боялась, что у Бенни никого не останется. Не потому, если бы я умерла, но когда бы мне стало хуже в результате лечения, от чего я бы не ставила его потребности выше своих собственных. Поэтому я бы хотела попросить Вона быть рядом с ним, но как я могла это сделать, если не сказала ему, что от какой-то безжалостной и неумолимой болезни зависит наше будущее.

— Я бы действительно этого хотела, — ответила я, имея ввиду именно то, что и сказала.

Он взглянул на меня, и я увидела в его глазах шоколадного цвета необходимость, которую и сама ощущала как нутром, так и сердцем. Это был тот же самый взгляд, которым он одарил меня, прежде чем поцеловал, и я так сильно этого хотела, пока солнце полностью не поднялось и мы не стали просто лучшими друзьями. Всего лишь лучшими друзьями. Когда я взобралась к нему на колени, у меня сперло дыхание практически так же, как и у него.

— Блу?

Я покачала головой и улыбнулась. Я не теряла контакта с его глазами, что заставляло мое сердце биться как сумасшедшее. Его руки схватили меня за бедра, и я впервые проклинала саму себя за то, что не обращала внимания на слова Эйприл о преимуществах носить исключительно бикини, потому что мне нравились его руки на своей коже. Я хотела чувствовать его кожу своей, а не через ткань платья. Как будто прочитав мои мысли, его руки спустились по моему бедру, и я ощущала его кожу, от чего мне стало тяжело дышать. Вон застонал, а его глаза потемнели, но он не разорвал со мной зрительный контакт.

Я больше не могла сдерживать желание, и мои губы соприкоснулись с его. Я хотела получить один последний поцелуй. Одно последнее мгновение, о котором я бы могла вспоминать, когда жизнь казалась бы слишком сложной. Поцелуй, который был бы моим ангелом, удерживающим меня на земле.

Его губы были горячими, но его язык — еще горячее, и пока он углублялся в мой рот, я практически таяла прямо там, на его коленях. Наше дыхание стало тяжелее, равно как и глубокое желание о большем. И все же он оторвал свои губы от моих и простонал так, будто ему было больно, хотя я знала, что это не так. Я осознала очевидную разницу, когда почувствовала его эрегированный член, и это был самый интимный опыт, который у меня когда-либо был. Это было так волшебно и искренне, что я чуть не

расплакалась.

— Синяя птица счастья, я хочу никогда не прощаться. Я хочу быть с тобой. Я хочу чувствовать тебя, пробовать тебя на вкус... Господи всемогущий... я просто хочу быть рядом всегда. Я твой лучший друг, но однажды ты позволишь мне использовать слово «бойфренд», потому что, как бы там ни было, это именно то, кем я и являюсь.

Я пыталась перебить его и пояснить, что это противоречило бы смыслу быть лучшими друзьями, если бы он в своих собственных мыслях называл себя моим парнем, но он заставил меня замолчать, а я сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

— Я знаю, что ты не хочешь так это называть, но я подумал, прежде чем мы примем сегодня другие роли, я хочу прояснить несколько моментов, чтобы мы не ранили друг друга.

Он был серьезен, от чего мое желание рассмеяться пропало.

— Ладно.

— Я не буду встречаться с другими девушками и хочу, чтобы ты тоже не встречалась с другими парнями. Я знаю, что это не то, о чем лучшие друзья просят друг друга, но это другое. И вот, не возникай насчет моего допроса «с пристрастием», потому как я знаю чертовски хорошо, что если бы ты увидела меня с кем-то еще, это убило бы тебя. Я также понимаю, что как лучшие друзья мы не должны разделять то, чем только что делились, или называть друг друга милыми небольшими прозвищами.

На этом моя бровь поползла вверх, а он рассмеялся, прежде чем продолжить:

— Ладно, за исключением «Блу». А еще мы должны учиться реже отказываться отвечать. Лучшие друзья доверяют друг другу свои тайны и страхи. Думаю, нам даже стоит установить ограничение.

— Например, пятьдесят?

Он издал довольный смешок.

— Нет, например, двенадцать. Дюжина будет идеально. Значит, нам нужно применять их благоразумно, после того, как мы используем их все, мы будем как раскрытая книга.

— На этом все? — спросила я с улыбкой, потому как он, по правде говоря, только что предоставил мне бесплатную возможность не воплощать наши отношения в жизнь. Я бы не смогла быть без него, но я также не смогла бы давать ему все то, что должна бы любимая девушка. Или это было от того, что я не смогла бы принять все от него, как сделала бы подруга. Все это так чертовски сбивало с толку, еще одна вещь являлась очевидной, что даже думать об этом было больно. Вону нужно бы держать

от меня дистанцию, иначе, когда мое тело стало бы уродливым, то это бы ранило его слишком сильно, а я бы никогда не хотела его ранить, если бы смогла этого избежать.

Проводя своей рукой по моей щеке, он запустил пальцы мне в волосы, и я ощутила, будто их окружило солнце. Я хотела закрыть глаза и насладиться этим чувством, но не посмела на случай, если бы лишилась решимости и поцеловала его снова.

— Нет, это еще не все, — проговорил он хрипло. — Как только придет время, когда это будет казаться плохим для нас вариантом, а так и будет, со мной так постоянно происходит, я хочу, чтобы ты пообещала прийти ко мне и дать мне шанс... дать нам шанс. И однажды я докажу, что ты не пожалеешь о том, что позволила мне стать твоим парнем.

Я почти плакала до этого, но я расплакалась сейчас, я была словно долбанная жалкая плакса. Я обняла его и спрятала свое влажное лицо в сгибе его шеи и плеча, потому как нуждалась во всем, что он предлагал, и хоть я и понимала, что это было самой эгоистичной вещью в мире, которую я могла бы совершить, но я согласилась. Я кивала ему в плечо и шептала слова благодарности, пока он гладил меня по волосам и спине, нежно успокаивающе нашептывая, что задевало мое ухо и заставляло снова хотеть его поцеловать. Но целовать его и просить о другого рода отношениях было бы слишком... даже для меня.

* * *

Звук его тихого похрапывания на фоне нежного шелеста листьев над нами и пения птиц был похож на сон. Казалось, будто я грезила, но нет, все было реальным... он был реальным... и я улыбалась сама себе. Из-под тяжелых век я выглядывала сквозь яркие солнечные лучи, чтобы понаблюдать за тем, как поднималась и опадала сильная грудь Вона, из-за чего я просто не могла не почувствовать комфорт и чистую радость в этот очень интимный момент. Я никогда раньше не спала с парнем; на самом деле, у меня никогда раньше не было и шанса заниматься чем-то с молодым человеком. Из-за мамы, более не влияющей на ситуацию, и отца, пашущего как лошадь, на это не было времени. Хотя с другой стороны, это также никогда не было чем-то, чего бы мне хотелось.

У всех моих подруг были бойфренды, и да, у меня тоже были, но это было больше похоже на фальшивого друга. Рано или поздно они отказывались от меня, потому что, я цитирую: «Думаю, будет лучше, если мы останемся друзьями». Что, конечно же, означало, что я была слишком равнодушной к их потребностям.

И все же, пока я лежала в объятьях Вона, я поняла, почему ждала такого простого действия и чувства. С ним это было правильным и по-настоящему. Разумеется, я не могла сказать ему этого, потому что было бы на самом деле жестоко давать ему хоть какую-то надежду для нас.

Я хотела бы лежать здесь до конца дня, слушая его мальчишеское похрапывание и наблюдая, как его грудь поднималась и опадала в размеренном ритме, но когда я сказала ему, что должна отвезти Бенни на его занятия по карате, я не лгала. На его больших часах было восемь двадцать. Тренировки были в городе в десять часов, что дало бы мне достаточно времени, если бы я приехала сама, но так как я была с Эйприл, мне нужно было ее найти. Еще одной проблемой было, конечно же, то, что Эйприл захотела бы получить ответы, но я пока действительно не хотела их предоставлять. Я хотела оставить Вона самой себе ненадолго, без вмешательства жизни, предупреждений и вины. Хотя Эйприл словно Нэнси Дрю⁹, могла обнаружить тайну за милю.

Я могла винить лишь саму себя, так как внезапно исчезла на вечеринке с незнакомцами, оставив телефон у нее в сумочке. Но я знала Эйприл, эта девушка способна выследить каждый мой шаг, пока не обнаружит то, что ей нужно.

Вон предложил отвезти Бенни и меня в город и провести день вместе, и, боже, я хотела этого. Но он был на ногах со мной всю ночь. Он не выпивал и не веселился со своими друзьями на своей собственной вечеринке из-за меня, а теперь он был таким чертовски уставшим, что спал как большой ребенок, и я не могла решиться разбудить его. Трусиха.

Так что вместо этого я расправила свое скрученное вокруг него тело и строила рожицы, когда его дыхание на мгновение становилось неровным, а затем снова возвращалось в размеренный ритм. Я хотела расцеловать его ангельское лицо, но не решалась, в случае, если бы это его разбудило. Возможно, именно об этом я сожалела большую часть всей своей жизни.

Обычно я не была из тех девушек, которые паникуют, но у меня заняло около двадцати минут, чтобы добраться назад к дому, а я нигде не могла найти Эйприл. Я смотрела и кривилась от вида сонных и неподвижных тел, которые удавалось найти, и даже выкрикивала ее имя сквозь тонкие стены палаток снаружи. Из одной палатки слышалось ворчание, прежде чем мне сказали войти и присоединиться к ним... я, черт возьми, так не думала... поэтому вежливо отказалась и спросила, не видели ли они Эйприл, но все, что последовало дальше — это еще одно ворчание, так что я приняла это как «нет». Ответ из второй палатки выбил из меня почти все дерьмо. Эйприл и Картер Уолш были в одной из спален внутри. Какого

черта?

* * *

Я вся покрылась потом, направляясь к дому, даже не имея представления, в какой спальне она находилась и в каком состоянии. Все, о чем я могла думать, это мистер Кэмпбелл. Конечно, Картер казался милым и был одним из друзей Вона, но что если мистер Кэмпбелл нашел ее и излил на нее весь свой гнев? Несмотря на то, что Эйприл определенно могла постоять за себя, это по-прежнему беспокоило меня. И что насчет той камеры? Потому ли он носил ее повсюду, чтобы запечатлеть свои победы, или что-нибудь в таком роде?

Вежливость не была на переднем плане, когда я завалилась в первую же спальню и увидела... ну, давайте просто скажем «бум-чика-вау-вау»¹⁰. Я не только покраснела, но и закрыла дверь так быстро, и была благодарна, что никем из тех троих не оказалась Эйприл. Я бы просто хотела никогда больше не видеть Люка, иначе я бы предпочла не видеть вообще.

Следующая дверь, которую я открыла, оказалась дверью в чулан, о соседней я не беспокоилась, потому как уже была там — это ванная комната. Мне пришлось повернуть за угол в коридоре, чтобы добраться до следующей комнаты, которая, казалось, была главной спальней. К счастью, она не была занята, и мне стало интересно, где же были родители Люка и Вона. Уверена, если бы я узнала, что мои дети устраивают вечеринку с несовершеннолетними... очевидно, все, что бы я сделала, это взбесилась и оторвалась на их задницах.

За последней дверью должен был быть Картер, так и было, что меня нисколько не удивило. А вот что меня действительно поразило, так это когда я открыла дверь, то обнаружила свою кухню в белой футболке, которая была такой длинной, словно ночная рубашка. Эйприл просто спала, лежа на краю кровати, а ее рука свисала над краем. Картер был на самодельной кровати на полу под ней, его камеры нигде не было видно. Это было так мило, именно тем, чего я никак не ожидала от Эйприл.

Картер проснулся не по моей вине, — я слишком сильно потерялась в ми-ми-мишности Эйприл, чтобы произнести хоть слово. Он просто улыбнулся, потянулся и сел, прежде чем чмокнул Эйприл в щеку. Не знаю почему, но я почувствовала себя незванным гостем, поэтому выскочила за дверь и ждала уже в коридоре.

Должна сказать, что у Эйприл не заняло много времени, чтобы выйти из комнаты и обнять меня так сильно, что, казалось, она могла бы меня задушить. Затем, на ровном месте, она отпустила меня и шлепнула по руке достаточно сильно.

— Какого черта? — завизжала я, потирая свою руку и уставившись в ее глаза, словно кинжалы пронзающие меня. Да, если бы она могла нанести мне удар этим взглядом сто раз, она бы это сделала.

— Что за хрень?

Картер вышел из комнаты и подмигнул мне, прежде чем поцеловать Эйприл в висок, его камера зацепила их прощальный момент. Мне хотелось думать, что я это себе придумала. В моей жизни было много вещей, которые мне бы хотелось запечатлеть на пленке, не просто для самой себя, а даже больше для Бенни, когда меня бы не стало.

— Позвони мне, когда доберешься до дома, — ласково сказал он, прежде чем повернул за угол и исчез из поля зрения. Казалось, чувства просто переполняли мое сердце, но я взглянула на свою кузину, а она внезапно стала выглядеть немного грустной.

— Скажи, что это не правда — Эйприл Гиллеспи лишилась равновесия из-за одного парня. Что случилось с освобождением от обязанностей, которое ты навязывала с первого дня в школе?

Она снова посмотрела на меня, в этот раз ее взгляд был более мягок, и вздохнула. Да, мое сердце болело из-за этой девушки и того, что с ней сделал один единственный парень. Хотя Эйприл и была любительницей поиграть, она не была шлюхой. Она была излишне требовательной в этом плане, но ей нравились знаки внимания. Тем не менее, когда я смотрела на свою кузину в этот момент, я видела разницу, я видела, что Картер Уолш украл ее сердце, и он нравился мне за это, потому что ей был нужен кто-то, чтобы любить и быть любимой. Поэтому я обхватила ее рукой и чмокнула в щеку.

— Пойдем. Я должна отвезти Бенни на каратэ, а тебе нужно в деталях рассказать мне, что произошло прошлой ночью с Картером.

Она сжала меня в ответ, и мы шли в обнимку к машине в блаженной тишине, мечтая о парнях из Олбани, которые изменили наши жизни.

Слух о том, что Вон с новой девушкой сбежали вместе, прошелся по всей вечеринке быстрее, чем пищевое отравление в Индии. Эйприл не рассказывала мне, что еще говорили, но я могла себе представить. Слухи были настоящей наживкой для акул олбанской средней школы.

Мне было интересно, как бы на слухи отреагировал Вон; он не был похож на того, кто не обращал бы внимания на подобное. Как я и говорила, я хотела бы его разбудить перед тем, как уйти. Жаль, что мы не смогли разделить еще один поцелуй, прежде чем стать «просто друзьями». А еще я бы хотела... чтобы у нас могло начаться что-то такое же прекрасное, как у Картера и Эйприл.

Вон

Мои глаза не хотели открываться, и на долю секунды мне показалось, что с ними что-то не так. Затем я вспомнил свою безупречную ночь с Харпер, своей синей птицей счастья, и протянул руку к ее нежной коже, но почувствовал всего-то гладкость покрывала. Внезапно мои глаза открылись, больше не испытывая затруднений, потому что никоим образом девушка не могла уйти после того, что мы обещали, после того, чем поделились. Тем не менее, когда я посмотрел на покрывало, потом окинул пустоту вокруг себя, а затем бросил взгляд на свои часы, я понял. Девять одиннадцать утра. В котором часу она говорила, ей было нужно отвезти брата на каратэ?

Черт возьми, она ушла. Я уснул, а она меня не разбудила. Мы заснули в объятиях друг друга всего час назад. Я знал это, потому что дожидался, пока мог бы услышать ее нежное тихое посапывание и милую болтовню во сне. То, что она говорила, не имело вообще никакого смысла, кроме случая, когда она произнесла мое имя и улыбнулась. Я бы никогда не смог этого забыть. Так бы и дальше не спал, стараясь расслышать, как она бы повторила это снова, но мое тело предало меня, и песочный человек¹¹ вывел меня из строя.

Жаль, что она не разбудила меня. Я жалел, что не старался бороться сильнее с желанием уснуть. Вот если бы она хотела быть со мной так же сильно, как я хотел быть с ней, потому что все, чего я желал, это быть с ней.

Я не знал, что с ней такого произошло, что она вела себя таким образом, и я фактически был слишком напуган, чтобы это выяснять, но если я хотел быть с ней, мне было нужно принять это. Что бы это ни было, я бы принял это, потому что я уже и без того знал, что не смог бы жить без нее. Безумие, учитывая временные рамки знакомства с ней, наверное. Пожалуй. Но я знал, что в тот момент, когда увидел ее танцующей на сцене так, будто она была свободна от всего мира, она была именно той, кого я и дожидался.

Я закинул покрывало и мусор в кузов грузовика и завел двигатель. Хорошо, что не забыл отключить зажигание после того, как Блу был нужен свет, чтобы она смогла пописать. Было так мило слышать ее визг, когда я спросил, не была ли ей нужна моя помощь. Углубившись в воспоминания, я на скорости быстро добрался до дома. Мне было плевать, что люди спали на полу, стульях и... на клумбе. Чертов Крейг, ты — идиот. Я быстро проверил дом, чтобы убедиться, что ее там не было, а затем бросился назад

к грузовику, в первый раз жалея о том, что согласился с ней, будто получил бы что-то быстрее.

Нарушая почти все правила дорожного движения, я добрался до улицы Блу, а когда повернул за угол у меня в горле встал ком от того, что прошлой ночью мне хватило ума спросить, где она жила. Ей не нравился ее новый дом, но по мере того, как я подъезжал к белому деревянному зданию, я не понимал, что там могло не нравиться. Хотя с другой стороны, я знал лучше любого, что дело было не в том, как он выглядел. Я жил в одном из самых востребованных домов в округе, но никогда не чувствовал себя там как дома. Я скучал по дому своей мамы и никогда не прощу отца за его продажу. Если бы я только мог позволить себе ипотеку, я бы жил там сам, но это была лишь несбыточная мечта семнадцатилетнего ребенка, она изменила свое мнение по поводу нашей сделки. Она видимо решила, что смогла бы найти кого-то лучше меня, и она была права. И все же я не собирался отпускать ее без достойной борьбы.

Я постучал и вздрогнул. Это было немного сильнее и громче, чем я предполагал, и я надеялся, что не расстрою ее отца, так как от одной лишь мысли о встрече с ним того и гляди намеревался наложить в штаны. Мужчина работал на износ, и я даже представить себе не мог этого озверевшего типа, нападающего на меня потому, что я поцеловал его дочь. Я никогда не считал отцов и матерей за родственников. Они без промедления видели во мне эгоистичного сопляка и хотели, чтобы я держался на расстоянии от их дочерей. Только те, у кого в глазах горели ценники, позволяли мне войти. Мало кто из них понимал, что я не стал бы брать никаких денег своего отца.

Маленький мальчик в белой форме для каратэ открыл дверь и нахмурил брови. Бен. На самом деле он не был похож на свою сестру, но была в нем такая характерная черта как глаза, которую я сразу в нем заметил. Не цвет голубой сойки, это, кажется, лишь ее особенность, а вот миндалевидная форма определенно была семейной чертой.

— Привет, — сказал он, приподняв брови.

— Привет, Бен. Твоя сестра здесь? — Он явно был застигнут врасплох тем, что кто-то незнакомый ему знал его имя, от чего я улыбнулся. — Я па... лучший друг твоей сестры. Сегодня я отвожу вас обоих на твоё занятие по каратэ.

— У нее парень в роли лучшего друга? — Затем он рассмеялся и потянул дверь на себя, чтобы я вошел. — Жду не дождусь, чтобы увидеть лицо тети Джун, когда она это услышит. У нее будет истерика. — Он снова расхохотался, а я вошел, хихикая себе под нос. — Она в душе, я скажу, что

ты здесь.

— Постой. А можно я? — И снова он поднял брови, от чего я рассмеялся. — Я не стану подглядывать за твоей сестрой. Я просто хочу застать ее врасплох.

Бен, казалось, на секунду задумался над этим, а затем пожал плечами.

— Без разницы. Я все равно смотрю «Бен 10»¹². Но никакого подглядывания за ней, или мне придется надрать тебе задницу. — Он махнул рукой на свою форму по каратэ, и таким образом я понял, что у него были ниндзя приемы, чтобы устранить меня. Я не знал, что в каратэ означал синий пояс, но принял его слова во внимание.

Я снова рассмеялся, а еще я знал, что мне однозначно нравился этот мальчишка, — в нем было мужество.

— Я обещаю, и пока она будет одеваться, я приду посмотреть его с тобой. Мне нравится «Бен 10». Разве он для подросткового возраста?

— Нет, как раз для тех, кто младше.

— Класс. Они лучшие.

Бен широко улыбнулся.

— Однозначно. — А затем он показал мне дверь ванной комнаты и ушел смотреть свои мультики.

Я хотел подсмотреть, я действительно хотел. Но не стал бы, и не только из-за того, что я пообещал «десятилетке», но и потому, что у меня было больше уважения к моей Синей Птице счастья. Когда она позволила бы посмотреть на себя, тогда я и увидел бы ее.

Я слышал, как шумел душ, и это возбуждало меня, или, если быть точнее, мысли о ней, обнаженной под душем, возбуждали меня, так что я почти отказался от своих намерений. Почти. Вместо этого я дрожащей рукой постучал в белую дверь и попытался себя успокоить.

— Бенни, я буду всего через минуту, и затем мы поедем.

Мои щеки начали болеть от широкой улыбки, вызванной ее раздраженным тоном. До этого я не слышал ее недовольства.

— Ты ничего не забыла этим утром, Птица Счастья? — Воцарилась тишина; кроме звуков душа, но затем и они прекратились. — Харпер?

Дверь распахнулась, и я оказался в клубе пара, прежде чем увидел ее покрасневшее влажное лицо. Я хотел поцеловать ее сильнее, чем что-либо еще, но я помнил правила. Лучшие друзья не целуются.

— Вон? — То, как она произносила мое имя, заставляло мою грудь... я не знаю... быть заполненной. Господи, она — это что-то. — Вон, что ты делаешь? — Глаза меня выдавали, так как начали следить за каплей воды, что скользила вниз по ее длинной шее к ключице и вниз к тому месту, где

она сжимала полотенце, и я завидовал капле воды. Я хотел ощутить ее влажную кожу и жар ее горячей крови под собой. Я хотел... — Вон! Прекрати!

Я отскочил назад и посмотрел ей в глаза. В них не было гнева, который внушал ее голос, в них было сексуальное желание по отношению ко мне. Я застонал, пока отходил и опёрся на стену в коридоре, потому что именно в тот момент я был так чертовски искушен, чтобы толкнуть ее обратно в ту ванную комнату и показать ей, чем лучшие друзья никогда не должны заниматься.

— Вон, — вздохнула она, и я понял, что снова это делал, от чего широко улыбнулся.

— Прости. Я ничего не могу поделать, когда ты стоишь тут в полотенце, вся мокрая и... Харпер, иди оденься, прежде чем я проиграю эту битву.

— Битву?

Я посмотрел ей в глаза, после чего мой взгляд опять скользнул к впадинке между грудей, в которую я хотел опустить язык и слизнуть оттуда капельки воды, а затем снова заглянул в её глаза.

— Оу.

— Так что, если ты ценишь наше новое соглашение, то я предлагаю тебе одеться, чтобы мы могли отвести твоего брата на тренировку каратэ вовремя.

— Хорошо, — прошептала она, отступая назад и направляясь ко второй двери справа. Я запомнил, где находится ее спальня, прежде чем направился обратно в другую сторону, туда, где Бен смотрел «Бен10». Мне нужно было немного времени с безобидным мультфильмом.

На стенах не было ни единой картины, кроме тех, что у входной двери. Почему они, а не какие-то другие? Я хотел увидеть на стенах фотографии Блу, где она счастлива и вместе со своей семьёй. Однако прошла всего лишь неделя с того момента, как они переехали, так что нужно было, видимо, подождать. Я знал из собственного опыта, как много времени требуется, чтобы разложить все свои шмотки, как ты хочешь, когда переезжаешь. Мое место в теплице было моим убежищем и было обставлено так, что там было все, чего у меня не было. В доме отца у меня была комната, которая выглядела минималистично, так как это был дом моего отца и мачехи, а им нравился минималистический дизайн. Минималистическая любовь, минималистическое счастье, минималистическая личность. Все минималистическое. В то время как моя мама хранила все, что когда-либо делал для нее, абсолютно все. В ее

комнате всегда на зеркале висело деревянное ожерелье, ещё когда я был дошкольником и оно висело так долго, сколько я себя помню. Оно до сих пор у меня. Поэтому, когда я говорил «мое место», я не имел в виду ту комнату в доме моего отца. Мое место и мой дом в саду.

«Бен 10» только что превратился в Бриллиантовую Голову, который расстроен из-за Омнитрикса, как обычно, потому что это не тот инопланетянин, которого он хотел. В это время Гвен и Кевин боролись против злых сил Вселенной. Некоторые вещи никогда не менялись, и я был рад, что моя любовь к мультикам была одной из этих вещей.

Бен, брат Блу, сидел на диване и ел хлопья прямо из коробки, и я мягко рассмеялся, присаживаясь рядом с ним и приветствуя его кивком во второй раз. Он кивнул в ответ, и я улыбнулся. Да, мне нравился этот ребенок.

— Итак, лучший друг моей сестры, который является парнем, почему она не сказала мне, что ты подвозишь нас?

Я подумал, прежде чем ответить, и у меня было такое чувство, что он не оценил бы мой «баланс», так что я попытался остаться настолько честным, насколько это было возможно.

— Потому что я хочу узнать ее лучше, а это значит, что и тебя тоже.

Бен, казалось, обдумал, что сказать дальше, прежде чем раскрыть рот, при этом его глаза ни на секунду не отрывались от экрана телевизора. Он был очень смущенным ребенком.

— Тебе она нравится?

— Да, бро. Она мне нравится.

Он закинул больше хлопьев в рот, а его взгляд на мгновение задержался на мне, прежде чем вновь вернуться к экрану телевизора.

— Ты ей нравишься?

Я вздохнул без задней мысли, и Бен повернулся ко мне с выражением, которое я не мог расшифровать, но в нем было что-то грустное, что мне так хотелось забрать.

— Да. Но в моей жизни нет ничего легкого. Я подозреваю, что это могло бы быть так же, как и у вас, ребята.

Мы несколько секунд глазели друг на друга, в то время как «Бен 10» играл на заднем плане, прежде чем мальчишка кинул мне коробку с хлопьями, и я улыбнулся, засовывая руку в шуршащую упаковку, достав оттуда несколько вкусных шариков. И тогда я подумал, что только что получил временное одобрение от ее маленького брата. Затем он вернулся к своему шоу, и я поступил также, прежде чем услышал шаги за мной.

— Готовы? — спросила она мягко, и я улыбнулся, посмотрев на нее через плечо, потому что знал, что это реакция на меня, и мне это

наверилось.

Бен выключил телевизор и бросил свою коробку с хлопьями на журнальный столик, прежде чем перевернулся через диван и проделал несколько ниндзя трюков из каратэ, пока Блу хмурила брови как могут только сестры. Я был впечатлен тем, что представлял собой синий пояс по каратэ, и по взгляду, который уловил на себе, я понял, что был одинок в той заинтересованности.

— Кажется, я хочу заниматься каратэ. — Я соскочил со своего стула и проделывал какие-то странные движения из каратэ, пока не остановился всего в нескольких дюймах от ее лица. Я так сильно хотел ее поцеловать, и когда приблизился, ее учащенное дыхание указывало, что она точно могла бы мне это позволить. Вместо этого я чмокнул ее в щеку и отскочил в другом каратэ-движении, пронзительно выкрикивая как Джет Ли, когда тот проделывал одно из своих виртуозных приёмов.

— Ты словно ребенок.

Я широко улыбнулся и сделал шаг в ее сторону, чтобы снова посмотреть, как она напряглась.

— По-моему тебе стоит иногда вести себя как ребенок. Ты кажешься мне немного напряженной. — Затем я сделал кое-что дерзкое, — шлепнул ее по сладкой попке, затянутой в короткие джинсовые шорты, услышал затрудненное дыхание, проникающее в мои уши, провоцируя мое либидо. Затем я направился в сторону коридора, пока не вышел за дверь без оглядки, несмотря на то, что так сильно этого не хотел. Эта дружба станет моей смертью.

Харпер

Мне показалось, что я проглотила язык, когда он шлепнул рукой по моей попе, а потом я перестала соображать, когда он блеснул мне своей кривой усмешкой, перед тем как отойти от меня. Он дразнился и, Боже, помоги мне, он был хорош в этом. Игра началась!

К тому времени, как я захватила свою сумку и закрыла за собой дверь, Бенни уже ждал меня в грузовике Вона. Это была двухместная кабина с несколькими царапинами на ней, и разглядывая её, в моем мозгу немедленно родились три мысли. Во-первых, у него много денег и все же он ездил на рабочем грузовике, а не на одной из тех гладких и блестящих машин, а во-вторых, так как кабина — двухместная, а Бенни уже сидел, пристегнувшись, с пассажирской стороны, я должна была сидеть между ними. Очень близко. И я не знала, готова ли была я к близости в наших новых отношениях. Ну, а в-третьих, я не могла выбросить из головы наш

последний поцелуй на заднем сидении его грузовика.

— Ну, давай, Харпер, — позвал меня Бенни. — Мы опаздываем. А сэнсэй настоящий садист. В буквальном смысле.

— Хорошо, я иду.

— Тебе придется забраться с этой стороны, — Вон усмехнулся, и я хмыкнула. Угу, как будто это не было запланировано.

— Дружище, тебе лучше вести себя прилично. — И я не имела в виду, пока он сидел бы рядом со мной в кабине, потому как я знала, что он приложил бы усилия вести себя так, как надо с моим братом по поводу нас. А вот к чему я это, так к тому, что мне пришлось подниматься в кабину его грузовика, предоставляя свою задницу на его очередное нападение.

Он поиграл своими бровями вверх и вниз, а затем подмигнул. Уже тогда я знала, что этот переходный период дружбы был бы сложным, если не, черт побери, практически невозможным.

Мы приехали на тренировку Бенни как раз вовремя. Поездка прошла за болтовней между ними, а я сидела прямо посередине, что заставило пересмотреть распределение мест по пути домой. Ладно... это и тот факт, что каждый раз, когда Вон двигал своей рукой или кистью руки, он задевал мою ногу, и я никак не могла этого избежать. Поверьте, я пыталась.

Бенни ушел в считанные секунды, оставляя нас с Воном лениво смотреть ему в спину. По приезду в этот город братишка сразу записался в секцию, я тоже хотела пойти учить детей танцам, но это был чужой город и совсем другая жизнь.

— Так ты собираешься со мной разговаривать? — спросил Вон, когда незаметно подкрался ко мне, пока я наблюдала, как Бенни входит в зал. Я нахмурила брови, переведя взгляд на парня.

— О чем ты говоришь?

— Ты едва ли сказала мне хоть слово за все утро.

— Я бы предпочла думать, что тебе надоел мой голос после болтовни всю ночь напролет. — Я снова смотрела на Бенни, но не махала ему рукой, потому что он был бы недоволен, сделай я это. Вместо этого я отошла и подняла свою голову к яркому солнцу, поглощая солнечные лучи и тишину. Но это не длилось долго, так как «тишина» означала нечто другое в присутствии кого-то, как Вон, и я случайно бросила на него мимолетный взгляд. Я сожалела об этом, потому что он заставлял мой желудок таять. Я устала, и мне был нужен кофе. Он слегка задел мое плечо своим.

— О чем ты только что думала?

Мне нравилось то, что он находил способы дотронуться до меня. Я ненавидела, что люблю это, так как я была своим самым худшим врагом.

Использовать прямо сейчас отказ от ответа было бы удобно, но вместо этого я раскрыла ему одну из своих мыслей.

— Мне нужен кофе, и я буду признательна любому, кто сможет меня им обеспечить, и я действительно имею в виду кого угодно.

Вон прищурился, тщательно раздумывая над моим ответом, прежде чем ослабить тень своих мысленных сомнений и усмехнуться.

— Мне нравится, когда ты у меня в долгу, так что по рукам, дерзкая девчонка. — Он обнял меня и притянул к себе, прежде чем поцеловал в висок. — Пойдем, ворчунья, давай возьмем тебе этот кофе. Я знаю подходящее место.

Я знала, что говорила, будто испытывала необходимость держать его на расстоянии, чтобы уберечь от того, что предстояло ему узнать, однако он усложнял это и вопреки своему обещанию определенно с этим боролся.

Мы направлялись в кафе за углом в уютном безмолвии. Солнце светило на нас, а я немного смущалась от близости, в которой мы оказались. А затем я начала потеть. Я не хотела, чтобы капельки пота попали ему на руку, поэтому сделала небольшой шаг в сторону, позволяя его руке соскользнуть со своего плеча. Он посмотрел на меня, но промолчал, и это освободило меня от необходимости объяснять то, почему я отошла, потому как это могло ранить его чувства. Эйприл была хороша в этом, тоже. Конечно, она изображала из себя всеми брошенную, но она понимала, почему я так поступала, и оставляла меня в покое.

Он отодвинул для меня стул, и я не могла сдержаться от широкой улыбки, разрывающей мои проклятые щеки. Вон отражал меня саму, от чего находиться в его компании казалось естественным и приятным. Он сел напротив меня и откинулся на спинку стула, закидывая руки себе за голову. Теперь парень выглядел дерзким и задумчивым, и в этот раз я спросила.

— О чем ты сейчас думаешь?

Он захихикал.

— То, о чем мерзавец не знает, ха?

Я втянула свою губу и откинулась на спинку своего собственного стула, кивая головой.

— Туше.

Вон положил свои руки на стол и наклонился вперед. Думаю, он ожидал, что я сделала бы так же, когда приподнял бровь, глядя на меня так, что от его вида я снова едва сдерживала смех в нашей игре.

— Почему на самом деле ты не разбудила меня сегодня утром?

И снова я хотела отказаться от ответа, но пока тянула с этим. Мне была бы нужна эта возможность для важных моментов.

— Если честно... мне было страшно. Я боюсь пересечь с тобой границу, которая так легко размывается.

Он выглядел так, будто собирался что-то сказать, но затем сжал свои губы, кивнул и откинулся на спинку стула, так как подошла одетая во все черное официантка с небольшим блокнотом и ручкой наготове.

— Вон, — отрезала она, прежде чем обратить свой ледяной взгляд на меня. У них несомненно было прошлое, и я понимала, что собиралась использовать это как один из своих вопросов, как только девушка приняла бы наш заказ.

— Мэри, — ахая, выдохнул он ее имя, от чего мой желудок сжался. — Не могла бы ты принести сладкий чай, два бисквита с подливкой и ванильный латте, пожалуйста? Да, и кусочек сегодняшнего сладкого пирога.

Я не говорила ему, что хотела ванильный латте или поесть, но внезапно от одной мысли о сладком мягком кофеине и жирной пище во рту у меня потекли слюнки. Пирог, я бы не прикоснулась к нему так рано утром, но я подозревала, что он знал и об этом. Странно, насколько отличались здесь различные мелочи, если сравнивать с Сиэтлом. Я бы заказала рогалик и латте домой, здесь здоровая пища готовилась с нуля. Я думала, что это как раз и могло быть лучше всего, что касалось приезда сюда, где ни один человек тебя не беспокоил.

Мэри записала заказ и развернулась, поспешно направляясь к стойке без единого слова. Что произошло с вежливым обслуживанием клиентов?

— Давай, выкладывай, — серьезно сказал он, а я повернулась и снова заметила в его глазах грусть, которую обычно он так хорошо скрывал.

— Ну, если ты знаешь, о чем я собираюсь спросить, то почему просто не сказать, как есть? — Я понимала, что мне бы следовало быть мягче и позволить ему сделать паузу, когда он, казалось, изо всех сил старался справиться с тем, насчет чего, по его мнению, было нужно раскрыть тайну.

Он кивнул.

— Просто я не хочу, чтобы ты размышляла над тем, о чем думаешь, хоть это и есть как бы то, о чем ты думаешь. — Проворчал он и провел пальцами по своим волосам, а я выдала следующее.

— Я отказываюсь отвечать. — Я бы хотела, чтобы он знал, но не желала наблюдать за тем, как бы он боролся с самим собой по этому поводу. В конечном итоге, это не имело никакого значения. Он мог сожалеть, и я была уверена, что он сожалел о том, что бы ни случилось между ним и Мэри, но я могла точно сказать, что он был хорошим парнем. Он так не думал, но я — да, и я собиралась сделать своей миссией

заставить его осознать это во время нашего общего с ним времени.

Вон протянул свою руку к моей, и я позволила ему взять ее, так как понимала, что ему это было нужно. Он сжал ее, и я сделала так же, когда дрожь от... чего? Страх? Опасения? Дрожь пробежала по всему телу, и я хоть и пыталась ее скрыть, это было бесполезно. Он видел все. Было так, словно я была обнаженной в его глазах, и я не могла ничего прикрыть. Он провел пальцами своей второй руки по моему плечу, наблюдая за тем, как появлялись мурашки.

— Она — сестра девушки, к которой у меня не было чувств, а я позволил ей верить, что были, но на одну ночь.

Угу, было очень похоже на то направление, которое, по моему мнению, все это приняло бы.

— Зачем ты так?

Его челюсть сжалась, и, не смотря на то, что по идее мы бы менялись ролями задавать вопросы, это было другое. Я хотела знать, но больше этого он хотел мне рассказать.

— Спроси меня про татуировку в виде дерева бонсай.

Что? Клянусь, у него не только было экстрасенсорное восприятие, парень также мог радикально менять тему. Я вспомнила именно то, что он имел в виду, и от воспоминания по всему телу растеклось тепло.

— Почему бонсай? — Еще я хотела спросить, почему оно было таким большим. Начиналось оно на его левом бедре, по диагонали расходилось по его ребрам и вдоль всей спины. Было оно замысловатым, прекрасным и необычным. Мне оно очень нравилось, даже без знания значения, которое стояло за ним.

— Моя мама раньше владела теплицей. Теперь ею владею я.

Он тяжело дышал, а взглядом наблюдал за движениями своего большого пальца по моему запястью. Я не понимала, зачем она передала ему теплицу в возрасте всего лишь семнадцати лет.

— Ее самым любимым растением в мире было дерево бонсай. Однажды она сказала мне, что бонсай было посажено там, где встречаются небо и земля.

О Господи. Моя свободная рука накрыла мой рот, потому что теперь я поняла. Поняла ту печаль, такую же я узнавала у моего отца, от этого в моей груди появилась боль, и я не хотела, чтобы он продолжал говорить. Я хотела держать его за руку и остановить слова, вылетающие из его рта, потому что они изменят все. Я хотела стереть слезу, скользящую вниз по его щеке, вместо того, чтобы позволить ему грубо сделать это собственным плечом, ведь он отказывался отпускать мою руку.

— Знаешь, она много мне рассказала о растениях, и это дерево — одно единственное, которое её зацепило. Она создала целое святилище сортов бонсай и других восточных растений, но я ни о чём таком в то время не думал. Было похоже, что она знала, что умирает, и не хотела мне говорить. Как будто не хотела это признавать, — он вздохнул. — Она устала задолго до этого, и я приписывал это многим вещам, которые ни черта не значили. Приписывал бывшему мужу-ублюдку, сыну-подростку, который не ценил её достаточно. — Я хотела перебить его и сказать, что она знала, что он любил ее, ценил ее, но я промолчала. Он нуждался в этом больше, чем сам понимал. — Приписывал работе в бизнесе, который не предполагал роскоши... Приписывал её наплевательскому отношению к самой себе, потому что меня она любила больше. Но, в конце концов, причиной был асбест, который и убил мою маму.

Я была так рада, что мы были наедине, потому что я спрыгнула со своего места на его сторону, сжимая его в своих маленьких руках до того, как он сможет вымолвить еще хоть одно слово. И я не ошибалась, когда думала, что ему нужна защита, но ошиблась в том, насколько глубоко мы были испорчены.

Глава 5: Близко к грани

«Потеря надежды, а не потеря людской силы, является тем фактором, который решает исход войны. Но беспомощность провоцирует безнадежность».

Б. Г. Лиддел Гарт

Харпер

Самым интимным моментом, который я когда-либо разделяла с кем-либо, был момент, когда я обхватила Вона сзади, а он тихо рыдал в моих руках. Мы будто находились в своём собственном пузыре боли, отчаяния, вины и страданий, в то время, когда весь мир вокруг нас продолжал жить.

Мне было плевать на то, кто смотрел на нас. Мне было бы плевать, что подумала бы Мэри, если бы она сейчас вышла с нашим кофе и едой. На что мне было не наплевать, так это на то, чтобы защитить парня, который винил и мир, и себя в смерти своей матери. Я хотела защитить его от той боли, но для этого было уже поздно, и ему нужно было это понять. Этот вид агонии разрушил бы вас изнутри. Мне было это известно. Я смотрела на своего отца и видела, что она сделала с ним, и я боялась за своего брата, если я не выкарабкаюсь. Я боялась, что он будет запивать горе как Вон и никогда не выберется из этого.

Вся эта боль внутри него переместилась прямо ко мне в душу, и мне было больно за него, но на тот момент я лучше всего знала то, что единственное, от чего его нужно защитить — это я.

Не было никакого чёртового исхода, где я позволила бы ему пройти через беспомощность наблюдения за тем, как тот, кто ему дорог, увядает, словно осенний лист. Да, довольно поэтично, в голову не шло ничего, кроме поэзии. Я чувствовала, как боль и ненависть горят в моей собственной беспомощности, хотя и научилась, как это обуздать, потому что никому легче от этого не стало бы. Вместо этого я ласково успокаивала парня и поэтому дала прочувствовать это всё. В какой-то момент он перестал дрожать и уткнулся лицом мне в шею, а моё сердце сбилось с ритма. Клянусь, если бы это не рак меня убивал, то это сделали бы его нежные касания.

Я чувствовала его пульс под своей ладонью, сильнее и быстрее моего, когда он бился под кожей. Он поднял свою руку и пропустил сквозь пальцы мои волосы на затылке, и мурашки снова одолели меня, как только он мягко поцеловал мою шею. Влага на его ресницах щекотала мою кожу, поэтому я боролась с желанием извиваться. Его маленькие поцелуи переместились с шеи на челюсть, а от его дыхания напротив в моем животе зародилось тянущее ощущение.

Его губы остановились у уголка моего рта, и мне всего лишь требовалось немного повернуть голову, чтобы он меня поцеловал. Он ждал, пока я решусь переступить черту, которую сама же нарисовала и теперь хотела стереть. Моё сердце как сумасшедшее трепетало в груди напротив его плеча, что это было почти больно.

— Ничего, что это публичное место? — раздался разъярённый женский голос, сопровождающийся громким звоном тарелок, сталкивающихся со столом, когда я быстро вырвала ладони из рук Вона.

Не прошло много времени, прежде чем вина и стыд стали моими лучшими друзьями. Вина висела на мне мёртвым грузом, потому что после того, как я выяснила, что болезнь, высасывающая жизнь отняла у него мать, я без сомнений знала, что не позволю ему наблюдать за тем, что она делает со мной. Но всё же, я не отталкивала его от себя, чтобы спасти, а засасывала всё глубже. Я хотела целовать его, хотела чувствовать его горячее дыхание напротив своего рта, хотела тот невинный поцелуй, который мы разделили этим утром, сидя на холме в задней части его грузовика.

Тем не менее, это не должно было произойти, неважно как сильно и отчаянно мы этого хотели. Вону нужна была свобода от цепей смерти, а

быть рядом со мной — значит бросить якорь в ад, от которого он отчаянно хотел освободиться.

Мне не удалось извиниться перед Мэри перед тем, как она ушла. Я просто сидела на своём стуле и пыталась отстраниться от единственного парня, который помог мне почувствовать настоящую, свободную жизнь, что теперь ощущалась карточным домиком, грани которого вращались вокруг меня.

Счастливое будущее Вона не рядом с девушкой, у которой заканчивался «срок годности». Вон потянулся к моей руке, а я... потянулась за своим кофе. Да, я знаю... Я курица. Большая, жирная, эгоистичная, больная курица.

Вон

Я не знал, что сказать или сделать. Глаза Харпер были будто омрачены. Этого не было до того, как я сказал ей правду, и я бы очень хотел держать свой большой рот на замке до тех пор, пока не смог бы объяснить всё лучше, наедине.

В её глазах всегда таилась тяжесть бремени, которое она несла, но сегодняшним утром, когда мы были вдвоём в моём грузовике, я увидел их истинный свет и узнал настоящую Харпер. Сейчас она была мрачной из-за моей чертовой жизни, и я ненавидел себя за то, что втянул её в это.

Кто, черт побери, вообще делает такое с человеком, о котором заботится? Придурки — вот кто. Я настоящий сын своего отца. Он был проклятием, мама ненавидела его, и я научился ненавидеть его тоже, и мой гнев иногда брал надо мной верх.

Конечно, «черт побери»¹³ было неубедительной версией истинного слова и вырвано из хорошего телесериала. Это раздражало некоторых людей, но мне все равно, так как мама предпочитала это слово. Только то, что она в земле, не означало, что я должен был перестать уважать её желания.

Мне нужно было позволить Блу уйти, — она явно боролась именно с этой мыслью. Я узнавал состояние бегства, когда видел его. Я хорошо в этом разбираюсь. Знаю, что должен, но тем не менее, я не мог позволить ей уйти. Я не знал историю этой девушки, её друзей, секрет, что она скрывала, но я знал её.

— Итак, — я выдохнул. — О чем ты думаешь?

Она отпила свой кофе, глядя на меня через чашку, и я сделал тоже самое, несмотря на то, что не испытывал сейчас потребности в питье или еде.

— Я думаю, что у меня и моего лучшего друга много призраков, с которыми нужно бороться. С некоторыми мы можем иметь дело, некоторыми нужно поделиться, а есть те, от которых мы должны друг друга защищать. То, что ты только что сказал мне, должно было быть сказанным, и я собираюсь помочь тебе. Первым делом тебе нужно проверить наши печенья на наличие плевков, так как я немного боюсь мести Мэри.

Я не мог подавить смех, который был готов вырваться из моей груди. Конечно, я знал, что она не серьезно относилась к напряжённости, возникшей между нами, но я ничего не имел против. Она захихикала и толкнула в мою сторону тарелку, сморщила свое милое личико под своими прекрасными волосами, в которые мне все ещё хотелось запустить руки.

Я знал Мэри, и при всём при том, что она злилась на меня за то, что я провёл с её сестрой ночь ничего не значащего секса, она не плюнула бы ни в чью еду. Это было ниже её достоинства. А секс на одну ночь был ниже достоинства её сестры, но, когда возникла дилемма, ведь я не был ни с кем в отношениях и все такое, я сделал то, что было лучше всего — сбежал, пока она спала.

Конечно, они знали, что я сделал. Я делал это в течение последних трех месяцев с тех пор, как отправил мою маму на покой, но это было так, как будто каждая из них думала, что может спасти меня, или что я проснусь и увижу, какие они замечательные девушки и положу конец своей беспорядочной половой жизни. Они неправильно думали. Я делал это не для того, чтобы найти спасителя. Я делал это, чтобы отвлечься.

Теперь я знал, чего они хотели, знал, чего они жаждали, потому что я жаждал этого с Харпер, моей Синей птицей. Я просто хотел быть достойным её.

— Ты в безопасности. Мэри не сделала бы этого. Ешь, пока не остыло.

— Вон?

— Я — пасс. — Да, я использовал ещё один. Использовал его, потому что я трус и мог сказать это более мягким тоном, но я не хотел, чтобы она произнесла следующие слова. Я не знал, что это могло быть, но мог сказать, что они собирались вновь ограничить нас, а мы имели и так достаточно ограничений, как в наших отношениях, так и в наших жизнях. Особенно в моей.

— Ты понимаешь, что только что использовал свою вторую возможность уйти от ответа. У тебя осталось всего десять. — Она взяла немного хрустящего печенья, бросила в рот и облизала палец. Будь я проклят, если это не самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

— Да, — я взял огромный кусок своего и жевал с незаметной улыбкой,

а она хихикала. Она удивила меня, наклонившись через стол и потянувшись к моему лицу, я застыл. Большим пальцем она вытерла пятнышко соуса с уголка моего рта и задержала его, чтобы я увидел, прежде чем снова сунула его себе в рот и начала посасывать.

Чёрт, нет. Я был не прав раньше, потому что именно это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел, и я уверен, чёрт возьми: это не то, что делают лучшие друзья.

Затем она взяла свой кусок покрытого соусом печенья и, молча, начала жевать, используя обычные действия как отвлекающий манёвр от сексуальной напряженности, и я поклялся придушить себя за то, что напугал её.

Я смотрел, как она вглядывается в окно на улицу, наблюдая за тем, как люди гуляют взад и вперед, разговаривают, заворачивая в магазины. Смотрел, как она нахмурилась, увидев, как мать ругает своего ребенка за то, что он шел слишком медленно. У миссис Палмер было шестеро детей, но больше не было никакого терпения. Я мог практически видеть мысли Блу, оценивающей свое поведение на месте матери этого ребенка. Хлынувшие лавиной мысли о будущем, когда она остепенится и выйдет замуж, как ее дети будут выглядеть. Шатены с голубыми глазами как у нее, и немного — как у меня.

Вау! Откуда, черт возьми, это взялось? Я хотел её, я чувствовал, что она мне нужна. Но любил ли я ее? Я знал ее слишком мало о ее жизни, чтобы сказать. Нужна ли мне она? Я чувствовал, что знаю ее настоящую, и только это имело значение. Я любил то, как она заставляла чувствовать меня, как постоянно удивляла меня, но это ведь ничего не значило, правда? Я не знал, потому что никого никогда не любил, кроме мамы, и я чувствовал это по-другому.

Я знал, что не вынес бы её потерю. Нет, я был бы потрясен гораздо больше. Если бы я увидел её с кем-то другим, это убило бы меня, но была ли это любовь? Что бы то ни было между нами — все, это сделало меня зависимым от этой прекрасной незнакомки; Я держал это в себе. Я знал то, что я желаю ее, как ничто другое.

Я даже не притронулся к своей еде, и это паршиво, ведь обычно я любил их еду, но то, что я сидел напротив Блу, заставляло каждый мой орган чувств напрячься до опасно высокого уровня, и еда никак не могла бы с этим сравниться. Я почувствовал запах ее шампуня с медом и цветами, но, хоть убей, не мог понять цветочный аромат. Что-то такое было в теплице, но я никак не мог точно определить. В любую секунду она могла назвать меня странным, потому что я делал настолько глубокие вдохи через

нос, что мог бы закончить тем, что мои легкие перенасытились бы кислородом прямо перед ней. Боже, я слабак.

— Итак, ты бы продалась за кофеин? — спросил я и она повернулась ко мне, изумленная и с широко открытыми глазами, пока я хихикал на своем месте. — Это нечто из того, что я придерживу для себя, кстати. Я не хочу, чтобы кому-то из этих грязных ублюдков достались такого рода сведения. Но что еще доставляет тебе удовольствие?

Она миг все проглотила и посмотрела на мою пустую тарелку, пока делала глоток своего латте, оттягивая время.

— Сахар. Точнее, шоколад. И пирожные... Также люблю торт. — Она улыбнулась, а мое тело в буквальном смысле среагировало на ее улыбку.

— А шоколад, покрытый карамелью или ирисками? — спросил я, так как хотел взять ей немного прямо сейчас. Я бы купил ей их целый грузовик, если бы пришлось.

— Нет. Мои любимые — это вишневые батончики, ты знаешь такие. Они покрыты шоколадом сверху и с вишневой начинкой внутри. — Это как любовь, завернутая в сладкое совершенство. — Она вздохнула, просто размышляя над этим, а я засмеялся.

— Ты настоящая девчонка.

— Я знаю. Дело в том, что тот сорт, который мне нравится, тяжело достать в Сиэтле, и, очевидно, еще сложнее найти здесь, в центре... ну, дело в том, что мне их не хватает, и мне нужно подождать, пока я не проведаю маму, чтобы взять еще из кондитерского магазина. Это единственное место, где я могу их найти. Я привезла две сумки в прошлый раз, когда нашла их, и съела последнюю пачку по пути сюда.

Я был почти уверен, что знал, какие именно она имела в виду, и хотел сказать ей, что их изготавливают приблизительно в часе езды отсюда, но подумал, что мне хотелось бы удивить ее этим позже.

— А что насчет тебя? — спросила она. — В чем твоя слабость? — Она откусила кусок от своего печенья и начала жевать.

— Я тоже люблю торт. Я вообще люблю еду, но если бы мне нужно было назвать свое любимое, я бы назвал пирог. Персиковый пирог, яблочный пирог, это не имеет значения. Господи, мама могла испечь пирог напополам с яблоком и ягодами. Я не ел ни одного из них, с тех пор как... — Ее лицо поникло, и вскоре то же случилось с моим. — Как бы то ни было, пирог — это то, чем ты покоришь мое сердце.

— Думаю, это только один из способов, но если кто-то спросит, я с уверенностью дам им знать.

Я не упустил ее невысказанного послания. Я хотел беречь ее сердце, а

она была готова стать сводницей для моего. Она произносила все это, несмотря на то, что ее грустные глаза отражали совсем другое. Было нечто, что она скрывала, нечто, что заставляло ее вести борьбу со своим сердцем, и я собирался это исправить. Это — моя ей клятва.

Харпер

Я чувствовала неоспоримое притяжение, и все же должна была его отрицать. Так сложно, когда это нечто из того, что ты никогда ранее не чувствовал, но чего так сильно хотелось. Я хотела этого так сильно, что это причиняло мне боль. Но чтобы заботиться о нем, любить его как своего друга и не только, я также должна была отпустить его, освободить его.

Так что мысленно и с тяжелым сердцем я снова оттолкнула его назад во френд-зону, там он и должен был оставаться. Никаких больше размытых границ, никаких игр, никаких... стремлений к будущему с ним, потому что он мог все это видеть. Он читал меня как открытую книгу, а если бы он заметил это, то не стал бы двигаться дальше.

— Спасибо за завтрак. Нам, пожалуй, следует вернуться прежде, чем занятие Бенни закончится, чтобы он не вышел из себя. — Его ухмылка показала, что он видел сквозь возводимый мной «баланс», но это не имело значения. Если уж на то пошло, то так лучше.

— Мне еще нужно подготовить свое домашнее задание. Я слышала, что миссис Холмс ставила тебя перед классом, чтобы ты объяснил, почему не выполнил задание, которое она задавала на выходные. Я не собираюсь быть одной из ее жертв.

Вон рассмеялся и допил остатки своего сладкого чая.

— Это было в прошлом году, и все не так плохо, как ты думаешь. Я заставил миссис Холмс безумно покраснеть, когда поднялся и объяснил, что был так пьян на вечеринке по случаю дня рождения Деррика Гудинга, что был близок к алкогольному отравлению, лишился одной брови и всей своей одежды. А затем я просвятил ее с широкой улыбкой, как ей повезло, что моя сексуальная персона с чувством стиля почтила ее класс своим присутствием в то время, как все, чего мне хотелось, это повторить все это снова.

Я не смогла сдержать смех, вырвавшийся из моего горла, когда покачала головой.

— Ты хотел повторить адские выходные?

— На самом деле, я не помню, были ли они адскими, потому как не помню выходных вообще, а нет, помню, как удрал оттуда. У меня была нехилая головная боль, мой рот напоминал дно вольера, не клетки для

птиц, а чертового вольера. И ты что, пропустила тот факт, что я лишился одной из своих бровей?

Я подняла руки в знак защиты, продолжая сильно смеяться.

— Как я могла это пропустить? — сказала я, высматривая какую-либо разницу между его бровями, чтобы вычислить, которая из них была сбрита. Он поднял руку к своей правой брови, от чего мой смех только усилился.

— И правда, — попытался он меня приструнить, поднимаясь со своего стула, а я поднялась со своего, продолжая смеяться.

Чем больше я пыталась прекратить свой смех, тем хуже он становился. Я продолжала представлять его с одной бровью, что подрывало мое самообладание. Он потянулся в карман за своим бумажником, достал несколько купюр и положил их на стол, прежде чем он закрыл, когда наши взгляды встретились, и мой смех немного утих. Его глаза были полны вызова и веселья. Вы бы по нему и не поняли, что менее десяти минут назад он просто поделился со мной грустной историей.

Такой Вон мне нравился. От такого Вона мне нужно было держаться подальше, потому как он заставлял меня чувствовать то, что у меня не было права ощущать.

Хихикая, будто ничего в мире меня не заботило, я выбежала из кафе и едва ли не сбила с ног группу детей, которых бегло узнала по школе. Я извинилась, в итоге двое остались довольны моими извинениями, один очень большой парень просто улыбнулся, а одна девушка сказала мне смотреть, куда я иду, и уже было собиралась просвятить меня о том, как она недовольна, пока Вон не положил руку мне на поясницу.

— Эй, Сара, — кивнул он, а затем улыбнулся в сторону группы. — В чем дело?

Было почти смешно от того, что все их глаза были прикованы к руке Вона, обернутой вокруг моей талии. Будто они никогда раньше не видели его прижатым к девушке. Учитывая его бесспорную репутацию, я бы сразу же опустила этот момент. Я ощущала жар его руки на своей коже сквозь ткань моей футболки, несмотря на то, что старалась этого не делать. Было слишком очевидно, какие чувства он вызывал во мне одним лишь своим прикосновением, я отстранилась, стоило ему прижаться к моему бедру и наклониться к уху. Твою ж мать, от его дыхания у моей шеи было еще хуже, чем от его руки.

— Я могу устроить скандал, если хочешь, — прошептал он, и я поверила ему.

Я быстро затрясла головой и старалась продолжать улыбаться, пока группа недоуменно смотрела на нас как на лабораторный эксперимент.

— Познакомишь нас? — спросил парень в белой футболке с изображением команды Грин-Бей Пэкерс.

Вон притянул меня к себе и широко улыбнулся. Это было мило, но также и очень страшно, потому что я боялась того, в какой роли он собирался меня представить. Я не знала от чего, потому как, ей-богу, что бы изменилось, скажи он, что мы были больше, чем друзья? Он знал, что я не искала отношений. И все же, я боялась.

— Это мой новый лучший друг Бл... Харпер. Харпер, это Мэт, — сказал он, указывая на фаната Пэкерс. — Это Сара, Бенджи, Грант, а этот здоровяк — Фути.

Я нахмурила брови, пытаюсь соединить школьную историю прошлой недели. Мне казалось, что Фути было названием вечеринки, а не человеком, у которого и проходила вечеринка.

— Фути — парень? — Я тут же стала чувствовать себя ужасно и смущенно. К моим щекам прилила кровь, и я неловко пробормотала свои извинения.

— Не извиняйся. Это легкое недоразумение, — сказал Фути, делая шаг вперед и протягивая мне свою руку. Когда его пальцы обернулись вокруг моих, то полностью их захватили. Он был действительно большим. Фути поднес мою руку к своим улыбающимся губам, но прежде чем он смог поцеловать ее, подошел Вон и по-дружески его толкнул. Затем он оттолкнул мою руку так, словно я могла бы подхватить смертельную болезнь. Ну и шутка.

— Отвали, брат.

Фути рассмеялся, от чего его большой живот начал забавно подпрыгивать, и на мгновение я подумала о нем как о молодом Санте с мускулами. Вполне очевидно, что они называли его «Фути» из-за его фигуры. С головы до пят у него было очертание футбольного мяча. Интересно, играл ли и он тоже.

— Прости, Вон. Я не знал, что вы были вместе. — Он снова оценивающе посмотрел на нас, на этот раз с пониманием, и даже при том, что не должно бы, было приятно чувствовать, что тебя знали как девушку, которую Вон объявил своей, несмотря на отсутствие права собственности.

Вон вопросительно на меня смотрел, и я подумала, что, если бы он объявил нас парой, я бы с этим смирилась. Но он смотрел на меня с расцветающей в глазах надеждой, которую я знала, что должна уничтожить до того, как она возрастет, и назад пути уже не будет.

— Вон — мой новый лучший друг, и он слишком обо мне заботится, так что тебе придётся его простить.

Я повернулась к Вону, который уже смотрел не на меня, а на компанию своих друзей, ухмыляясь, и на секунду я поверила этой усмешке. Но только на секунду, до того, как я увидела насколько плотно сжаты его челюсти. Да, я была стервой, и он должен был это знать до того, как вложил бы в меня ещё больше своего времени или чувств. Если раньше границы были расплывчатыми, то я только что нарисовала новую жирным маркером.

Он не убрал руку с моего бедра, но его мышцы уже не были расслаблены, и я не могла удержать свои мысли и тело от стремления почувствовать о чём он думал, находясь против моей кожи. Я была потеряна в раздумьях и потеряла счёт времени, когда почувствовала рывок и была притянута к боку Вона.

— Эй, ты в порядке? — спросил Вон голосом, пронизанным беспокойством.

— Что случилось? — я взглянула на его друзей, в чьих глазах было почти такое же беспокойство и любопытство.

— На секунду ты показалась отрешенной, — сказал Вон, а затем убрал прядь волос от моего лица. Его палец касался моей щеки, заставляя её покраснеть всё больше.

— Я в порядке. Наверное, устала, — это не было абсолютной ложью, но он увидел это, и его губы плотно сжались.

— Мы спрашивали, пойдёшь ли ты с нами завтра на пруд, — Вон смотрел на меня с надеждой и по-прежнему обеспокоенно. И я ненавидела то, что сделала дальше.

— Что за пруд? Я имею в виду, где находится этот пруд, потому что совершенно очевидно, что пруд — это пруд, и... неважно, — чёрт возьми! Моё лицо было будто в огне, и кто-то из компании посмеивался, в то время как Вон ухмылялся. Ну, хотя бы он выглядел менее обеспокоенным.

— Пруд находится у Фути, — ответил он.

— Мы сможем взять каноэ, — предложила Сара с энтузиазмом. — Мы будем плавать и веселиться. Пожалуйста, поехали с нами? — спросила она, и я в первый раз заметила, что её ладонь соединена с ладонью Мэтта.

— Думаю, я сказала своей кузине, что встречу завтра с ней, — сказала я со всей честностью и снова почувствовала сжатие руки на своём бедре, что сводило меня с ума.

— Если я пойду, пойдёт и Картер, а если Картер идёт, я уверен, там будет и Эйприл, — сказал Вон, снова улыбаясь.

— Конечно, — что кроме этого я ещё могла сказать, улыбаясь им и кивая головой.

— Замечательно, — сказала Сара, — я уверена, Вон возьмёт тебя с

собой. Мы сейчас будем покупать всё необходимое. Принеси просто что-нибудь и свою собственную выпивку.

— Спасибо, — сказала я, прекрасно зная, что «выпивка» и я не самые лучшие друзья, не говоря уже о скором начале моего лечения... Да уж.

— Не волнуйся, Сара, я прослежу, чтобы она всё выполнила, — сказал Вон со слишком большим энтузиазмом.

— Ага, — ухмыльнулась Сара со всеми остальными, и не только моё лицо горело огнём, — уверена в этом. Увидимся завтра, — сказала она, проходя мимо нас по направлению к главному бакалейному магазину.

Как только они ушли, я повернулась к Вону и сильно ударила его в грудь. Он закашлялся и засмеялся, держась за ушибленное место.

— В самом деле?

— Что?

— Ты специально меня смутил.

— Парням нельзя смущать своих девушек, но друзьям, тем более лучшим, можно, — Вон низко засмеялся, и Боже мой, какой это был прекрасный звук.

— Это наказание за то, что я не приняла твою дьявольски прекрасную внешность и шарм, как составляющие моего бойфренда?

— Неа. Просто констатирую факты, детка, — он взял меня за руку, а я смотрела, как его пальцы переплетались с моими.

Он занял пространство между нами, и его губы были так близко. Мои веки невольно трепетали перед тем, как закрыться в ожидании. Вместо того, чтобы почувствовать его губы на моих, я почувствовала их чуть ниже моего уха, что заставило меня немного подпрыгнуть, а губы раскрыться. Я не была разочарована, далеко не разочарована, я хотела большего.

— Сейчас, — прошептал он прямо в моё ухо, его горячее дыхание будто танцевало на маленьких волосках на моей коже, и всё, что было в моём животе, делало кувырки, — давай лучше найдём твоего брата.

Я сделала вдох, пытаясь успокоиться, перед тем, как открыть глаза и посмотреть прямо на него. Я знала без сомнений, что друзья не целуют друг друга так долго, как того хотела я, и они совершенно точно не смотрят друг на друга, будто собирались воспламениться.

В одну секунду Вон раз и навсегда размыл мои границы.

Глава 6:

Лжецы

«Видение — это искусство видеть невидимое».

Джонатан Свифт

Харпер

Я должна была признать, что, несмотря на отсутствие статуса наших отношений, мы чувствуем себя чем-то гораздо большим, чем просто друзья. Я не могла заставить себя поступать правильно. Знание — одно, а действие — другое.

Разумеется, я понимала, что должна была отпустить Вона. От этой мысли мне стало смешно. Нет, мне следовало оттолкнуть его, потому что «отпустить его» на самом деле не сработало бы. Я могла бы быть настоящей сучкой и направить свой интерес на другого парня, но я не такая и, черт возьми, никогда не смогла бы так поступить по отношению к Вону. Невозможность состоять с Воном в «настоящих» отношениях — это одно. Но полностью отрицать свои чувства — это совершенно другое дело, что граничит с безумием.

И хотя меня меньше всего заботило, на сколько он отличается от Брюса Ли и какой прекрасной была его игра, все же я не могла сдержать улыбку, от которой у меня сводило щеки, когда я видела Бенни таким.

Бенни выпали худшие карты из тех, что я могла себе представить. Потерять мать, которая цеплялась за жизнь до последнего вздоха, сама того не подозревая, затем лишиться отца, испытывая одновременно чувство вины и боль от разбитого сердца. Действительно, словно они оба погибли той ночью в автокатастрофе. Я скучаю по ним и так много об этом думаю, что это делает мне больно. Так вот, в жизни Бенни есть ещё одна постоянная, которая делает его жизнь ещё хуже. Я ничем не могу ему помочь, и он остался один, как сирота, до тех пор, пока я не поправлюсь. Или не поправлюсь. Оба варианта не самые лучшие.

Наступит время, когда мне нужно будет сообщить Эйприл о моей болезни. Ибо, если я не справлюсь, мне нужна будет её помощь. Бенни будет необходима чья-нибудь помощь, а тётя Джун не поймёт его. Эйприл — самый близкий ему человек после меня и лучшая сестра, которую Бенни достоин — и я чувствую своим телом и всей своей душой, что Эйприл готова защищать его до последнего своего вдоха.

Если Бенни будет нужна защита — она умрёт за него. Или сядет в тюрьму — в зависимости от того, что наступит раньше.

Мои мысли прервал смех, именно тот, который заставлял меня чувствовать тепло, безопасность и счастье. Я не имела ни малейшего представления, что сказал Бенни, чтобы довести Вона до истерики, да и мне было наплевать. Я только знала то, что простой, чистый смех Вона мог выдернуть меня из мыслей отчаяния.

Я собиралась бороться со смертью. Бороться с этой сучкой, как Джеки

Чан, Брюс Ли и Джет Ли вместе взятые. Я собиралась засунуть её туда, откуда она пришла, чтобы смерть не вернулась за мной до того, как я стану старой и готовой к ней. Я собиралась сделать это ради себя, ради Бенни и ради моего будущего с Воном.

Мы подъехали к дому — правда, мы ещё не чувствовали себя тут как дома — я не произнесла ни слова по пути сюда, но мне было хорошо и легко от знания, что Бенни счастлив. Я старалась дать ему это счастье, изо всех сил скрывая, что чувствую дыхание зловещей тени, которая преследует нас. Я не хотела напугать его еще сильнее.

Вон сделал моего брата свободнее, и теперь я знаю, что эта свобода убивает меня, заставляя с ними попрощаться. Я все сильнее влюблялась в Вона. Влюблялась все сильнее с каждым смехом моего брата, который достигал сначала моего слуха, а затем и сердца.

Тепло пробрало меня, и капельки пота начали стекать по моей спине, когда я вышла из грузовика. Бенни пробежал через лужайку и распахнул мне дверь, после чего я почувствовала его за своей спиной и замерла на месте. Стоя сзади, он дышал мне в шею, и я ощущала, как по моей коже расползаются мурашки от понимания, что я хочу этого чувства. Я хочу ощущать его в самом интимном смысле.

— Ты была очень тихой по дороге домой.

Мои глаза были закрыты, и я отклонилась назад практически настолько, что могла бы почувствовать его тело рядом со своим, но, само собой, не стала бы. Не только потому, что я вспотела, несмотря на то, что это было главной причиной, но и потому, что это привело бы к чему-то большему. Это бы открыло бездну чувств и поступков, которые, я была уверена, изменили бы правила игры. Ему было нужно держать дистанцию, чтобы «если» или «когда» мне бы пришлось произнести свое последнее «прощай», он бы нормально со всем справился.

Я не пыталась быть пессимистичной, но когда доктор устанавливает для тебя временные рамки для жизни меньше месяца, даже с лечением, ты не ходишь кругами, составляя планы на будущее, разве только, когда это для тех, кого ты покидаешь.

Поэтому я сделала шаг вперед, хотя на самом деле, ей богу, этого не хотела, и повернулась к нему с той самой улыбкой, которую уже научилась доводить до совершенства.

— Ты нравишься Бенни. — Он улыбнулся, и тут же моя фальшивая улыбка стала настоящей.

— А что здесь может не понравиться? Я красивый, обаятельный и клевый. — Он показал несколько приемов из каратэ, сопровождая их

смешными звуками, которые можно было услышать в фильмах с неудачным дубляжем, обычно транслируемых в дневное время.

Я рассмеялась и кивнула головой.

— А также скромный и сумасшедший, я смотрю.

Мы засмеялись в унисон, когда он обнял меня за плечи и практически дотащил до входной двери, из-за чего я едва устояла на ногах и стала смеяться еще сильнее. На мгновение я даже забыла, что его руки обвивали мою вспотевшую спину.

Лишь после того, как я схватила две содовые, и мы направились ко мне в комнату, до меня дошло, что я сделала. Это был первый раз, когда я позволила парню войти в свою комнату. Вообще за все время. Он вошел следом за мной, закрыл дверь и огляделся вокруг. Он не просто смотрел — он изучал, от чего я чувствовала себя незащищенной.

Стены были голыми, а любая другая поверхность — покрыта мусором. Он подошел к прикроватным тумбочкам, которые, помимо моей кровати, являлись единственными предусмотренными элементами мебели во всей комнате. Рядом с лампой и будильником была рамка с фото и книга. Он взял в руки рамку из тонкого дерева, под стеклом которой находилась ложь. Портрет счастливой семьи с будущим, полным смеха и близости. Иногда я хотела выбросить его, но потом вспоминала, что однажды все это было реальностью, пусть даже и на короткий промежуток времени. Но я пришла к выводу, что это была моя жизнь. Жизнь, наполненная короткими обещаниям и сложными чувствами.

— Твои родители выглядят счастливыми, — сказал он с очевидной печалью. Он скорбел и имел право на подобные чувства. Мы оба лишились своих мам. Его отправились на небеса, а моя ушла в туман. Его отец был бессердечным и полным ненависти. Мой же застрял в ложной надежде, глубокой печали и тяжести вины. После визита к врачу я пошла к юристу. Я просто не могла доверить ему принимать решения за меня, когда дело касалось моего здоровья. Думаю, это и было решающим расколом между мной и отцом. Он потерял так много, и когда я получила право принимать свои собственные решения касательно своего же здоровья, я видела, как погас последний огонек.

Я знала своего отца, он держался за маму, и я боялась, что если бы наступило время, когда я больше не была бы собой, а медицинское оборудование стало бы единственным якорем на этом свете, то отец держал бы меня здесь. Я не хотела бы такого. Вероятно, это был самый эгоистичный поступок в моей жизни, но я просто не могла позволить этому случиться.

— Они и были счастливы. Мы все были. — Я ничего не сказала о сейчас, потому что он и так знал. Он мог почувствовать все из моих слов.

Он поставил рамку и взял мою книгу. Я почти смутилась, когда его бровь поползла вверх и он посмотрел на меня.

— «Дневники вампира»? В самом деле? — От его тона я рассмеялась.

— Не критикуй. Это священная книга для меня, — сказала я, поднимаясь с кровати, и протянула ему его содовую, одновременно выхватив у него книгу. — Мне нравится, что кино и книги так отличаются. Братья Сальваторе — мои мужья, и они надерут тебе задницу, если ты не будешь мил со мной.

— Не могу поверить, что ревную к персонажам из телевизора.

— Ладно, тогда ты определенно придешь в ярость, когда увидишь, как я пускаю слюни на Дина Винчестера. Боже. Мой. Этот парень так сложен. Возможно, я даже помечтаю о нем сегодня вечером.

Вон прикрыл глаза, оставив кончик языка в уголке губ достаточно заметно, чтобы я могла его видеть. Он поставил свой напиток на прикроватную тумбочку, и у меня бешено заколотилось сердце. Взяв у меня стакан с содовой, он поставил его рядом со своим. В тот момент я, как перепуганный от ярких фар олень, замерла и сильно растерялась от резких изменений в поведении Вона. Это было опасно, соблазнительно, и мне нравилось, как на меня все это действовало. Я почувствовала возбуждение, хорошо осознавая отсутствие пространства между нами.

Прошлой ночью мы спали в объятиях друг друга. Это было интимно, приятно и невинно. Однако теперь все стало очень напряженным и очень... он сделал шаг ближе ко мне, и я едва не упала на кровать. Что было очень плохой идеей, но, к счастью, он поймал меня. Его руки на моих плечах были горячее любого лета.

— Дыши, — прошептал он. Я даже не осознавала, что задержала дыхание, пока не сделала вдох, наполняя легкие воздухом. — Блу, я могу пройти через все это, оставаясь твоим другом. Я могу позволить тебе называть тех братьев своими выдуманскими мужьями. А вот с чем, я думаю, не в силах справиться, так это то, что твои мечты будут посвящены другому парню. Я хочу быть этим парнем. Это наименьшее, чего бы мне хотелось, если я не могу надеяться на что-то другое.

Я пыталась сосредоточиться на дыхании, но когда он говорил так интимно, по-настоящему и откровенно, как сейчас, все мое тело так сильно желало погибнуть там, под ним, как никогда раньше. Никогда прежде я не чувствовала подобного, но с ним было именно так, и это беспокоило.

— Дыши.

— Я так и делаю, — прошептала я на выдохе.

— Я в растерянности, Харпер. Я знаю, чего хочу, чего желаешь ты. Я знаю, чего мы оба заслуживаем в этом проклятом существовании, в котором живем так давно. Ты спасла меня, Блу, и если ты позволишь, то и я спасу тебя.

Я хотела, чтобы он это сделал. Я так сильно этого хотела, что практически кричала об этом. И тогда я приподнялась на цыпочки и поцелую стерла остатки той черты, которую проводила между нами, чтобы положить конец всем дальнейшим поцелуям.

Тогда я запустила пальцы в его волосы, а он — в мои. Он обвел языком контур моих губ, и мне не оставалось ничего больше, как позволить ему проникнуть внутрь, что, черт побери, заставило меня пылать в огне. Я целовалась раньше, но никогда раньше не испытывала подобных чувств. Вон то и дело разрушал мои «никогда», и с такой скоростью, что я бы не упустила ни одного из них прежде, чем умру.

Именно эта мысль стала тем самым ушатом холодной воды, в котором я нуждалась и в тоже время ненавидела, потому что хотела продолжать целовать этого парня, пока бы я не надоела ему. Но я умирала. Пока я целовала его — я умирала. Пока я думала о смерти — я умирала, и это не было просто страхом за парня, который уже пережил такого рода утрату. Я отстранилась от его губ и села на краю кровати, прикрывая свой рот рукой.

— Блу, не делай этого. — Он встал на колени передо мной, положил свои руки мне на бедра и посмотрел на меня своими печальными карими глазами. Я покачала головой. Я не хотела его видеть. — Не отнимай у нас этого. Что бы это ни было, о чем ты не готова мне рассказать, мы справимся с этим со временем. Просто позволь нам провести сегодняшнюю ночь и принимать каждый последующий день по мере его наступления.

Но у нас не было такой роскоши как время. У нас было лишь тиканье часов и неоспоримая потребность друг в друге, что было так непостижимо и так несправедливо. Я закрыла глаза, неспособная больше смотреть на него. Это было слишком больно и я почувствовала, что дрожу.

— Харпер, я по жизни нес такой тяжкий груз, мне это нужно. Я обещаю, что если наступит такой момент, когда ты почувствуешь, что мы не готовы это сделать, то я отступлю. Без боя, без мольбы. Я уступлю тебе, если захочешь, но прямо сейчас, подари нам сегодняшнюю ночь, чтобы у нас осталась одна ночь, один день, один час, одна минута... каждая секунда.

Я бы хотела быть сильнее. Достаточно сильной, чтобы удержать эту надежду и быть с Воном. Я ощущала, как это чувство росло внутри меня. Я надеялась, что с нами все будет хорошо, что я выживу, и мы сможем

сделать это вместе, и в секунду этой веры, облегчающей мои страдания, я сказала то, что он хотел услышать:

— Хорошо.

— Хорошо? — Он крепче сжал в объятиях, и я услышала бурную радость в его голосе, и от понимания того, что я могла оказывать такое влияние на определенного человека, мне буквально до смерти стало страшно. — Открой глаза, Блу. Я хочу видеть, что ты уверена.

Я открыла глаза и поразились тому, что будучи глубоко погруженной в свои мрачные мысли, я все же была уверена, что меня будет терзать постоянное чувство вины за ту боль и предательство, которые он испытает, когда мне придется все ему рассказать. Тем не менее, видя его надежду и сияющую улыбку, я знала, что он простит меня.

— Я уверена. — Он вскочил на мою кровать, и мне было плевать, что он бы испачкал ее. Он притянул меня к себе так, что моя голова оказалась у него на груди, и с каждым быстрым ударом его умиротворенного сердца я обещала самой себе, что расскажу ему. После завтрашней прогулки на пруду я ему расскажу.

Вон

Долгое время я переживал тяжелый период своей жизни и впервые почувствовал облегчение. Как только она меня поцеловала, я почувствовал свет и сейчас наслаждался теплом, исходящим от него.

Возможно, я никогда не узнаю, почему Харпер Кеннеди оказывала такое влияние на меня, да и мне было все равно. Единственное, что я знал, так это то, что я не хотел возвращаться к прежней жизни. Всего лишь за какие-то двадцать четыре часа моя жизнь изменилась навсегда из-за одной девушки.

Я поглаживал рукой ее длинные прекрасные волосы и вдыхал запах медового шампуня. Я знал, что мое сердце исполняло трюки из каратэ внутри моей груди, и понимал, что она это слышала. Однако мне было плевать на эту чушь. Мне хотелось, чтобы она знала о том, что я чувствовал, потому как считал, что ей было необходимо это знание.

У нее был большой секрет и меня до чертиков пугало, что она не хотела, чтобы я о нем узнал. За эти несколько часов мы уже прилично обменялись суровой правдой, однако, в чем бы ни заключался этот секрет, — это и было причиной, из-за которой она отталкивала меня.

Я не хотел ее терять. Подобное не должно было меня волновать спустя такой короткий промежуток времени, но, черт возьми, так и было. Мысль о том, что мог потерять ее, не только до смерти меня пугала, но и вызывала

тошноту. Я просто должен был показать ей, что следует довериться шестому чувству, которое она, несомненно, испытывала.

Ей нужно было верить в себя, в меня и в нас.

— О чем ты думаешь? — мягким голосом спросила меня Блу. Я не хотел напугать ее правдой, поэтому сказал то, о чем подумал, когда только вошел к ней в комнату. Ну, кроме того, что я хотел сотворить с ней на этой кровати.

— Я думал о том, что встретил либо самого нудного человека на земле, или же ты просто не успела раскрыться.

Я почувствовал, как она вся напряглась, а затем медленно выдохнула. Как же мне хотелось, чтобы она просто рассказала мне, в чем дело. Мне хотелось ей помочь, но так как она не стала делиться со мной своими демонами, я попробовал кое-что другое. Оттолкнул ее от себя, встал с кровати и направился к коробкам в углу ее комнаты. Черт, обрывать контакт было чертовски тяжело, но я был ей нужен. Я чувствовал это своей проклятой душой. Блу было нужно, чтобы я был сильным, поэтому, не обращая внимания на ее робкий писк, я открыл первую же коробку, стоящую в углу, и обнаружил в ней сложенные плакаты. Вытащил свернутый плакат, на углах которого до сих пор был пластилин. Плакат легко проскользнул в моей руке, и пока я это делал, то украдкой бросал на нее взгляд. Она покусывала свою губу, а я еле сдержал улыбку, когда полностью развернул плакат.

— И что, наконец, здесь делает Этта Джеймс¹⁴? — спросил я. Она рассмеялась и упала спиной на кровать, мне это понравилось, но я по-прежнему был в корне чертовски растерян, почему Этта Джеймс была такой важной личностью.

Блу перевернулась на бок, чтобы подавить смех, и я хотел запрыгнуть обратно на кровать и пощекотать ее, чтобы снова услышать ее хихиканье, но я также хотел посмотреть, что еще она хранила в этих коробках.

— Этта Джеймс — одна из самых известных, энергичных и проникновенных артистов всех времен. Она умерла в прошлом году. Она отжигала вплоть до своей смерти.

— Значит, она из былых времен. — Я поморщился и посмотрел на плакат снова, пока она встала с кровати и неторопливо подошла ко мне.

— Не говори так. Мне нравится музыка той эпохи. В текстах и вокале так много жизни, глубины и силы воли. Мне нравится Этта, потому что она перенесла так много бед, но все равно оставалась на коне.

Она стояла рядом со мной, касаясь своим плечом моего бицепса, от чего тот задрожал.

— Тебе нравится другая музыка? — спросил я, на что она кивнула и смотрела, как я исследую ее голую стену и прилепил плакат прямо посередине. Она не возражала, так что я направился обратно к коробке за следующим плакатом. Я достал его и развернул, пока она наблюдала за мной.

— Блу? — произнес я, держа плакат в руке, при этом широко улыбаясь и глядя на нее.

— Что?

— Как же тебе вообще может нравиться такая мелодраматическая певица как Этта, и в то же время увлекаться «Перл Джем»¹⁵? В смысле, я понимаю их манеру, но они в абсолютно разных жанрах. Наподобие полярных противоположностей.

— Не так чтобы очень. Они сильны и сентиментальны по-своему. Моя любимая песня на данный момент — та, которую они спели в живую с Беном Харпером¹⁶. Теперь голос этого мужчины звучит во мне.

— Почему у меня такое чувство, что ты очень сложный человек? Наверное, Шрек был прав, когда сказал: «Людоеды, как и лук, многослойны». Что ж, думаю, ты тоже многослойна.

Она засмеялась и на этот раз взяла у меня постер и прикрепила его справа от Этты. Это дикая смесь для меня, но пока она счастлива — все хорошо.

— Вокруг так много неправильных вещей, что вы начинаете ценить, когда встречаете среди них правильные. — сказала она рассеянно, делая шаг назад, чтобы проверить свою работу, и да, я осознал, что паялся. И мне было все равно. Она была так красива и... удивительна и чертовски умна.

— Мне нравится, — сказал я.

Она возвратилась ко мне и вытащила другой постер.

— Мне тоже. Это цитата Мэрилин Монро. У нее всегда были лучшие цитаты.

Я тоже ухватился за постер и развернул его. Это оказалось черно-белое изображение балерины и я подумал о Харпер, танцующей на сцене в тот день. — Во-первых, они были полезны для таких, как она.

— Она не была настолько глупой, какой все ожидали ее видеть. Мне кажется, что она сделала свой выбор, в котором нуждалась, как и все остальные.

На мгновение я задумался над этим и потом никак не мог остановиться, размышляя о том, как я, не подумав, осуждал людей. Я ни

черта не знал о Мэрилин и все равно осуждал ее. Я ничего не знал о моей мачехе, Лорел и, тем не менее, осуждал ее. Может быть, мне стоило снять пару слоев, которые были неправильными, как говорила Мэрилин

— А что, по-твоему, во-вторых? — спросила Харпер, прикрепляя маленький рисунок целующейся парочки рядом с балериной, которую я вывесил.

— Тебе в целом нравятся цитаты или только ее? — Свернутыми оставалось еще почти двадцать плакатов самых разных размеров: Imagine Dragons, Paramore и некоторые другие группы, о которых я никогда даже не слышал. Я наслаждался, занимаясь с ней подобным и лучше узнавая ее.

Она достала еще один и улыбнулась, когда развернула его. Я не мог сдержаться от смеха. На нем был жалостный котенок, свисающий с дерева, с надписью «Держись». Я видел такие в библиотеках, у врачей, в школе, в «Симпсонах». Я бы никогда и не подумал, что увижу такой же в чьей-то комнате.

— У меня есть кое-что для цитат. Самые глубокие слова и жизненные уроки заключают в кавычки. Вещи, которые ты можешь узнать и благодаря которым вырасти, уместаются в одной строчке или предложении. Я узнала о таком, что некоторые не узнали бы за всю жизнь. Это могут быть цитаты из фильмов, текстов песен, стихов, слов президента или бездомных людей. Неважно, откуда они берутся, до тех пор пока они находят отклик здесь. — Она положила свою руку мне на грудь прямо над сердцем, и, клянусь самому Господу Богу, оно забилося так, будто хотело выпрыгнуть из моей груди прямо ей в руку.

Девушка продолжила

— Как, например, сейчас мне пришла на ум такая: «Но близость взаимного смущения, когда оба чувствуют, что небезразличны друг другу, однажды возникнув, не исчезает бесследно». Это Джордж Элиот. — Она вернулась к коробке с плакатами и по моему телу пробежала небольшая дрожь, как только она убрала свою руку от моей груди.

— Я слышал о нем, — сказал я и схватил следующий, как сделала и она. — Разве он не был автором-транссексуалом восемнадцатого века? Мы изучали его на уроке английского.

Она шлепнула меня по руке и расхохоталась.

— Он не был транссексуалом, он был женского пола. В те времена женщин не воспринимали всерьез, поэтому она использовала псевдоним.

— Вот как. — Я рассмеялся.

— И ты упустил главное.

— Нет. Не упустил. Я тебя слушаю. Я чувствую это и понимаю,

почему они тебе нравятся. Я бы хотел, чтобы мы жили глубиной слов вместо чуши собачьей. Лучшим советом, который удерживал меня на земле после маминой смерти, было: «Отпусти то, что убивает тебя, и держись за то, что заставляет тебя дышать».

— Глубоко и красиво. Кто это сказал?

— Губка Боб Квадратные Штаны.

Ее улыбка стала еще шире, и она все же смотрела на меня с подозрением. Я не мог остановить смех, который буквально рвался из меня. Было очевидно, что она испытывала некую трудность при выборе, воспринимать меня всерьез или нет.

— Я знаю, что ты надо мной подшутил.

Я пытался подавить свой смех, но безрезультатно.

— Нет, — потряс я головой. — Это правда, Губка Боб — мудрый чувак.

Она презрительно усмехнулась и направилась к своему шкафу, чтобы взять небольшую коробку из-под обуви, которую она принесла к своей кровати и открыла. Мой хохот стих, как только она вынула ручку и небольшой девчачий блокнот, который лежал поверх груды отдельных листов бумаги. Я присел на кровать, коробка была между нами. Я хотел посмотреть, что это были за листы бумаги, но что если они были чем-то наподобие дневника, и она бы не хотела, чтобы я их читал? Хотя, с какой стати тогда она вообще бы их приносила, если бы не хотела, чтобы я их видел. Так что я взял несколько, пока она делала надпись на своем блокноте. Это были цитаты. На всех трех листках, которые я держал в руке, ее почерк выглядел по-разному.

«За каждую минуту, пока ты зол, ты теряешь шестьдесят секунд счастья».

Ральф Уолдо Эмерсон

Ее почерк был отчетливым. Сердилась ли она, когда это писала? Что разозлило ее? Просматривала ли она эту цитату, чтобы помочь себе пройти через подобное? Я хотел спросить у нее, но вместо этого прочел следующий клочок бумаги.

«Преврати свои раны в мудрость».

Опра Уинфри

От этого я начал улыбаться, потому что четко осознавал и мог себе

представить, как она хватала свою коробку во время одного из шоу Опры. Писала она прописью и в спешке, будто было важно не забыть и записать, чтобы она могла сделать из нее выводы. Было такое ощущение, будто я заглянул Блу в душу, а моя, в свою очередь, стремилась ее утешить.

Она наблюдала за мной. Я чувствовал, что ее глаза изучали меня, то, как бы я мог реагировать. Я начал читать следующий клочок, который был написан самым красивым почерком, как у моей мамы, когда та писала письма своей двоюродной тетушке в Англию.

«Я не свободна, но и не занята. Я просто в запасе для того, кто заслуживал бы мое сердце, потому что, как говорится, удача улыбается терпеливым».

Неизвестный

Теперь я взглянул на нее, на самом деле посмотрел и увидел беззащитность под ее храброй внешностью, которую она всем демонстрировала, и поднял клочок бумаги вверх.

— Вот тот. Его я держу для тебя, потому как, по-моему, ты ждала достаточно долго.

— Хорошо.

Я свернул его, вытащил бумажник из своего заднего кармана и припрятал в один из отделов. Мне хотелось прочесть их все, изучить ее сердце и душу. Нужно было задать ей кучу вопросов. Но всё же я так сильно хотел ее поцеловать, что все остальные мысли отошли на второй план. Тогда я потянулся к ней, приблизил ее лицо к своему и поцеловал.

Господь всемогущий, мне нравится ее целовать! Если это все, что я мог бы делать с ней до конца своей жизни, то был бы доволен. Мы целовались четыре раза, и каждый последующий поцелуй оказывался лучше предыдущего. По вкусу она была как смесь кофе с чем-то сладким, отчего мое сердце сходило с ума по ней, по ней, которая чертовски потрясающая и сама по себе.

Я бы продолжал целовать ее, если бы мое сердце не перестало биться, когда я услышал, как Бен выкрикнул «Папа дома». Я соскочил с кровати и прошел в другой конец комнаты, прежде чем Блу поняла, что произошло.

— Что? — спросила она так, будто обжиматься с парнем, когда ее отец дома, было абсолютно естественным.

— Правило свиданий сто первое: соблюдай отцовское правило кругов личного пространства по отношению к его дочери в его доме, особенно, когда он тоже дома. Конечно, первую часть можно стереть, мы все так

делаем, но вторую? Черт побери, нет. — Я поднял руки в знак протеста, качая головой от ее шаловливой ухмылки. — Мне нравится то, где сейчас находятся мои яйца, большое тебе спасибо.

Блу поднялась с кровати и не спеша направилась ко мне. Я чуть кирпичей не наложил, пока следил за дверью.

— В любую секунду она широко распахнется и он придет за моим мужским достоинством. Неужели ты хочешь себе подружку вместо парня?

Она хихикала. Хихикала, ради всего святого! После, когда мне показалось, что сердце собиралось меня подвести, ее грудь оказалась напротив меня, а губы — возле моего уха. Думаю, я уже собирался рухнуть в обморок, когда она прошептала:

— Он не войдет сюда. Он ничего не скажет, потому что ему все равно.

Затем она через мое плечо дотянулась и прицепила маленький кусочек бумаги к уголку плаката с цитатами Шекспира. Она вернулась к своей обувной коробке проникновенных цитат и быстро пробежала по ним пальцами, не глядя в мою сторону. Бросив взгляд через плечо, я увидел цитату Спанч Боба. Ее почерк был ровным и свойственным женщинам.

— Ты поместишь их полностью все? — спросил я, поглядывая на дверь, несмотря на ее уверенность, так как просто неестественно для отца не беспокоиться о том, был ли парень в комнате у его дочери за закрытой дверью.

— Нет, не все из них. Просто в определенный момент все они занимают свое место на стене, но когда они перестают быть для меня актуальными, я снимаю их, и они попадают сюда.

— Есть ли тут хоть одна с момента твоего переезда, которую ты бы хотела повесить? — спросил я, снова садясь рядом с ней и коробкой.

Она на мгновение замолчала, и я почти мог видеть, как винтики в ее мозгу вращались, когда она медленно опустила крышку обратно на коробку и посмотрела на меня, наши взгляды встретились.

— Нет. После прошлой ночи моя жизнь круто пошла вверх и я не думаю, что хоть что-нибудь теперь будет уместным в данный момент. — Затем она улыбнулась, погладила крышку и забросила ее обратно в шкаф. Я схватил коробку с плакатами и начал добавлять их в коллаж интересов Синей Птицы Счастья.

Мы все болтали и болтали, в то время как вместе трудились над распаковыванием нескольких коробок в ее комнате. Четырех, если быть точным. За исключением стены с плакатами и цитатами, комната была довольно минималистической, в отличие от большинства девушек, которые хранили каждую безделушку, которая когда-либо была им подарена. Как

если бы Блу провела грандиозный отбор, прежде чем переехать сюда. Либо так, либо она не любила непрактичные вещи, что очень даже на нее похоже. Было похоже, что она по-настоящему избирательна в своих желаниях, и я чувствовал себя хорошо от того, что она выбрала меня.

Был бы я незнакомцем, который вошел к ней в комнату, я бы тут же почувствовал, будто знал ее. Танцы. Музыка. Книги и телесериалы, в плане цитат и искусства. Никаких плюшевых медвежат, рюшечек и, что больше всего меня удивило, никаких фотографий. Не было ни одного фото ее друзей или семьи, не считая той единственной, которая стояла на ее прикроватной тумбочке. Совсем ничего не было. Тем не менее, должен признать, я был рад отсутствию у нее фотографий с ней и ее бывшими парнями. Не думаю, что я бы хорошо с этим всем справился.

Было смешно думать, что еще вчера я не знал этой девушки и что ее не было в моей жизни. Теперь, когда она была здесь, меня до смерти пугала пустота, которую она бы оставила на прощание, если бы когда-либо бросила меня.

Мы оба были, как выжатый лимон. Полуночные посиделки были наполнены новыми впечатлениями и незнакомыми эмоциями; меня поглотили чувства, которые я бы никогда не подумал, что существуют. Блу включила свое стерео, оно было похоже на смесь Джека Джонсона и музыки в стиле «кантри». Она сказала, что это были «The Beautiful Girls». Я не узнал название, но мне понравилось, что ее интересовали вещи, отличные от других девушек в школе. Если бы она включила этих парней из «One Direction», то во мне бы что-то надломилось. Но вместо этого она прижалась ко мне, и я поглаживал ее красивые волосы, пока она рассказывала мне о группе.

Они были из Австралии. Она влюбилась в них и считала, что их тексты были словно книгой из цитат, которую она могла читать каждый день. Затем она сказала мне вслушаться, я так и сделал. Блу была права, группа понравилась мне по мере того, как я прослушал три их композиции, прежде чем переутомление унесло меня в ритм музыки и поэтичных строк.

Голос девушки вырвал меня из темного спокойного сна. В комнате было темно, от чего мое сердце билось так чертовски сильно, что тело сотрясалося. Блу снова говорила во сне, прижавшись к моей футболке, и я прижал свой подбородок к груди, чтобы рассмотреть ее лицо. Она все еще спала, а я начал расслабляться под ее бормотание в ночи. Я и забыл, что она разговаривает во сне.

Стараясь, что есть мочи расслышать слова через мягкую музыку, которая, должно быть, стояла на повторе, я слышал отрывки предложения,

потом она умолкла, прежде чем начала снова. Я смог разобрать имя Бена и что она сожалела. Ах, если бы я только знал, о чем она говорила дальше. Казалось, что я узнавал ее с другой стороны. Она рассказывала о себе, но так много всего скрывала, как, к примеру, свою истинную суть. Она открыла меня, как банку содовой и выпила все, что можно было узнать обо мне. Как плохое, так и хорошее. Мне казалось, что я потерял ее, когда она спросила о моей жизни после маминой смерти, но все было так, будто она поняла и не обостряла ситуацию. Если бы она сказала, что спала с парнями, как это делал я с девчонками, пожалуй, я бы хорошенько что-нибудь ударил. Но Блу сказала, что было естественным хотеть заполнить пустоту, и до тех пор, пока это никого не ранило, мне не стоило сожалеть о подобном.

Пфф. Да, я сожалел, и да, я ранил девушек эмоционально, но мне было слишком стыдно, чтобы рассказать ей об этом. Вместо этого я поцеловал ее в макушку и предоставил Блу возможность не отвечать на практически все мои вопросы. Она не использовала «пасс», хотя я также не заставлял ее. Я мог бы, но мне было слишком не все равно, чтобы вытворять такое нарочно. Она использует их, когда в этом будет необходимость, так же как и посвятит меня, когда сможет. На данный момент я собирался узнать ее так близко, как только мог, даже если это означало прислушиваться к ней спящей, тогда как мне бы стоило разбудить ее и пойти домой.

— Не обращай на него внимание, — сказала она внятно. Впервые она не бормотала, а я поглаживал ее по волосам и успокаивал. — Мне жаль. — Она сжала маленький кулачок рядом со мной и моей рубашкой, казалось, что она просто начинала плакать. Ад замерз бы прежде, чем ее слезы перестали бы меня убивать.

— Блу. — Я погладил ее по голове и вытер мокрые глаза, в то время как она издала хныкающий звук, который вызвал жгучую боль у меня в груди. — Харпер, детка, проснись.

Она зарылась лицом в мою грудь, так что я больше не мог ее видеть, но мог сказать, что она просыпалась. Она отстранилась, чтобы сесть, и я сделал так же, поглаживая ее влажную щеку, пока она вытирала вторую. Блу не была удивлена, она выглядела смущенной. Я конечно не самый умный, но ее реакция указывала мне, что чаще всего происходило так, а не иначе.

— Это один и тот же ночной кошмар, или каждый раз другой? — спросил я, и снова она не выглядела удивленной.

— Я снова разговаривала во сне, да?

Кивая, я потянулся к ней, но она покачала головой, а я почувствовал неловкость от того, что хотел ей помочь, но не мог. Я не выносил этого

чувства, ненавидел его чертовски сильно. Я презирал свою неспособность помочь маме, и это же чувство было ненавистно мне сейчас.

— Что я сказала? — спросила она, не глядя на меня, а я осознал, что ненавидел ее неприязнь даже больше, чем свою беспомощность.

— Не делай так, ладно? Если ты хочешь поговорить со мной, спросить меня о чем-то, то не прячься от меня. В этом нет ничего такого, из-за чего стоит смущаться или расстраиваться. У тебя был ночной кошмар и ты плакала. Я делал так много раз. Рыдал, как чертов младенец, правда. Так что нет ничего плохого в том, что ты плачешь из-за ночного кошмара про Бена. Мне нравится то, как ты защищаешь его и как заботишься о нем. Я все не возьму в толк, что происходит с вашим отцом. Вы, ребята, нуждаетесь в нем. Так что для тебя естественно хотеть компенсировать недостаток родительской заботы от него.

— Это все, что я сказала? — Она хмурилась, что раздражало меня, но также и давало понять, что она окольными путями пыталась выяснить, не выдала ли мне свою большую страшную тайну. Я скатился с другой стороны кровати, подошел к стерео и ударил по кнопке питания, погрузив нас в тишину. Единственным звуком в комнате стало наше напряженное дыхание.

— Проклятье, Харпер. Я не тот, кто скрывает что-то. Если я говорю, что это касалось Бенни, значит, так и есть. И ничего больше. Никаких скрытых замыслов.

Она поднялась, ее лицо исказила гримаса, когда она взглянула на меня. Казалось, она собиралась что-то сказать, но затем промолчала. Ее рот открылся, но потом снова захлопнулся.

— К черту все, Блу. Просто скажи это.

Вместо этого она направилась к двери, открыла ее и вышла, оставляя меня в своей темной бесшумной комнате. Я сделал прерывистый вдох и вышел из ее комнаты, спустился вниз по коридору и нашел ее у входной двери ее же дома, которую она держала открытой. И снова она не смотрела на меня, а я был слишком рассержен и слишком уставшим, чтобы взывать к ее разуму именно в тот момент. Если бы мы продолжили, то могли сказать то, о чем бы сожалели, а мне бы очень не хотелось ее потерять. Поэтому я остановился у двери, приподнял ее подбородок так, чтобы она посмотрела на меня. В ее взгляде больше не было гнева, но были смирение и печаль, а я так сильно хотел ее поцеловать. Но, тем не менее, не сделал этого.

— Мы можем поговорить. Все, что тебе нужно сделать, просто сказать это. Все, что нужно: просто закрыть дверь и довериться мне, — сказал я нежно, надеясь, что она так и сделает. Она стала покусывать свою губу, не

отрывая от меня своего взгляда, так что у меня даже появилась надежда. Но вместо того, чтобы нарушить свое молчание, она посмотрела в темное небо, а я двинулся к своему грузовику.

Я бы боролся за нее, я бы сражался со всем миром ради нее. Так или иначе, несмотря на все трудности моей жизни, я серьезно влюбился в нее, но не мог бороться с ней. Все это совершенно другое и полностью вышло из-под контроля. Я нутром чувствовал, что хотел удержать ее и как слабак умолять не бросать меня, но вместо этого оставался сильным, добрался до своего грузовика и направился домой.

Глава 7

:

Ни

единого слова

«Был бы я похожим на тебя, тогда б отверг я сам себя».

Уильям Шекспир

Харпер

Какого черта со мной было не так? Из моей груди, самых ее глубин, вырвался крик. Я скомкала простыни, пытаюсь сдержать новое всхлипывание, которое так просто не прекратилось бы. Никогда не плакала. То есть у меня никогда не было такой необходимости, но сейчас слезы навернулись так легко, что я не в силах их контролировать. А вчера со мной что-то произошло. Пребывание вместе с Воном щелкнуло во мне выключатель, который не было возможности отключить, тогда как все, что мне было нужно, это только гребаная пауза.

И плакала я не от того, что моя мама не имела ни малейшего понятия о том, что я была жива или что вообще родилась, что могло бы стать причиной слезам. Я плакала не от того, что мой отец закрылся от всего и всех, кто мог бы его покинуть. Я плакала не потому, что оставляю испуганного маленького мальчика, который не мог сам о себе позаботиться, несмотря на все то, что успела предпринять, дабы помочь ему. Хотя должна была бы, но всё же плакала не из-за специалистов, которые считали, что я не доживу до своего восемнадцатого дня рождения.

Причина соленой влаги, выходявшей из моего тела и стекавшей по моему лицу и щекам, как вода от ураганного ливня, заключалась лишь в том, что я только что прогнала прочь то единственно хорошее, что вообще было в моей жизни. Я выгнала Вона прочь, будто выбросила мусор. Я сделала ему больно, но у меня был шанс не поступать так. Ага! У меня было много возможностей не поступать так до этого момента, и все же я

сделала это, потому что была эгоистичной коровой.

Теперь я расплачивалась, что было чертовски больно. Болело так сильно, что я начинала чувствовать дурноту. Если и после лечения я бы чувствовала себя так же, не уверена, что в конечном итоге хотела бы довести дело до конца, потому что, опять же, я была эгоистичной коровой.

Я мучила саму себя и плакала, пока горло не начало жечь от переутомления и, наконец, провалилась в сон, где реальность расплывчата, а мои страхи под контролем. В конечном счете меня снова выбросило бы в мир правды, где я бы снова столкнулась с тем, что натворила при свете дня, от которого не могла скрыться. Мои глаза были настолько воспалены, что не было возможности открыть их. Ко мне пришло осознание того, что как только этот отвратительный солнечный свет достигнет зрачков, то они будут окончательно уничтожены, поэтому я положила подушку на голову и осталась в таком положении. Но, так как я находилась в глубине своей никчемности, мой разум предавал меня и начинал заново проигрывать день, проведенный с Воном. Когда же я попыталась выкинуть это из головы, в моем горле встал ком, боль от которого напоминала режущие лезвия. Прежде чем чертовы слезы полились снова, я отбросила подушку на пол и села, жмуря глаза в попытке избавиться от вспышек головокружения.

На часах было три минуты седьмого, и в моей комнате уже стояла невыносимая жара. Я выбралась из кровати, чтобы открыть окно и поймать утренний ветерок и тут же замерла как вкопанная, уставившись на записку, приклеенную к наружной раме окна.

Мое сердце билось очень медленно, а в горле образовалось острое чувство жжения, как только я заставила себя двигаться и прочесть слова.

« Никто не может изменить человека, но человек может стать причиной чьих-то изменений . Губка Боб Квадратные Штаны , м не очень жаль. Я буду у тебя в семь, чтобы забрать тебя. Будь готова или ты " Губка Боб ">» .

В .

Это теперь моя новая любимая цитата. Навеки.

Я преодолела последние шаги до окна, открыла его и сорвала записку со стекла, чтобы добавить ее к другой цитате Губки Боба. Должно быть, он возвращался сюда среди ночи. Я желала видеть его, хотела извиниться за свою дерзость, отвратительное поведение, и в то же время хотелось заползти обратно в постель и позволить этому всему уйти. Так было бы

лучше, но, как я сказала, я эгоистичная корова, любила его. Да, любила, была влюблена в него, и настолько зависима, что это ужасно плохо для нас обоих, но мне было все равно. Я буду нуждаться в нем все то время, пока он не оттолкнет меня, или же все то время, пока я буду в этом мире.

Итак, у меня было менее сорока пяти минут, чтобы избавиться от вчерашней отвратительной одежды, принять душ и подготовиться к вечеринке на пруду с Воном и его друзьями. Сегодня я собиралась жить на всю катушку, согласно третьему правилу Эйприл.

* * *

Я услышала, как грузовик Вона затормозил рядом с папиным, от чего я чуть не приложилась об стену. перевозбуждение и нервозность — дьявольская смесь. Идея выскочить из дверей прямо к нему в объятия заставила меня широко улыбнуться, но памятуя, чем закончилась прошлая ночь, я не была уверена, как себя вести, поэтому нужно было выждать, следуя его примеру. Его реакция станет отправной точкой, в которую я бы окунулась с головой.

Я была у входной двери, когда он постучал. Тогда я дрожащей рукой я потянулась к ручке, стараясь дышать максимально спокойно. Затем открыла дверь и расплылась в улыбке, когда увидела его в длинной белой футболке и простых серых шортах. Его взгляд блуждал по моему лицу, а затем, уже более откровенно, по телу.

Сегодня я последовала бесстыдству Эйприл и надела топ от бикини с джинсовыми шортами, а влажные волосы собрала в неряшливый пучок. Я ни глупа, ни наивна, я знала, что хорошо выгляжу, да и хотела выглядеть хорошо. По широкой улыбке на лице Вона мне показалось, что ему понравилось. Так, словно ему в самом деле нравилось то, что он видел.

— У тебя есть рубашка? — Он продолжал улыбаться, в то время как моя улыбка сошла.

— Для чего? — Я посмотрела вниз, рассматривая свой внешний вид, и вдруг начала сожалеть о своем беззастенчивом выборе полуобнаженности. — Я могу пойти и взять ее. Просто дай мне секунду.

Я уже собиралась развернуться, когда он схватил меня за руку и притянул к себе, от чего я упала к нему в руки. Изящество — явно не мой конек, плюс мое лицо начало пылать, когда я захихикала.

Вон обнял меня за талию, его раскрытая ладонь легла мне на обнаженную поясницу. Ощущалось это так интимно, что вся моя печаль вмиг рассеялась.

— Блу, мне очень нравится... это, — сказал он хриплым голосом,

щекочущим мне шею, пока пальцами слегка поглаживал вверх-вниз кожу моего бедра. — Но давай все же вернемся в твою комнату.

Его подшучивание заставило меня рассмеяться

— А как же пруд и твои друзья?

— К черту пруд и моих друзей. Сейчас я хочу, чтобы ты была только моей.

Не могла удержаться, чтобы не схватиться его за край футболки, потому что, без шуток, колени у меня тряслись, как желе. Я знала, что он шутит, ну ладно, наполовину шутит, и все же не была уверена, что именно предпочла бы, потому что под его взглядом таяла словно воск.

Несмотря на это, внутренняя война привела к мирному договору, когда голос Эйприл пролетел через лужайку и проник прямо в самую мою сущность.

— Оу, как мило и отвратительно. Почему бы вам не уединиться? — с визгом произнесла Эйприл, сморщив лицо, но, могу точно сказать, что она хотела бы широко улыбнуться.

Я отстранилась от груди Вона, но он так и не выпустил мою талию из рук, а я на самом деле и не была против. Нисколько.

— Я пытаюсь, — пробурчал Вон, а я сильно прикусила губу, пытаюсь не рассмеяться. Картер подмигнул нам и кивнул головой. Какой же он мальчишка.

— Все готовы? — спросил он.

Вон посмотрел на меня, а я широко улыбнулась, кивнув в ответ на его хихиканье.

— Ага, поехали уже. Хотя я, пожалуй, поеду на своем грузовике.

Картер прыснул от смеха.

— Ясен пень! — ответил он, качая головой.

Эйприл смеялась, перепрыгивая через мальчишек, чтобы обнять меня, и только тогда я увидела, что она держала в руках видеокамеру. Она обняла меня так чертовски сильно, что я не могла дышать. Тогда она прошептала:

— Мне так повезло, нам нужно поговорить.

Затем она отошла и снова взяла Картера за руку. Я так рада, что у нее появился парень и она нашла свое счастье. Эйприл заботилась обо мне с тех самых пор, как я переехала сюда, и я волновалась, что ограждала ее от возможности жить своей жизнью, потому как она была из тех девчонок, кто должен быть в самой гуще событий.

Я закрыла за собой дверь и попыталась оттолкнуть мысль о Бенни, который сегодня остался дома с отцом. Много времени не прошло бы, прежде чем отец проснулся и отправился провести маму, и если бы он

увидел, что я ушла, а Бенни дома, то взял бы его с собой. Это не означало, что Бенни не желал видеть маму, напротив, он всегда хотел ее видеть. Просто каждый раз, когда он ходил туда, он возвращался обиженным и разочарованным, что она не знала о его существовании. Это разбивало сердце.

Не-а. Не начинай, не думай об этом. Просто продолжай думать о том, как прекрасно ощущается рука Вона на бедре, как чудесно будет сегодня повеселиться, поплавать и побыть свободной. Я продолжала идти и позволила Вону по-джентльменски открыть для меня дверь грузовика. Он быстро развернулся, нахально шлепнув меня по заднице, от чего я подпрыгнула... на данный момент это стало уже почти традицией.

Сегодня будет незабываемый день. Мы не говорили о прошлом вечере, и я чувствовала облегчение от того, что он позволил мне воспользоваться своим правом на отказ от ответа, фактически не используя его. Я бы хотела задуматься над его использованием прошлой ночью, тогда, возможно... стоп, не начинай это.

Вместо этого я включила в машине радио, где играла какая-то кантри музыка, и откинулась на спинку. Он снова натянул широкую улыбку, ту, которая заставляла мой желудок выделять те глупые перевороты, а также, думаю, именно это ухудшило эффект от ветра, проходящего сквозь его футболку и волосы. Он был так горяч, и конечно он знал об этом.

Он выглядел вольным, как птица, и я завидовала всему, что он отстаивал. Возможно, это было второй причиной, по которой я влюбилась раз и навсегда: Вон олицетворял все то, чего я хотела в жизни, что я любила. Если бы я только могла ему это показать, но с этим придется подождать.

Мы провели следующие пятнадцать минут, улыбаясь и глядя друг на друга, не проронив ни слова. Ни одного. И это не имело никакого значения. Я могла видеть его насквозь и испытывать такие же чувства. Мы не произносили слов. И тем не менее они присутствовали, повиснув между нами в воздухе кабины грузовика, когда он внезапно съехал с дороги. Я не понимала, зачем он сделал это, поэтому оглядывалась вокруг, чтобы определить, почему мы остановились, в то время как Картер и Эйприл отдалялись от нас, продолжая нестись к пункту нашего назначения.

Меня напугал хруст гравия, а грузовик притормозил, когда Вон потянулся через сидение и отстегнул мой ремень безопасности, а затем схватил меня за шорты и притянул к себе. Я не могла сдержать вздох, слетевший с приоткрытых губ, так же как и учащенное сердцебиение от его силы и потребности, чтобы я была с ним рядом. Он ничего говорил, пока

вжимал меня в сиденье посередине. Его рука лежала на моей груди, которая вздымалась, как сумасшедшая, и я ничего не могла с этим поделать, в то же время выглядя так, словно пыталась. Он медлил, и мне казалось, что собирался меня поцеловать, но не делал этого. Казалось, он дразнил меня специально, и, по-моему, находиться так близко было для него так же сложно, как и для меня. Мысль о том, что не было никакого шанса скрыться, да я на самом деле и не хотела, заставила меня улыбнуться. Это было приятным разнообразием — непринужденно улыбнуться.

Я ощущала, как дрожала земля, или, если быть точнее, вздрагивал наш грузовик от проезжающих мимо машин и жужжащих полуприцепов, которые обгоняли нас безо всякой мысли. Взгляд Вона метался по моему лицу, в то время как легкая ухмылка больше не могла скрывать его желание. Воздух между нами накалился, был буквально заряжен и готов зажечь нарастающее желание. Если бы он поцеловал меня, я не знаю, что бы произошло дальше. Вспыхнула бы я? Побледнела бы? Схватила бы за него и никогда не отпускала? Я не знала, и это неведение пугало. Пугало и... возбуждало.

Без размышления, без четкой мотивации мои глаза закрылись, и я почувствовала его. Я ощущала тепло, исходящее от него, его дыхание все ближе, а затем его губы коснулись моих, от чего я издала стон и растворилась в нем. Мои руки двигались словно сами по себе, я схватила его, притягивая ближе, и мои губы раскрылись, впуская его язык.

Я была потеряна и крайне нуждалась во всем, что он был готов мне дать, и не потому, что я не смогла бы получить такого опыта в дальнейшей жизни. Нет, Вон вызывал внутри меня стремление к жизни и любви, о существовании которого я никогда даже не подозревала. Каждая клеточка моего тела покалывала и была полна жизни. Я также любила его и за это.

Я чувствовала, будто вот-вот упаду с обрыва, будто вот-вот потеряю саму себя в прикосновениях его рук, ни на миг не оставляющих мою шею и бедро. Его губы были так нежны для парня, который выглядел как угодно, но точно не как неженка, и, о мой Бог, я теряла себя. Я была потеряна в ощущении его языка у меня во рту, на моих зубах и губах. Затем он втянул мою нижнюю губу и отстранился. В тот момент я поняла, что могла бы справиться с чем угодно, когда у меня был Вон. Я могла забыть обо всем и снова быть самой собой, так что когда я медленно открыла глаза, то увидела парня, которого я буду любить всегда и до конца своих дней.

Большим пальцем он коснулся моей нижней губы и улыбнулся, завел грузовик и мы снова оказались на дороге. Но в этот раз я сидела возле него, наши ноги соприкасались, а пальцы были переплетены, и все без единого

слова, потому что, ей Богу, кому нужны слова?

Глава 8: Идти на риск

«Тот, кто недостаточно смел, чтобы рисковать, ничего не добьется в жизни».

Мохаммед Али

Харпер

Это была нелегкая поездка через лес, несколько ферм, на которых пасся скот, и по бескрайним полям. Я до сих пор не могу поверить, сколько коров я увидела с момента переезда в Олбани. Впрочем, я думаю, что Вон мог бы сказать подобное про количество Старбаксов в Сиэтле. Все зависит от того, к чему вы привыкли. Это как языковые различия. Здесь можно услышать такие словечки, как «пацаны» и «здорово». Они пьют сладкий чай... да что за чертовщина?

Я поняла, что мы приближаемся, когда увидела, что внедорожник исчез в лесу за холмом выше, и мне интересно, откуда они знают куда ехать. Мы не на дороге или трассе и такое чувство, что у них стоит отметка на этом пруду или что-то типа того.

Мы сбавили скорость, когда через гребень холма увидели группу транспортных средств, припаркованных в тени, на краю лесного массива. Должно быть, это то самое место.

Вон заглушил машину позади одной из тех вездеходных развалюх, которые так любят фермеры. Я смотрела на всевозможные транспортные средства, которыми пользовались, чтобы добраться сюда, понимая, что все они созданы для ферм и грязных дорог.

Картер и Эйприл ждали вместе с группой людей около большого стола для пикника, окруженного холодильниками и стульями. С кем-то я была знакома, но большинство присутствующих я не знала. То и дело раздавался громкий смех и крики. В основном, крики доносились с тарзанки на вершине холма, с которой прыгали в пруд — плюх. Я не понимала, почему они называли это прудом, он был чертовски большим, как озеро, с большой буквы О.

Один парень греб на каноэ, а на пирсе, который тянулся от берега до середины пруда, загорали две девушки, лежа на спине. Одна парочка ловила рыбу, и я осознала, что еще никогда в своей жизни не рыбачила. Интересно, научит ли меня Вон это делать.

— Научишь меня ловить рыбу? — спросила я, пристально глядя на девушку, которая что-то поймала.

Я почувствовала на себе его взгляд и улыбнулась еще до того, как

посмотрела на него.

— Ты не умеешь рыбачить?

Я покачала головой, чувствуя себя слегка смущенной.

— Они ловят краппи и сома на обед. Я не взял свою удочку, но уверен, что Родни не станет возражать. На самом деле, он даже будет настаивать на этом, когда узнает, что ты никогда раньше не рыбачила. А может быть, Картер привез свою удочку.

Я почувствовала волнение и начала нервничать. Не только из-за рыбалки, а из-за всего. Здесь будет человек тридцать, не меньше. Вон там какие-то ребята начали выгружать пиво из кузовов своих пикапов и наполнять холодильники бутылками и льдом, а я задумалась о том, что совмещать пиво и плавание — не очень хорошая мысль. Рука Вона сжала мою ладонь, вырвав меня тем самым из моих мыслей. Я перевела взгляд с полубезумных подростков на наши руки, посмотрела ему в глаза.

— Ты рядом со мной. Ничего не произойдет, — с улыбкой заверил он меня. Это действительно позволило мне расслабиться, так что я выдохнула. — Идем. У нас будет сумасшедший день, который ты запомнишь на всю жизнь, к тому же ты познакомишься с группой, так что веселиться в школе станет проще.

— В каком смысле «в школе»?

Я никогда даже не думала о школе или что мы собирались делать с нашей социальной ячейкой. Что ж, если вас двое, вливаться в социальные группы несложно, но тем не менее. Я никогда не предполагала и не ожидала того, чтобы присоединиться к кругу его друзей. Я планировала по-другому: держаться на безопасной дистанции, не привлекая к себе внимания, чтобы, когда у меня начнется курс лечения или когда всё совсем пойдет наперекосяк, это ни на кого больше не повлияло бы. Сейчас, смотря на них и их показушное равнодушие к подростковым передрыгам, я даже в чем-то завидовала им. Как же я хотела быть совершенно свободной, прямо как они.

Вон усмехнулся, прыгнул с пикапа, и я смотрела, как он помахал высокому парню с рубашкой, повязанной вокруг его головы. Я отстегнула ремень и скользнула к его двери, где он меня ждал. Я села на край сидения, ожидая, что он отойдет, но он стоял на месте. Я улыбнулась, наклонила голову и пристально на него посмотрела. Я могла бы спуститься на землю самостоятельно, но у меня появилось отчетливое ощущение, что он не позволит мне.

— Почему тебе обязательно нужно во всем со мной спорить? — насмешливо спросил он, но, надо сказать, в его вопросе была доля истины.

— Я не во всем с тобой спорю. Только тогда, когда, как мне кажется, ты неправ или ведешь себя странно. Я же не виновата, что почти за все время нашего знакомства ты бываешь то одним, то другим, правда же?

Его брови приподнялись, а лицо исказила ухмылка. Я никак не смогла побороть свою улыбку и хихиканье, вырвавшееся из моей груди.

— Если бы я не думал, что ты станешь игнорировать меня весь оставшийся день, я бы прямо сейчас закинул тебя на плечо, — хрипло сказал он, на что я перестала хихикать. — Поэтому вместо того, чтобы закатывать сцену, я заключу с тобой сделку.

Я ничего не ответила и даже не сдвинулась с места. За поступки всегда приходится расплачиваться, вот и настал мой черед. Мне пришлось заплатить за высмеивание парня, который знал, как выгодно воспользоваться любой ситуацией.

— Пасс, — не думая, выпалила я, прежде чем смогла остановить себя.

Вон отпустил смешок и с недоверием посмотрел на меня:

— Серьезно?

У меня осталось всего десять. Я скривилась и необдуманно ответила:

— Я запаниковала.

Он засмеялся, поглаживая мое бедро большим пальцем, тем самым отвлекая меня. Все, что связано с ним, отвлекало меня.

— Что ж, я так понял, ты пасуешь, так что пока ты свободна. Но что-то подсказывает мне, что скоро у меня получится воплотить свой план, рано или поздно.

Я выдохнула от глубочайшего облегчения, понимая, что он не угрожал мне, а предупреждал, и что при таком раскладе я использую все оставшиеся у меня десять пассивов еще до того, когда они мне действительно понадобятся.

— Ты мог бы просто быть милым со мной и никогда не воплощать в жизнь свой хитрый план. Это пошло бы на пользу и тебе, — ласково сказала я, надеясь, что он не сможет устоять перед моей слабой попыткой флирта. Не думаю, что я когда-либо раньше намеренно флиртвала, но вдруг я заметила, что его взгляд стал мягче, что придало мне уверенности.

— Ты пытаешься подкупить меня путем соблазна, Харпер Кеннеди?

Я облизала губы, поскольку знала, что это немного сводит его с ума, он так говорил, и немного откинулась на спинку кресла. Да-да, и за какие-то секунды из привычной застенчивой Харпер Кеннеди я превратилась в блудливую соблазнительницу ради того, чтобы получить желаемое. И должно ли было это меня заботить? Ах, нисколечко!

Переживала ли я, когда он стянул меня с сидения, после чего мне

ничего не оставалось, как обхватить ногами его талию, и впился губами мне в губы? Нет, черт возьми! Если у меня получилось добиться от него такой реакции, то я использую на нем все свои приемы.

И лишь потому, что ожидающая нас толпа насвистывала и кричала, Вон медленно оторвался от моих губ, и я уткнулась лицом в его шею.

Ладно, я переживала совсем немного.

— Прости, — прошептал он мне на ухо, и я почувствовала, что ему действительно жаль. Мне не хотелось, чтобы он сожалел или был опечален. Жизнь и так полна сожалений, и я не хотела быть одним из них. Я посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Я разжала свои руки, до этого обвивавшие его шею, и запустила ладони в его волосы, а затем поцеловала.

Снова послышался свист и улюлюканье толпы, до нас донеслись возбужденные возгласы, и мне показалось, что мы разыгрывали какое-то шоу. Я знала, что они говорили про нас и, вероятно, осуждали меня, что, откровенно говоря, заботило меня меньше всего. Я находилась во власти Вона и его сердца, и я всегда буду рядом с ним. Я дала такую клятву и останусь верна ей.

Я почувствовала его улыбку на своих губах, и прежде чем опустить ноги на сухую траву, я поцеловала его в щеку, а затем мои губы скользнули к его уху.

— Думаю, мы квиты, — сказала я и вырвалась из его объятий, поворачиваясь, чтобы достать свою сумку с пола грузовика. Я услышала, как он засмеялся, доставая из грузовика наш холодильник. Взявшись за руки, мы смело направились к глазевшей толпе, которая следила за каждым нашим движением.

— Итак, это и есть та девушка, о которой я так много слышал, — сказал парень с рубашкой, обернутой вокруг его головы. Я почувствовала, что мои щеки запылали, а раз они уже стали красными, то, по крайней мере, никто не заметит, если у меня поднимется давление.

Вчерашняя девушка, Сара, стукнула его по животу:

— Боже, Трэв, твоя мама роняла тебя в детстве, или что? Что из фразы «отвали» тебе не понятно?

Я сдержалась, чтобы не рассмеяться, когда он пожал плечами, потирая самодельный тюрбан. Парень был хорошо сложен, как и, на первый взгляд, большинство парней вокруг, кроме, пожалуй, Фути, но даже Трэвис был еще не самым лучшим. Я предположила, что все взгляды обычно принадлежат ему.

— Все в порядке, — ответила я. Я понимала, что мое появление в качестве новой девушки уже привлечет внимание, не говоря уже о том шоу

около грузовика. На самом деле, после чего-то подобного уже не было смысла прятаться. Большинство из толпы направились к берегу, где уже засвистела тарзанка, — увиденного было для них достаточно.

— Я Трэвис, — представился он, протягивая мне руку.

Вону пришлось позволить мне пожать его руку, что произошло из чистой вежливости, иначе мне было не избежать его прикосновения.

— Харпер, — я пожала его руку и улыбнулась, затем еще раз улыбнулась, и снова пожала его руку, прежде чем Вон закашлялся. Наконец, Трэвис с самым невинным взглядом отпустил мою ладонь, которую я тут же вложила в руку Вона.

— Что ж, мне лучше присоединиться ко всем, прежде чем Сара выбросит мое пиво за борт. Было приятно с тобой познакомиться.

Затем он побежал по пристани вслед за своей сестрой, в то время как Картер и Эйприл появились из-за внедорожника Картера, держа в руках удочку и коробку с приманкой.

— Наконец-то, — простонала Эйприл, обнимая меня. — Что с вами двумя приключилось? Сначала ваш грузовик шел прямо рядом с нашим, а уже через минуту...

— Эйприл, — Картер сделал шаг вперед, за что большое ему спасибо. — Пойдем, я покажу тебе самое лучшее место на пруду, где ты сможешь хорошенько позагорать...

Он взял ее за руку и повел к берегу, где стояло другое каноэ. У нее перехватило дыхание, прежде чем она успела улыбнуться мне в ответ.

— Увидимся, милая.

Она помахала мне, а потом рассмеялась, когда Картер в очередной раз попытался взять ее под руку.

— Ага, — крикнула я ей вслед.

— Кажется, что сегодня она более расположена к нам. Ты с ней что-то обсуждала? — тихо спросил Вон с беспокойным видом.

— Думаю, она видит, что я счастлива, и это самое главное сейчас.

До какой-то степени я была уверена, что, в конце концов, она больше беспокоилась о Воне, чем обо мне, потому что, если случится все то дерьмо, я буду лежать в земле, оставив ее, чтобы вытащить Вона из плена лжи, гнева и чувства потери.

— Хватит, капитан, возьми уже меня в море, — подмигнула я, на что он быстро поцеловал меня, прежде чем мы спустились к воде.

Он рассмеялся и остановился, прежде чем я успела сделать и два шага.

— Не туда, — сказал он. На мой вопросительный взгляд он кивнул куда-то в сторону: — Сюда.

Когда я увидела, что он имеет в виду тарзанку, у меня перехватило дыхание.

— Ни за что!

* * *

В моей руке появилась слабость от держания удочки. Она не была тяжелой, но я много уставала в последнее время. Несмотря на усталость, я гордилась тем, что хоть узнала, что такое удочка.

Мне пришлось просить его насадить наживку на мою леску, поскольку я совсем в этом не разбиралась, не говоря уже о том, чтобы самой забросить удочку в воду. Когда он сказал «закидывай удочку», я посмотрела на него так, будто он просил меня полетать на его космическом корабле. Он рассмеялся надо мной и велел забросить удочку. Теперь я понимаю, что он говорил не буквально, но по какой-то невообразимой причине, именно это и произошло. Я не совсем уверена, как и почему, но моя рука разжалась, и удочка выскользнула прямо из нее. Все произошло, будто в режиме замедленного движения, и, тем не менее, я никак не могла это предотвратить. У меня перехватило дыхание. Он выкрикнул «нет», а потом так сильно рассмеялся, что его лицо стало ярко-красным от смеха. Именно в тот момент я столкнулась с дилеммой: рассмеяться или умереть на месте. Я понимала, что готова сделать и то, и то.

— Что же мне теперь делать? — смеясь, спросила я, отметив про себя, что некоторые тоже видели, что я наделала, и теперь тоже смеялись.

— Я залезу в воду и достану ее, если ты... если ты прокатишься на тарзанке хотя бы раз.

Я больше не слышу смеха, все звуки пропали от чувства страха и предательства:

— Ты обещал, что не будешь просить меня прокатиться на тарзанке. Ты обещал.

Ладно, возможно, в данном случае слово предательство звучит чересчур, но когда он предлагал прокатиться на тарзанке до этого, и я увидела, как она была высоко, то сразу поняла, что не смогу этого сделать. Несмотря на его уверенность в том, что я смогла бы. В конце концов, я умоляла его не заставлять меня кататься на тарзанке, и он уступил.

Он положил свою удочку на землю и так близко подошел ко мне, что я почувствовала тепло наших тел, затем он взял мои руки в свои:

— Я никогда не нарушу данных тебе обещаний, Блу. Никогда. Я говорил, что не стану заставлять тебя делать что-то, чего ты сама не хочешь; я говорил, что буду рядом с тобой, независимо от того, что ты

сделаешь, прокатишься на тарзанке или нет. Независимо от того, захочешь ты называть меня своим парнем или нет. На мой взгляд, оба вопроса не подразумевают под собой никакого риска, но у тебя другое мнение, поэтому я принимаю твою позицию. Но я никогда не обещал, что не стану просить тебя снова, потому что я всегда буду просить тебя рискнуть и жить на полную катушку. Пронестись на тарзанке по воздуху, доверившись самой себе в подходящее время. Целовать меня на глазах наших друзей. Или позволить мне стать для тебя ближе. Это все рискованно, но я всегда буду просить тебя попробовать.

Отец Небесный, Вон не знал, что в его словах больше правды, чем он полагал, отчего мне захотелось расплакаться. У меня заболело в горле, и я боролась с тем, чтобы меня не выдал мой трясущийся подбородок. Мне захотелось сделать все, о чем он просил. Мне захотелось жить и рисковать, и пробовать... и любить. Поэтому я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, пока мои легкие не наполнились под завязку и больше не вместили бы ни йоту кислорода, а затем медленно выдохнула:

— Спроси меня еще раз, и я клянусь, ты не разочаруешься.

Он немного опешил и сжал мои ладони. Его улыбка стала шире, как и моя.

— Ты станешь называть меня своим парнем?

Эээ. Это был не тот вопрос, который я подразумевала, и он это знал. Он тихо засмеялся, и я поняла, что это не имело значения. Больше всего на свете я хотела, чтобы он был моим парнем. И было еще кое-что, чего мне очень хотелось, но это было не в моей власти. А первое желание — в моей. Я понимала, что, когда я расскажу ему о своей болезни, возможно, он откажется от такой привилегии, но в то же время подумала, что у нас могла бы быть мечта.

— Да.

Его зрачки расширились, и он расплылся в улыбке.

— Но, — добавила я, на что он чуть ссутулился, — но только если мне не придется кататься на тарзанке. Ты не получишь и то, и другое, к тому же, тарзанка откровенно пугает меня, даже больше, чем пауки, змеи и медведи вместе взятые.

— Если собрать их всех вместе, то получится одно до чертиков страшное животное.

Его ухмылка была настолько широкой, что готова поспорить, что ему было больно, потому что от моей у меня свело все лицо. У меня чертовский болели щеки.

— Тьфу на тебя, пройдоха, потому что теперь мы официально парень и

девушка, и ты больше не сможешь надо мной потешаться.

Он слегка хихикнул, пожал плечами, а затем, прежде чем я поняла, что произошло, взял меня за талию и поднял над землей. Я завизжала, после чего наши губы встретились, а затем нас поглотила холодная толща воды.

Я крепко его обняла, зажмутив глаза. Я доверила свою жизнь Вону, и когда мои ноги, все еще обвивавшие его бедра, погрузились в воду, а рот уткнулся в его шею, он снова стал искать губами мои губы, чего мне тоже очень хотелось. Целовать Вона было чем-то новым, чего я никогда раньше не испытывала, поэтому я так к этому приистрастилась, что даже страшно было об этом подумать. Потому я не стала думать об этом. Я просто целовала его и растворялась, чувствуя, как вода покрывала его губы. Боже мой, мое тело так хотело соединиться с его. Между нами не осталось ни миллиметра, и, тем не менее, мы хотели стать еще ближе друг к другу.

Если бы не потребность в кислороде, мы, вероятно, совсем не отрывались бы друг от друга. Проклятые легкие! Хотя Вон не отпустил меня, чтобы я шла сама; он прошел подальше от пирса и, я думаю, посторонних глаз. Я не знала, смотрел ли кто-либо на нас. Пфф, вероятно, многие из них смотрели, только мне до этого не было никакого дела. Все, о чем я заботилась, был Вон.

Пока он скользил в воде, я смотрела на то, что нас окружало: горы и небо. И все остальное. Это было большое и красивое, просторное место, и, кажется, в тот самый момент решила для себя, что я хотела бы там жить. Прямо там, на краю того самого пруда и наблюдать за парнем, которого люблю, ловить рыбу для нашего стола, и стягивать с него футболку, потому что он совсем не понимал, насколько он чертовски сексуален. Последнее было решающим аргументом в сделке.

Я знала, эта земля принадлежала Фути, но все равно я хотела ее. Ладно, звучало слегка неразумно. Черт, в тот день я вела себя неразумно, и мне было плевать.

— Мне здесь нравится, — сказала я мечтательно.

— Это потому что ты не выросла здесь. Если бы ты жила здесь, возможно, ты бы захотела свалить отсюда.

Его голос был таким грустным, и я поцеловала его влажную шею, всасывая воду. Горячо и немного игриво, и делала я это, потому что мне нравилось.

— Блу. Если продолжишь, то у меня будут неприятности.

Я захихикала, потому что точно знала, о чем он говорил, и я любила то, что могла делать это с ним. Он мог быть прав насчет жизни здесь и прочего. Но он не понимал, что я жила в городе, где чувствовала себя

незнакомкой для соседей. На наших двориках не было прудов, куда могли бы приходить наши друзья, чтобы расслабиться. Мы были или богатыми и имели бассейны, либо же были бедными и ходили в общественные бассейны, где вы чувствовали себя как селедка в бочке. Запах земли и домашней готовки начали кружить мне голову после недели пребывания здесь. Дома ты чувствовал либо запах горячего асфальта, либо дождя. Единственное, когда я могла чують запах еды, — когда кто-нибудь приносил еду на дом.

Конечно, я готовила для Бенни, папы и себя, но это было просто и ничего, что требовало бы больше тридцати минут и чего-то, кроме микроволновки. Продажа квартиры для оплаты медицинских счетов и переезд сюда были как переезд в другой мир. Нам пришлось потратить все деньги, но мы все еще могли позволить себе милый маленький дом на долю ипотеки в Сиэтле, и сейчас я все сильнее влюблялась в парня, который имел все, но не хотел ничего, кроме любви и маминой теплицы. Не поймите меня неправильно, я любила свой дом в городе. Там было мое место, я там выросла, там были мои друзья, моя жизнь, даже работа преподавателем танцев для детей в студии, где я училась. Я была близка ко всему, и со всеми друзьями мы были в одной лодке.

То, что я нахожусь с Воном и его друзьями в этом прекрасном месте, чувствую свободу, которую может принести обеспеченная семья, слегка пугало и ошеломяло. Сейчас мне было интересно, что Вон делал с кем-то вроде меня. Я родом из семьи, которая едва сводила концы с концами из-за постоянно растущей горы медицинских счетов. Все во мне не подходило Вону, но мы как будто притягивались друг к другу, как магниты. Даже просто мысль о том, что я пыталась или буду пытаться отказаться от него, причиняла мне боль, не говоря уже о действиях.

— Харпер Кеннеди, остановись сейчас же.

Эйприл хихикала, пока ее каноэ чуть ли не налетело на нас. Они выбуксировали другую лодку позади них, и Вон схватил ее, пока я плавала на безопасной дистанции чтобы не стукнуться головой об пластик. Холод воды, где наши тела были вместе, заставил меня дрожать. Я сразу же заскучала по нему.

Чушь! Как же жалко это выглядело! Я больная влюбленная девочка-подросток. Я никогда не думала, что буду одной из них. Я никогда не думала, что будет так много всего, и все же с Воном это «никогда» звучало как ругательство.

Вон перелез через края лодки и перебросил свои ноги. Мое тело было так напряжено и его практически ломило при виде каноэ, которое могло

перевернуться вместе с ним, но не успела я этого представить, как увидела, что Вон запрыгнул в каноэ и махал мне рукой.

Он, должно быть, шутит, да?

А вот и нет!

— Давай, это просто. Я вытащу тебя.

Пока не приблизишься к каноэ, не поймешь, насколько его бортики высоко от воды, и насколько трудно забраться в него хоть с какой-то грациозностью или стилем. Вон свесился за борт, чтобы как-нибудь помочь и приподнять меня, пока я была ногами под водой. Все это время каноэ выглядело так, будто вот-вот перевернется.

Из моего рта вырывался дурацкий визг, а Вон, Эйприл и Картер хохотали надо мной. Ну, Вон смеялся и кряхтел, затягивая меня в маленькую лодку, которую я уже начала ненавидеть всей душой. Только Вон мог выглядеть сексуально, залезая в лодку из воды. Я точно выглядела не так.

Мне было нечем дышать, когда забралась наверх к Вону, который тоже с трудом дышал, успевая посмеиваться, и все-таки я нашла в себе достаточно сил, чтобы дать ему пощечину.

— Заткнись, — сказала я, от чего он стал смеяться все сильнее, раскачивая под нами лодку. Я чувствовала, как горячее солнце грело мою спину, и, честно говоря, я могла бы бездельничать там и дальше, может быть, даже целый день, если бы Картер не протаранил нас своим каноэ. Крик Эйприл эхом отозвался по воде и остался вибрировать во внутренних стенках нашего каноэ, от чего мы с Воном передернулись. Я подпрыгнула на месте, еще больше съежившись, когда наша лодка покачнулась от моих неловких движений. Вон ловко и быстро поднялся, схватив одно из весел, и стал загребать им толщу прохладной воды, а затем брызгать на Картер и Эйприл. Если бы я могла подумать, что Эйприл может так громко кричать, то могу сказать, что я совсем ее недооценивала. От крика этой девушки могло разбиться стекло.

Мне же, в свою очередь, было так смешно, что я едва могла дышать, не говоря уже о том, чтобы завизжать или выкрикивать ругательства. Я оставила это парням, ведь мы промокли от брызг, летящих с весла Картера.

На дне наших лодок было так много воды, что, когда я справилась со своей эйфорией, то забеспокоилась. Сколько воды может набрать в себя каноэ, прежде чем начнет тонуть?

— Вон, мы тонем.

Он на мгновение остановился и посмотрел вниз на уровень воды. А затем сделал то, за что мне хотелось его убить... вместо того, чтобы

вычерпывать воду, он подгрёб веслом пару футов, разделявших наши лодки, пока наши борта не столкнулись с громким стуком и рывком.

— Это не дерби с полным разгромом! — Вон засмеялся и перепрыгнул в лодку Картера, в самую толпу, а мою лодку оттолкнул подальше от себя.

На этот раз настала моя очередь кричать. Я закричала так громко, что Эйприл должна была гордиться моей минуткой банши¹⁷. До боли в руках я схватилась за борт каноэ, но оно так и продолжило раскачиваться. Да, я его убью; жестоко и кроваво.

Не могу точно сказать, как это произошло, но каноэ наклонилось в сторону, и я опять закричала.

— Прекращай орать, тупица, и помоги мне влезть.

Эйприл зарычала из воды. Это сработало, потому что я внезапно перестала кричать, схватила ее руки и потащила к себе. Было очень заметно, что я не такая шустрая и сильная, как Вон, у которого это движение выглядело более простым и менее болезненным.

К моменту, когда мы с Эйприл благополучно очутились в каноэ, мои руки были покрыты следами от ее ногтей, а она была расцарапана от груди до колен. Мы лежали на спине, наша грудь вздымалась от необходимости кислорода и отдыха. Должно быть, мы лежали целую вечность, прежде чем взглянули друг на друга и внезапно начали смеяться.

Ее волосы были мокрыми, но короткие пряди вокруг ее лица быстро высохли на солнце, развеваясь на ветру. Она боролась с ними, ругаясь, пока как-то не привела их в порядок, и я стала еще больше давиться от смеха. Господи, как же сильно болели мой живот и щеки! Хотя это была приятная боль и мне нравилось это.

— Боже, — вскрикнула она, приглаживая волосы, когда с долины подул очередной порыв ветра. Он был приятный; ветер охладил и освежил мою разгоряченную кожу, которая не привыкла ни к такой погоде, ни к бикини.

— Думаю, я тоже подберу волосы, — сказала она, кивая в мою сторону и указывая на мой хвост, который к тому времени уже весь растрепался.

— Растрепанные волосы делают из тебя горячую штучку, — сказала я, и она надула свои губы.

— Ну, лучше бы ему схватить эти волосы в порыве страсти, или я просто психану и отрежу их.

Я знала, она несла бред. Она любила свои волосы и из того, что я видела вчерашним утром, у меня было чувство, что моя кузина больше болтала, чем делала. Так или иначе, я очень уважала ее и подозревала,

Картер тоже.

Она продолжила, наклоняясь ко мне. Ее лицо было серьезным, и я уже знала все поучительные слова, прежде чем они сорвались с ее губ, и сегодня мне не нужно было этого. Я хотела того, чего хотела она. Я хотела день любви, веселья и друзей, до того как я покину их вечером.

— Не волнуйся, — сказала я, — я знаю, и это не то, о чем я думала.

Неуверенно подойдя ближе к ней, я поставила ноги на край лодки, немного наклонив голову. Было не очень комфортно, но я хотя бы могла видеть Вона. Я смотрела на его спину, в то время как он сидел на конце лодки Картера и рыбачил. Я могла глядеть на этот бонсай весь день, но Эйприл кашлянула, привлекая мое внимание обратно к ней.

— Извини, ничего не могу с собой поделать.

— Честно, я тебя не виню. Ты знаешь, что означает это тату? Я слышала, девочки спрашивали и болтали о ней, парни тоже, но никто ничего точно не знает.

Как только слова дошли до моих ушей, чувство тяжести засело в моей груди. Я знала, что означало тату. Я чувствовала боль потери Вона и удивление, что он рассказал мне об этом раньше всех. Мой взгляд упал на него снова, и в этот раз он посмотрел на меня через свое плечо и подмигнул. Я улыбнулась и поняла, что Вон дал мне больше, чем свое доверие; он открыл мне свою душу, в то время, как я его не подпускала, словно мне было все равно. Но это не так. Я хотела, чтобы он обладал мною, полностью. Я просто не хотела потерять его, делая это.

Я повернулась к Эйприл и пожала плечами. Если бы я дала понять, что что-то знала, она бы сверлила меня до тех пор, пока не добралась бы и не раскрыла бы все секреты.

— Какая разница, есть тату или нет, я не могу оторвать от него глаз, — сказала я.

И это была чертова правда. Этот парень великолепен.

— Аминь, сестра. У Картера пока нет тату, и я говорю пока, потому что он показывал мне эскиз того, чего хотел. Но, Харпер, это не то, о чем я хотела поговорить с тобой.

Оу. Последний раз у нее был такой серьезный голос, когда я сказала ей, что хотела отложить лечение еще на неделю. Ей это не понравилось, и она была права. Я вела себя как конченная идиотка. Ее слова, не мои.

— Ты знаешь уже о его маме, и я думаю, это неправильно умалчивать. Я люблю тебя больше, чем кто-либо, Харпер, я серьезно. Но ему нужно знать.

Я вздохнула и кивнула.

— Я знаю. Я решила, что сегодня у меня будет лучший день в моей жизни с Воном, как будто он последний, потому что так может быть после того, как я все расскажу ему вечером.

— Ты боишься, что он тебя бросит?

Она выглядела такой грустной, и я чувствовала то же самое.

— Да. Не потому что он будет мудаком. Больше потому, что он не сможет справиться с такой болью, страданием и слабой надеждой на то, что я выживу. Я не виню его; то, через что он прошел со своей мамой, может разбить сердце.

Рука Эйприл сжала мою ногу, и я накрыла ее ладонь своей.

— То, через что ты прошла и собираешься пройти, разобьет сердце, Харп. Кроме того, до сегодняшнего дня я не знала Вона, потому что он всегда держался замкнуто или... ну, во всяком случае, я смотрю на него сейчас и вижу парня, который влюблен. И если он действительно бросит тебя, чего, я знаю, он не сделает, потому что разбираюсь в этой области, он получит от меня такой пинок под зад, что полетит до самого Канзаса. Или до самой Австралии, черт бы его побрал.

Я улыбнулась.

— То, что мы чувствуем после пары каких-то дней, кажется нелепым, но со мной это происходит, и я надеюсь, что с ним тоже. Сейчас я боюсь, что мое сердце будет разбито. Сегодня вечером он может порвать со мной и никогда не заговорить со мной снова. Я не знаю, смогу ли пережить это. Рак я могу побороть, боль от его потери — нет.

— Я люблю тебя, Харпер Джейн Кеннеди, но иногда ты тупая, как пробка.

Я засмеялась, несмотря на ее тон, потому что это было так похоже на Эйприл.

Она вздохнула и продолжила, ее глаза блестели, и я подумала, что она вот-вот расплчется.

— Я не знаю, что это между вами происходит, может это судьба, а может быть, и нет. Что бы ни свело двух людей при таких печальных обстоятельствах, чтобы побороть это зло, атакующее твоё тело, оно верит в силу настоящей любви. Даже слепой видит, что он любит тебя, а ты его, поэтому не утруждайся скрывать это или притворяться, что есть что-то, чего нет. Что есть, то есть, Харп. Примите это и вдохните полной грудью, пока у вас оно есть. Мы осознаем все огромные потери и лишения, когда не пользуемся чем-то важным в нашей жизни, и ты должна знать это лучше, чем кто-либо еще. Ты слышишь меня?

Она смахнула со своей щеки слезу, что привело меня в

замешательство. Никогда раньше я не видела, как она плачет, и теперь у меня зашкаливали эмоции.

— Боже мой, дамочка. Только ты не плачь. Ты ужасная плакса, — сказала она, смеясь и целуя меня в щеку.

У меня защипало в глазах и я заморгала, а затем прыснула от смеха, в результате чего, похоже, забрызгала ее своей слюной. Но это сработало и я перестала реветь.

— Так-то лучше. А теперь дай я тебя обниму.

Она заключила меня в объятия, и я крепко к ней прижалась в ответ.

— Я тебя люблю, Эйприл Гиллиспи. Люблю каждую твою чертову клеточку.

— Знаю. Это беда.

Мы стояли в обнимку и смеялись, когда позади нас появились Вон и Картер. В руках у Вона была рыбина, и, должна заметить, это было не самым лучшим зрелищем, во всяком случае, мне представлялось это более приятным. Я представляла, что чешуя блестит и переливается серебристым или золотистым цветом, — но никак не будет коричневой, поэтому я поморщилась. Я не фанат рыбалки, если рыба выглядит вот так.

— Обед, — произнес Вон, размахивая своим уловом, от чего на меня полетели брызги, и я снова закричала, как те девчонки. Я терпеть не могла, когда он заставлял меня так реагировать.

Все трое, даже Эйприл, усмехнулись надо мной. Что ж, пусть смеются, если хотят, но я и пальцем не дотронулась до той рыбы. Так что вместо этого я схватила весло и начала грести.

— Ты куда собралась? — сквозь смех спросил Вон.

— Харпер! — выкрикнула Эйприл, заливаясь смехом. Что касается Картера, который произвел на меня впечатление неразговорчивого парня, то он так громко смеялся, что даже закашлялся.

Эйприл все еще смеялась и, если честно, то я тоже, когда она схватила другое весло и помогла мне преодолеть водоворот, который, казалось, возник на моем пути. Еще не успев понять, во что мы вляпались, Картер и Вон стали к нам приближаться и устроили погоню. Я так сильно смеялась, у меня чертовски онемели и устали руки, а до пирса оставался какой-то фут. Мне хотелось победить, и судя по крикам Эйприл «ДАВАЙ, давай!», я поняла, что она хотела того же.

Мне казалось, что мы смогли бы добраться до пирса первыми, поэтому обернулась, чтобы посмотреть на усмешки парней. Они перестали грести, как и я, несмотря на протесты Эйприл. Каное заскользило по направлению к пирсу, когда внезапно я оказалась обрызганной. Вернее, нет, меня не

обрызгали, а облили. Эйприл так сильно завизжала, что даже я растерялась. Я даже не могла пошевелиться. Да, я пыталась увернуться от струи воды, направленной на меня со стороны Фути и Трэвиса и их огромных супер-пистолетов и, прежде чем я успела осознать, что я сделала, мир вокруг поколебался, а мой крик поглотила холодная вода. Пузыри были везде, и я даже не понимала, что я смеялась, пока меня не обхватили руки Вона, и мы оба не оказались на поверхности. Мой и его смех смешались воедино, как будто они сливались в дуэт всю жизнь. Я стала брыкаться и вытирать воду с глаз.

Я даже не знала, что он прыгнул вслед за мной, но и без того уже любила его за его рыцарское благородство, и вот он шел, потряхивая своими волосами, и сделал то, за что я успела его полюбить. Я и мысли не допускала, что он догадывался о том, насколько он прекрасен.

Он убрал с моего лица выбившиеся пряди волос и поцеловал меня, пока я продолжала смеяться. А затем я ответила на его поцелуй, после чего нас обоих накрыла одна гигантская волна брызг.

Смех отразился от стенок лодки, пирса и воды и будто эхом отозвался у меня в ушах. Рядом с нами неожиданно вынырнул Фути и начал заливаться от смеха.

— Бомбочка? — спросил Вон, смеясь и оттаскивая меня за собой подальше от лодки на глубину, видимо, чтобы нас не атаковала еще одна «бомбочка».

— Ты знал, — ответил Фути, приближаясь к каноэ, через которое я перегнулась, и которое чудом оставалось на плаву.

Музыка на берегу становилась все громче, на пирсе были три девушки, которые взявшись за руки, крикнули “один, два... три!” Они еще не успели прокричать последнюю цифру, а их уже поглотила вода. Даже без всего этого гомона и брызг, смеха и музыки, я уже поняла, насколько уединенную жизнь я вела. Руки Вона по-прежнему обнимали меня, когда он отбил головой надувной мяч. Удар отозвался глухим звуком, а он показался ошеломленным, на что я не смогла сдержаться, дабы не разразиться смехом.

Мяч лениво плавал рядом с нами. Вон наотмашь ударил по нему, и, если бы это был обычный мяч, держу пари, он бы перелетел через пруд. Вместо этого он издал глухой звук и угодил в воду рядом с кучей парней, которые стояли подозрительно тихо.

— Вон. Думаю, тебе нужно пойти и надрать им задницы. Я пока поднимусь на пирс и попытаюсь обсохнуть и расслабиться.

Он опустил свой взгляд и поджал губы.

— Ты уже пытаешься от меня отделаться?

Я закашлялась.

— Нет. Я просто подумала, раз мы собирались мирно провести сегодня время, то тебе стоит пойти и преподать урок тем, кто нарушил наш покой. Понимаешь?

Он чмокнул меня в губы, заставив меня захихикать, и я никак не могла поверить, что всего за три дня он заставил меня и хихикать, и визжать, и кататься по земле от смеха. Я никогда не делала такого раньше. Никогда.

— О да, я тебя понял. Но сначала дай-ка мне убедиться, что ты доберешься до пирса, а затем я приступлю к реваншу. Но потом мы все-таки поплаваем вместе, договорились?

Заметка самой себе; он самый лучший парень, какого я когда-либо встречала, и я его не заслуживаю, но я не собираюсь ему признаться в том, что я так думала, потому что ему не следовало еще больше забивать себе голову. Его жизнь и так была весьма воодушевляющей.

— Ладно.

Я сделала уверенный гребок руками и доплыла до дальнего конца пирса, Вон плыл рядом со мной. Я пыталась не смотреть на него, но уголком глаз заметила, что он улыбался. Ох, он знал, что я не смогу удержаться, и потому наслаждался этим.

Мы оба уже доставали до дна и двигались к лестнице, у которой Вон остановился и стал ждать, пока я вылезу из воды, ну уж нет, я не была настолько глупой. Он и так уже получил много возможностей полюбоваться на мой зад.

— Сначала ты, — сказала я, кивая головой на лестницу.

Он усмехнулся и приподнял в изумлении бровь.

— Ты не доверяешь мне?

— Не тогда, когда моя задница прямо перед твоими глазами.

На этот раз он громко рассмеялся, и раскаты его смеха отразились от воды и пирса. Я уже говорила, как сильно я любила его смех? Всякий раз, когда я его слышала, а это было много раз, у меня в сердце начинали порхать бабочки. Возможно, это была не самая адекватная реакция; мое сердце не смогло бы биться от его одного смеха и любви, но оно того стоило.

— Умный ход, — ответил он, поднимаясь по лестнице и предоставляя мне возможность полюбоваться его восхитительным задом, пока я смахивала последние капли воды, падающие на меня.

Стоя надо мной, он наклонился и протянул мне руку помощи, его силуэт находился на фоне светло-голубого неба. Он был настолько

прекрасен, что мне не хотелось, чтобы тот день кончался.

Я сделала четыре гребка и с легкостью нащупала ногой первую перекладину. Что было нелегким, или даже невозможным, так это вытащить себя из воды, когда я ощутила весь свой вес тела. Я не упала и не споткнулась, однако застонала, поэтому Вон протянул мне свою руку и с легкостью поднял меня вверх, после чего я угодила прямо в объятия его рук. Его влажных и сильных рук.

Уткнувшись в его ключицу, я сделала вдох, и моя потребность слизывать с него воду отозвалась во мне болью, — болью, какую мне не следовало бы показывать на людях.

Прочистив свое горло, я отступила, тем самым усугубив свое положение. Вода стала стекать по его шее, груди и, о боже, наверное, у меня все внутри перевернулось. Когда я увидела, что вода начала стекать по его шортам, бабочки в моем животе будто обезумели. Да уж, я превратилась в похотливого подростка, внутри которого все бурлило от страсти.

— О чем ты подумала именно в этот момент? Только честно, — сказал он, и его вопрос эхом отозвался в моей голове. Наши взгляды встретились, и я заметила, что он будто потешался над происходящим, в его глазах пробежала искра.

Он точно знал, о чем я думала, поэтому мне не стоило отнекиваться; он накликал на меня беду и наслаждался тем, что я пребывала в замешательстве.

— Как думаешь, что будет, если я проведу пальцем по следам скатившихся капель воды?

— И? — переспросил он, делая небольшой шаг навстречу мне. Он и так был слишком близок ко мне, чтобы вести подобного типа разговоры. Мы пока не обсуждали круги близости. Я знала, что он меня хотел, и я хотела его, но совсем другое дело было назвать все своими именами.

— Думаю, что я превращаюсь в абсолютно неконтролирующего себя подростка, который не может перестать пялиться на сексуальное тело, все время думать о нем и желать прикоснуться в те моменты, когда не следовало бы.

Он протянул руку и тыльной стороной ладони погладил мои ребра, двигаясь все выше, пока практически не дотронулся до моей груди, — я вся дрожала.

— А еще, я девчонка, которая определенно не в состоянии контролировать свои реакции на такие прикосновения такого мальчика.

Вон сделал последний небольшой шаг, преодолевая то расстояние,

какое оставалось между нами всего каких-то несколько мгновений назад. Его мокрое и, должна заметить, крепкое тело находилось прямо напротив меня. Он казался таким спокойным, в то время как я дышала так, будто у меня было нерасправленное легкое.

— Блу, я не хочу, чтобы ты контролировала свои реакции на меня. Я не хочу, чтобы ты перестала думать обо мне, и уж точно я не хочу, чтобы ты прекратила на меня смотреть и желать дотронуться до меня. Думаю, наоборот, я бы предпочел, чтобы ты очень сильно желала меня касаться.

Божечки мои.

Он не останавливался, его губы выглядели таким притягательными.

— Вместо всего этого я бы предпочел, чтобы мы провели этот день вдвоем. Сейчас не самое подходящее время обсуждать это или делать то, чего я хочу.

Я прикусила губу, чтобы не дать моим мыслям вылиться в слова, потому как на тот момент мои мысли были смешными и пошлыми. Вместо этого я кивнула и уперлась лбом в его грудь, наблюдая, как по его коже скатываются еще несколько капель воды, стремящихся все ниже и ниже к его до невозможности идеальному бугорку. Мне пришлось закрыть глаза.

— Иди, — удалось прошептать мне.

Он поцеловал меня в макушку и прежде, чем я открыла глаза, я услышала, как он снова прыгнул в прохладную воду прочь от меня, прочь от соблазна и чужих глаз.

Какого дьявола, со мной было не так? Ах да, я знала, в чем дело. В своей жизни я настолько свела к минимуму любовь, что даже малейшее воздействие на меня, заставляет меня течь. В моей голове все поплыло, мой живот, да и все мое чертово тело напоминало лужу с водой, из которой торчали ноги, и все из-за Вона Кэмпбелла и его совершенства.

Он не поплыл к другим парням. Он направился к середине пруда, где лег на спину, позволяя солнцу озарить воду рядом с ним так, что волны мерцали как бриллианты, придавая его коже золотистый оттенок. Я так сильно его хотела, до боли. В растерянности я развернулась и пошла к грузовику, где я могла бы собраться с мыслями и вновь стать вменяемой.

Я вытерла свое тело и повесила влажное полотенце на боковину кузова машины. Глядя в сторону воды, я искала Эйприл или Картера, но никого не нашла. Я хотела спросить у нее, как мне можно сегодня сдержаться и не давать волю рукам, потому что знала, что она придумает для меня план действий буквально за секунды. У нее отлично это получалось, будто налету. Я просмотрела линию берега, столики для пикника и большую толпу, сооружающую костер, но нигде не заметила

никого похожего на Эйприл и Картера, поэтому я стала немного паниковать, — ведь я никого из них не видела с момента, когда перевернула лодку. В то же время я слышала, как она кричала, но, Бог мой, что если ее засосало под воду?

Я залезла на кузов грузовика в надежде увидеть чуть больше. Покрутившись по сторонам, я просканировала овраг в попытке найти ее там, и затем, к моему облегчению, увидела. Держась за руки, они вместе с Картером исчезли в лесу, — это заставило меня улыбнуться, хотя я вся дрожала. Эти двое решили пуститься в тайные отношения. Они держались особняком и никому не объявляли о своей связи, хотя... хм, думаю, я не имела права комментировать это, ведь сама была практически в подобном положении. Казалось, поворотным моментом для наших отношений стал день, когда Люк и Вон устроили вечеринку. Мне нужно было постараться найти хоть немного времени, чтобы по-девичьи поболтать с Эйприл. Я даже позволю ей поголосить тоном банши рядом со мной, если это будет считаться совместным времяпрепровождением, перед тем как в меня вольют первую дозу лекарств. Я не была уверена, что буду делать, если с ней что-либо случится. Она — моя скала, мой лучший друг. Она мой план Б... я не могу дышать.

Я не могла... но я дышала. Было больно, но я дышала и плюхнулась в кузов, стараясь вытянуться на его поверхности. Я знала, в чем дело, знала, потому что кучу раз помогала Бенни справляться с подобным. Хотя со мной паническая атака случилась впервые.

Я велела Бенни лечь на спину и вытянуться, думать о каждом вдохе. Вдох — через нос, выдох — через рот. Снова. Вдох — через нос, выдох — через рот. Не знаю, как долго я пролежала там, втягивая горячий летний воздух и окружив себя призрачными звуками музыки и гомона людей, но достаточно долго для того, чтобы Вон отправился на мои поиски.

Мне не было необходимости открывать глаза, чтобы понять, что это он забрался в кузов грузовика, и что это тень от его тела закрыла меня, — на мою кожу падали холодный капли воды. Я знала, что это Вон лежит рядом со мной, не говоря ни слова, держа мою руку в своей. Я поняла, что это он, потому что все мои недавние страхи тут же улетучились: шок от перспективы уснуть вечным сном от болезни, который, казалось бы, никогда в жизни не забудется, бездна страха, в которую я проваливалась, — все исчезло. Само собой. Все прошло.

Вон

Я не знал, что произошло с ней в ее жизни, но это до сих пор вызывало

сумятицу в ее сознании и сердце, а я ненавидел себя за то, что не могу ей помочь. Все, что я мог сделать, так это быть рядом, даже если для этого пришлось бы лечь на пол моего пикапа и держать ее за руку в ожидании, когда она заговорит со мной.

Я поглаживал своим большим пальцем ее кожу, которая была гладкой и нежной, как лепесток цветка. Глядя на нее через полуприкрытые веки, я видел, как она расслабилась, и буквально заставляю себя сделать так же. Она не хотела рассказывать о произошедшем, поэтому я решил пока все оставить как есть, лишь бы чувствовать и слышать, как восстанавливается ее дыхание. Неважно, что за демона она прячет от меня, мне было страшно как никогда раньше.

Она повернулась ко мне и открыла глаза. Ей пришлось поспешно прикрыть часть лица и глаза от светящего солнца.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— За что?

— За то, что взял меня с собой сегодня и позволил забыться. Не знаю, когда в последний раз я радовалась жизни и не думала, что происходит за пределами скорлупы, которой я себя окружила. Кларисса Пинкола Эстес писала: «Такое забывание не стирает воспоминания, а успокаивает окружающие память эмоции».

Я не совсем понял, что она пыталась мне сказать, поэтому ждал и надеялся. Я долго молчал, а потом она сделала глубокий вдох и перевернулась на бок, теперь все ее тело было повернуто ко мне, я тоже развернулся ей навстречу.

— Вон, нам нужно поговорить. Сегодня вечером. Мне нужно рассказать тебе то, что, возможно, изменит твоё отношение ко мне.

Мое сердце бешено забилося. Вот уже два дня, как мне очень хотелось с ней все обсудить, и вот, наконец, она была готова. Но теперь мне было... страшно. Мне не хотелось, чтобы мои чувства к ней изменились, и, честно говоря, я не был уверен в том, что там будет что-то, что повлияло бы на меня так сильно.

Мама всегда говорила, что я пойму, когда встречу ту самую. Я сразу пойму это и не позволю ничему встать на пути между нами. Голос мамы в моей голове заставил меня улыбнуться и начать по ней скучать. Ей бы понравилась Харпер. Они бы полюбили друг друга. Более того, они бы даже ополчились против меня, и обе смотрели бы мыльные оперы, где снимался тот парень, о котором мама постоянно говорила, Джордж, или как-то так. А потом мы бы все разразились смехом, потягивая горячий шоколад по рецепту моей мамы с ее горячим пирогом, и строили планы на

будущее.

Однако этого никогда не случится. В моем будущем не было места той мечтательной фантазии, и мне нельзя было об этом забывать. Мне нужно было оставаться в реальности, планировать будущее, и эти оба понятия были связаны с Харпер.

— Блу, — я потянулся к ней, убирая влажные волосы с ее шеи, чтобы они не мешали. — Я отведу тебя в одно место, которое для меня много значит, и мы поговорим там. Это место, которое я хочу тебе показать.

Мои пальцы соскользнули с ее шеи и опустились по мягкой коже вниз до ее груди.

Мне хотелось, чтобы мои руки опустились еще ниже, но я бы так не поступил. Она заслуживала большего, чем просто ласку. Она заслуживала весь мир. Мир, в котором она была бы подростком, а не родителем. Мир, где у нее была бы мать, которая помнит о ней, и отец, который по возвращении домой вышвырнул бы меня из ее комнаты, как полагается. Мне хотелось бы с ней танцевать и разделять свою любовь с теми утонченными вещами, которые и делали ее собой, девушкой, укравшей мое сердце.

Я хотел, чтобы у нее были все эти простые вещи, потому что, когда я смотрел в ее глаза прямо сейчас, я видел призрака. Эта девушка лежала прямо передо мной и все же отстранялась от меня, чего я никак не мог понять. Я надеялся, что когда я покажу свое любимое место и разделю с ней то, что я люблю, она с легкостью раскроется для меня, и я увижу всю ее красоту, какую она могла бы мне предложить.

Она улыбнулась, и я подумал, что вряд ли она могла бы быть еще более красивой, чем тогда. В тот момент ее волосы ниспадали беспорядочными прядями, выбившимися из собранного хвоста, на коже блестели солнечные блики, а ее взгляд говорил о том, что я был ее парнем. Конечно, она бы не призналась, но я знал это и это все, что по-настоящему имело значение.

— Это свидание.

На самом деле у меня перехватило дыхание:

— Свидание?

Она засмеялась, и ее глаза заискрились.

— Ага. Всего одно свидание. Не думай, что ты получил зеленый свет, чтобы превращаться в дикаря и заявлять свои права на меня.

Я не знал, поняла ли она или нет, но я заявил о себе, и теперь все узнают об этом еще до окончания завтрашних школьных уроков. Она согласилась стать моей девушкой, и не важно, могла она поговорить со

мной сегодня, или нет, все парни в школе, да и во всей Олбани, узнали бы, что она занята.

— Но я думал, что друзья не встречаются, а уж тем более, лучшие друзья?

— Я думала, что теперь мы стали парнем и девушкой. Или ты передумал?

— Ты знаешь, чем меня добить, — ответил я. Она знала, что так и было.

— Парни, девушки — какая разница. Ты все равно останешься моими лучшим другом, — пояснила она. — Для тебя я сделаю небольшое исключение. Подобно тому, как друзья делают исключения, когда не могут найти себе спутника на свадьбу или выпускной.

— Как если бы мы оба были не женаты, когда... скажем, нам не исполнилось бы по тридцать, — тогда мы могли бы пожениться ради спасения своей репутации.

Ее смех заполнил теплом пустоту внутри меня, теплом, какое я никогда раньше не испытывал. Мне сильно захотелось ее поцеловать, но я слишком боялся нарушить то, что между нами было на тот момент.

— Во-первых, в тридцать рано отчаиваться найти своего человека. Давай скажем, сорок. К тому же у нас еще останется время, чтобы пожить вместе на полную катушку. Во-вторых, я соглашусь заключить эту свадебную сделку, если ты согласишься быть моим спутником на подхвате на семейных свадьбах и всяких мероприятиях в старших классах независимо от твоего статуса.

Как же она была далека от истины! Да я бы пошел с ней куда угодно и когда угодно, если бы только она мне разрешила.

— Во-первых, — она захихикала в ответ на мое возражение, и я продолжил, — сорок — это дольше, чем я хотел бы ждать, ну да ладно. Во-вторых, поскольку теперь мы помолвлены, думаю, будет только правильным, если отныне и впредь я буду всюду тебя сопровождать, при этом имея статус.

Она прыснула от смеха, толкая меня в плечо, но при этом у нее получилось лишь завалиться сверху на меня, заставив меня рассмеяться. Я ничего не мог с собой поделать, возможность сгрести в охапку ее маленькое тело и бросить ее под себя была слишком заманчивой, чтобы упускать такое. Это было проще простого, и не сделай я того, то стал бы себя ругать, зная, какая от нее последует реакция, но будь я проклят, если когда-нибудь об этом пожалею.

Она была легкой, легче, чем я предполагал, а я научился никогда не

обсуждать тему веса с женским полом. Благодаря моей маме, мне ни разу не доводилось попадать впросак от эмоциональной реакции. Ее тело уже было тронуте загаром от солнца и горячим, а длинные волосы были разбросаны по моим рукам и груди. Я не мог отделаться от мысли, представляя нас обнаженными, и как ее локоны касаются моей кожи. Я понимал, что мне не следовало представлять нечто подобное, когда она была так рядом со мной. Я почувствовал, что мое тело реагировало на мои фантазии, а мне не хотелось ее пугать.

Клоуны. Пугающие клоуны. Ух, все клоуны вызывают страх.

Она перестала смеяться и стала покусывать губу. Бог мой, она понимает, что у меня проблемы? Я потянулся к ее лицу, дотронувшись большим пальцем ее губ, чтобы она перестала. Но это оказалось глупым движением, потому что она поцеловала палец, отчего у меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и никакие клоуны уже бы не помогли.

Змеи. Тушка животного, сбитого на дороге. Голый мистер Дональдсон в пилотной серии АГ сгребает сено. Меня передернуло, но я почувствовал себя в безопасности, раз у меня получилось их представить. Это было чертовски неуместно, но я знал, это поможет. Должно помочь.

Ее лицо было так близко с моим, ее веки затрепетали. Я имел в виду, что они трепетали, как порхающие бабочки, взлетающие с места. Насколько же человек может быть таким невинным и одновременно соблазнительным, используя только трепет век?

Она хотела, чтобы я ее поцеловал и, черт возьми, я хотел того же. Чертовски сильно хотел того же.

Мистер Дональдсон, спаси меня!

— Тпру, — произнёс Люк, стоя позади грузовика. Теперь мне уже не был нужен Мистер Дональдсон в прикиде "в чем мать родила". Голос Люка для нас обоих был как ушат ледяной воды.

Блу едва не подпрыгнула на месте, кинувшись за борт грузовика со скрещёнными ногами. Она прикрыла глаза рукой, когда я бросился вслед за ней, преодолевая внезапно возникшую дистанцию между нами.

— Прости, брат. Я не знал, что вы были тут вдвоём... Я не...

— Все в порядке, Люк. Мы всего лишь разговаривали.

Она просунула ладони между своими коленями, и я потянулся к ней в надежде, что она возьмёт меня за руку. Так и произошло, после чего она посмотрела на меня с натянутой улыбкой.

— Мы всего-навсего поспорили кое о чем и дали друг другу обещание, — сказал я.

У неё заблестели глаза, что заставило меня улыбнуться и сжать ее

ладонь.

— Надо же? — в раздумьях переспросил Люк, помогая своей новой девушке, которая споткнулась на ровном месте. Надеюсь, она не была уже пьяной.

Я знал, что он очень любопытный, и мне не следовало все афишировать перед ним, потому что, думаю, он первый хотел встречаться с Блу, но мне нужно было дать понять ему, что она другая, и что я сейчас изменился и хотел, чтобы она была одной из немногих твердых опор в моей жизни.

Я усмехнулся, глядя на то, как Блу замотала своей головой, и оглянулся на моего сводного брата. Он обнимал свою девушку, которой, скорее всего, нужна была вода, чтобы протрезветь, и, несомненно, бикини побольше. Я клянусь, что не пиялся на нее, но ее грудь чуть ли не выпрыгивала из топа, и мне кажется, что она сама добивалась именно такого эффекта. Это было отвратительно. Поэтому я попытался не смотреть на нее, ровно как и забыть ее имя, зная, что она могла достаточно долго не присутствовать здесь, чтобы начать о чем-то заботиться, и я обратился к Люку.

— Блу... Харпер и я... обручены.

Я не смог удержаться от смеха, когда Блу свалилась на кузов грузовика, вздыхая и тряся своей головой, пока Люк начал свою эмоциональную тираду, смешанную с кучей ругательств, по поводу того, что мы слишком юны. Блу приподнялась и прыгнула, стоя недалеко от Люка и подняв руки в знак поражения, пока я сидел и наслаждался шоу.

По-детски глупо, да, знаю, но об этом стоило сказать вслух, чтобы убедиться, что Люку действительно было до меня дело. Он был тем еще кидалой.

Мы были друзьями во время школы, но когда мой отец и его мать стали встречаться, и потом мама заболела, то, мне кажется, я направил свою обиду не на того человека. Люк всегда справлялся с этим и забывал об этом, будто ничего страшного не происходило. Он лучше, чем я, поэтому я должен дать ему поблажку.

— Успокойся, Люк, — успокаивающе произнесла Блу. — Вон прикалывается над тобой.

Он остановился, будто врезался в невидимую кирпичную стену и начал смотреть то на меня, то на Блу, пытаясь понять, говорит ли она правду.

— Вы не помолвлены?

Блу вздохнула снова и посмотрела на меня. Я улыбнулся, и она

закатила глаза. Было очевидно, что мой ответ шел вразрез с ее желаниями.

— Технически, я полагаю, что ты мог бы сказать, что мы договорились о помолвке, но, по существу, мы не помолвлены, — сказала она, размахивая руками. Она нервничала, и я продолжал посмеиваться.

Я не мог удержаться.

— Ты можешь выворачивать это как тебе угодно, Блу. Ты пообещала выйти замуж за меня, и в этой части соглашения имеется в виду, что ты помолвлена со мной. По-молв-ле-на, — я подначивал ее, пока вставал, обнимая ее за талию, пока не добрался до бедер.

— Давай, просто скажи это. Тебе станет лучше.

Блу заерзала, ее щеки вспыхнули, и она выглядела такой здоровой и счастливой. Ее руки потянулись к бедрам, одна ладонь почти коснулась моей, и она взглянула на меня, пытаясь показать свое недовольство, что только заставило меня смеяться сильнее, потому что она выглядела чертовски мило. Особенно в своем бикини.

— Как мне искать хорошего парня, если ты так открыто объявляешь, что я недоступна и помолвлена с тобой?

Я притянул ее к себе ближе, и она начала хватать ртом воздух, из-за чего я захотел поцеловать ее раскрытые губы.

— Кто сказал, что я собираюсь помогать тебе искать другого парня? Кто сказал, что я не хороший парень и тебе нужно искать дальше?

Мы так и остались стоять там. Ни один из нас ни на миг не сводил глаз друг с друга. Я не знал, была ли это игра в гляделки или что-то еще, но я был счастлив в нее проиграть, когда опустил свой взгляд на эти губы и нагнулся, чтобы снова попробовать их на вкус. Так и было, пока Люк не открыл свой поганный рот.

— Ребята, вы оба невероятные сумасброды. Пошли, Бонни. Давай оставим их, пока меня не стошнило или я не протрезвел.

Я толкнул его, когда тот проходил мимо, унося за собой аромат предшествующего дня. Он оскалится и подмигнул мне, но я и так был уверен, что между нами все в порядке.

По крайней мере, это часть того, что мы должны были делать ради наших братских отношений. Мы стремились к миру. Вы бы были поражены тому, как сильно хочется мира, когда его так мало вокруг.

Люк и его аромат взяли напитки из холодильника и направились назад к огню, а я притянул к себе Блу, чтобы она присела как можно ближе ко мне, в надежде, чтобы она больше не закрылась в себе. Мне казалось, что каждый раз, когда мы сближались, что-то обязательно происходило и нам приходилось отступить на несколько шагов назад.

— Хочешь пойти еще поплавать? — спросил я.

Она посмотрела на воду, в которой мелькали наши друзья, плавательные средства и... надувная девушка. Блу засмеялась, когда она заметила эту куклу, как и я, и я почувствовал, что ее тело расслабилось.

— Я думаю, мы могли бы стащить большой плавательный матрас и лечь на него вместе, — сказала она с ухмылкой, и мне определенно нравились ее мысли.

Я прыгнул, взял ее руку и притянул ее к себе. Я поцеловал ее так крепко, что наши губы стали единым целым. Если бы я не поцеловал ее сейчас, то, возможно, у меня бы не было другой такой возможности, пока вокруг плавают одни психи и шпана.

Если бы нам не нужен был воздух, чтобы дышать, то, мне кажется, мы бы никогда не прекратили целоваться. Она будто самый лучший наркотик, мне достаточно было вдохнуть ее запах или взглянуть на нее, и я уже готов брать все, что она могла бы предложить, и даже больше. Это опасное чувство, и я вполне это осознавал. Но как я мог остановиться? Как мне убедить свои эмоции и физические реакции держаться подальше от нее, когда все вокруг твердило мне вцепиться в нее покрепче, потому что она не будет принадлежать мне всегда.

Это чувство было самым страшным из всех. Не любовь, не отчаяние или преданность и зависимость. Это был страх. Страх потерять ее. Я не знал, был ли я напуган потому, что не мог предложить ничего взамен такому талантливому человеку со светлым будущим, или я был напуган из-за того, что она так остерегается наших отношений. К тому же, была вероятность, что я мог потерять ее, если завтра утром в школу придет какой-нибудь парень. Прямо сейчас страх — мой враг, и я хотел так крепко вцепиться в нее, что это пугало меня до чертиков. Наши лбы касались друг друга, мои глаза были закрыты, и я вдыхал ее запах и сдерживал наплыв эмоций. Я даже не дал ей достаточно времени, чтобы осознать, что я собирался делать, когда я переместился, схватил ее за талию и забросил к себе на плечо.

Ее визг от удивления перерос в хохот, от которого сотрясилось все ее тело. Несмотря на ее мольбы остановиться, я дотащил ее до пирса и встал у края, трогая пальцами ног кромку воды.

Фути подначивал меня бросить ее в воду, вокруг все смеялись. Пришлось похлопать ее по попе, когда она стала пинаться и кричать вперемешку с хохотом. Я любил то, как она смеялась, и люблю ее задницу.

— Мы обручены? — мой вопрос заставил ее слегка успокоиться, но не полностью.

— А ты поставишь меня на место?

— Зависит от твоего ответа.

— Если я скажу «да», ты поставишь меня? — она все еще продолжала посмеиваться, но, слава богу, хотя бы прекратила меня пинать. Хотя она и была миниатюрной, но балансировать с ней на краю причала было непросто.

— Да.

— Тогда, чисто теоретически, то да, думаю мы обручены.

Я усмехнулся. Она все же получила свой маленький шанс, и я мог отпустить ее. Наверное, я должен был. Тем не менее, в последнее время я давал ей достаточно поблажек и этот раз не считался. Я стащил ее с моего плеча и сбросил с края в воду. Она кричала, пока вода не заглушила ее голос и не обрушила на меня каскад брызг. Я ждал, пока она всплывет, и, несмотря на ее кашель, я знал, что она в порядке. Я отошел на несколько шагов назад, прежде чем прыгнуть с пирса и сделать идеальное сальто в воздухе, эффектно ныряя в воду.

Когда я вынырнул, мне в лицо хлынули брызги воды, и я без сомнения знал, что они исходили от хохотавшей Блу.

Я не мог сделать вдох полной грудью из-за того, что я сильно смеялся и пытался дышать через рот, в который попадала вода. Поэтому я сделал то, что, на мой взгляд, было возможным, — я нырнул под воду, где услышал ее приглушенный смех, и увидел, как она отчаянно брыкалась ногами. Она пыталась уплыть от меня, но не была достаточно быстрой. Плывая под водой и имея достаточный запас кислорода, я добрался до нее и, когда появился из воды, ее визжащее лицо оказалось прямо напротив моего.

Что я не понимал, так это то, как ее ноги под водой сменили направление, и ударили очень важную для меня область тела.

Когда Джаррод Диксон получил удар в пах, его даже пришлось госпитализировать на неотложке, и сейчас, когда мои легкие сжались от боли, я понял, что вся боль, существовавшая в мире, никогда не сравнится с той болью, что сейчас испытывал я.

— Прости, прости, прости. Я не хотела, — прокричала мне в ухо Блу.

У меня не получилось разобрать ее слова, и поскольку я очень сильно любил эту девушку, то не смог ее утешить. Все мои мысли крутились вокруг того, что мои маленькие друзья сильно пострадали, и что возможность иметь детей в будущем испарилась вместе с моим разумом.

Мне нужно было доплыть до берега или пирса, так как я по-настоящему не знал, как долго смогу оставаться на плаву. Боль была такой сильной, что я подумал, что меня стошнит.

— Вон? Ты в порядке? Мне так жаль.

Я кивнул, потому что все, что вырывалось из моего рта, были рычащие шумы и тяжелое дыхание. Если бы только я мог взять под контроль свое дыхание, то, возможно, я мог бы сказать ей, чтобы она не переживала. Это было случайностью, и она никак не могла мне помочь. Это просто одна из тех вещей, которые случаются. Одна из тех вещей, которая будет преследовать меня до конца моих дней.

Прежде чем я понял, что происходит, рядом со мной оказался надувной матрас, и Блу пыталась обвить мою грудь, чтобы удержать меня на плаву. Я лежал на спине практически в позе эмбриона, свернувшись клубочком и скрежеща зубами. Она изо всех сил старалась удержать и меня и матрас, тихо поскуливая. Все ее действия свелись к тому, что она стала меня царапать, тем самым еще больше выходя из себя.

Если бы я не пытался сдержать себя, чтобы не выкрикивать мольбы к богу о прощении до того, как меня поглотит чернота, то, наверное, я бы смеялся над своей чертовой задницей. Но на тот момент все, чего я хотел, так это чтобы прошла моя боль, а Блу перестала себя мучить.

Я почувствовал, как стукнулся головой о пирс, а потом Люк стал вытаскивать меня из воды. Было больно, но эту боль уже и близко нельзя было сравнить с жжением там, внизу; а затем все превратилось в череду из неясных движений, чьего-то смеха, блаженного льда, сосредоточенного лица Блу. Мне было очень не по себе, но я справлюсь с этим, если Блу улыбнется мне снова. Наверное, я пребывал в легком бреде, потому что, когда Люк помог мне залезть в грузовик, я подумал, что готов пережить всю эту боль еще раз, — лишь бы она просто улыбнулась, хоть немного. Когда я оказался в грузовике, моя голова лежала у нее на коленях, и она перебирала своими пальцами мои волосы. Мы еще не успели тронуться, как я уже понял, что все это стоило той боли.

По крайней мере, теперь какое-то время она пробудет со мной. Абсолютно не таким я представлял завершение того дня. Я думал, что под мешком со льдом мои орешки превратились в горошины, но боль почти улетучилась. Все, чего я хотел, — это быть с ней наедине и смотреть на нее, не отрывая от нее глаз ни на миг.

Знаю, знаю, мне следовало ожидать, что на нее будут засматриваться парни, но уж точно, для этого мне не надо было настолько страдать. Пару раз нас подбросило на ухабистой территории, — она хмурилась, когда сосредоточенно разворачивала машину обратно на дорогу. Я не мог перестать смотреть на нее, но все же старался не обращать внимания на ее грудь, пока она вела машину. Я не знал, как больно мне будет, если мой

член стал бы реагировать под ее взглядом.

— Ты в порядке? — прикусив губу, спросила она и высунула голову в окно передней дверцы, а затем снова перевела взгляд на меня. — Я везу тебя в больницу.

У меня вырвался смешок, и я попытался привстать. Она ударила по тормозам, от чего наш грузовик развернуло на обочину. Прежде чем меня сбросило с сидения, я почувствовал чертовски резкий рывок.

— Черт-черт-черт. Мне так жаль. О, боже мой, — выкрикивала Блу, хватая меня за плечо, которое сотрясалось от смеха. Ага, я смеялся, потому что девушка моей мечты пыталась меня убить.

— Поставь на «паркинг», — сумел сказать я, сдерживая смех. Она так и сделала, но когда я пытался сесть рядом с ней, то заметил у нее слезы, и от этого почувствовал себя полным кретином.

— Блу, — сделав вдох, сказал я, обнимая ее и притягивая к себе, дабы заглушить эти тихие всхлипывания. — Не плачь. Все в порядке. Я в порядке. Я не хотел довести тебя до слез.

Вдруг она приподнялась и посмотрела на меня своими замутненными и заплаканными глазами, от взгляда которых у меня разбивается сердце.

— Я твой самый худший враг. Сначала я ударила тебя в бубенцы, а потом, я, черт возьми, чуть тебя не убила лишь потому, что совсем не думала. Посмотри на себя, ты набил себе шишку. А что если у тебя сотрясение?

Я усмехнулся и прикусил губы, так что на моем лице всплыла тупая улыбка, и тут я нащупал шишку. Да уж, вот теперь я ее чувствовал, но и не в таких передрыгах я оказывался и ничего, живой же.

— Я шутил про то, что ты пыталась меня убить, и у меня нет никакого сотрясения.

— Есть у тебя сотрясение или нет, ты бы все равно не понял этого.

— Блу, детка, у меня нет никакого сотрясения.

Прежде чем она начала спорить и все такое, к нам подъехал Трэвис на своем внедорожнике и спросил:

— Что стряслось?

— Я ехала за тобой, когда он меня напугал, у меня дернулась машина, и он упал с сидения и ударился головой. И теперь нам надо поехать в больницу, чтобы проверить, нет ли у него сотрясения, — выпалила Блу, еще больше разгорячившись.

Трэвис посмотрел на меня, его зрачки расширились, в ответ на что я замотал головой.

— У меня нет сотрясения, и мы не едем в больницу, — сказал я.

Трэвис перевел взгляд на Блу, а потом снова на меня и пожал плечами.

— Как хочешь, дружище. В любом случае, кажется, что больше я тебе не нужен, поэтому я поеду обратно, пока они не слопали всю мою рыбу и выпили мое пиво.

— Езжай, брат. До завтра.

Я слукавил, поскольку я больше хотел провести день в школе вместе с Блу. Но сперва надо было ее успокоить.

— До встречи, ага.

Он кивнул в ответ и подмигнул Блу.

— До завтра.

Затем он завел двигатель и уехал, оставив пятна грязи и травы на моем грузовике.

Блу с беспокойством смотрела на меня своими большими голубыми глазами, но я просто улыбнулся в ответ и поцеловал ее в щеку.

— Со мной все в порядке. Честное слово.

— Мне бы хотелось, чтобы ты передумал.

— Мне бы хотелось многих вещей, и одна из них, чтобы у нас с тобой было немного времени побыть вдвоем. Я уже говорил, что хочу показать тебе одно место, которое дорого моему сердцу. Давай сейчас туда и поедem. Что ты на это скажешь?

Она промолчала, но было очевидно, что моя идея ей нравится больше, чем поездка в больницу, по крайней мере, я на это надеялся.

— Хорошо, только без волнений.

— Не могу перестать волноваться, но если меня накроет... то только из-за тебя.

Да уж, прозвучало слащаво. Я понял это, но мне было все равно. Оно стоило того, чтобы увидеть ее лицо.

— Заткнись. Еще раз выразишься подобным образом, и я повезу тебя в больницу, прежде чем ты успеешь сказать «на самом деле я ботан».

— Я не ботан, — возразил я, когда она склонила голову и улыбнулась.

— Мне нравятся фантастические фильмы и сериалы, но не больше, чем любому человеку.

— Если бы сегодня мы спросили первого встречного, смотрел ли он «Звездный крейсер "Галактика"», каким был бы его ответ?

— О, да брось ты. Этот сериал не самый известный из всех.

— Не важно.

— Нет. Это важно.

Она засмеялась как, собственно, и я, только я это делал, понимая, какое же мне доставляло удовольствие от того, что я вынудил ее ввязаться в

спор. Я весьма сильно стал на нее напирать, и ее визг пронесся по кабине. Я любил то, как она визжала, почти так же, как и то, как она смеялась. Полюблю ли я и ее стон так же сильно?

Я даже не сомневался в этом. Ни на йоту.

* * *

Для начала нам придется заехать к отцу. Я оставил у него второй комплект ключей, которые мне понадобятся, чтобы попасть в свою комнатку в теплице.

Когда мы выехали на проезжую часть, на меня начала наваливаться тяжесть, а глаза Блу потемнели. Мы оба явно ненавидели это место и хотели убраться отсюда как можно скорее, прежде чем день был бы полностью испорчен фактом моего дерьмового существования, коей была моя жизнь. Кажется, в ней Харпер Кеннеди была единственным лучом солнца, и я хотел, чтобы она осталась в моей жизни навсегда. Да, наверное, это было эгоистично с моей стороны, но я нутром чуял, что она тоже нуждалась во мне. Возможно, даже больше, чем она хотела признаться, но я до смерти боялся, что это будет больше того, с чем я мог бы справиться. Все же я буду стараться быть рядом с ней, несмотря ни на что, и не сдамся, потому что люблю ее. Мда, чертова любовь.

Эта девушка могла ударить меня по яйцам, на моей же машине поставить мне шишку на голове, а все еще продолжал чертовски сильно ее любить. И после всего этого, может быть, даже еще больше.

— Ты в норме? — ее голос звучал так тихо, что мне было тяжело ее слышать. — Может, нам не следует заходить внутрь. Может, мы могли бы поехать куда-нибудь в другое место, а в твое отправиться в другой раз.

Предлагая альтернативы, в ее голосе звучала почти что надежда. Но мне хотелось показать ей его прежде, чем она откроет мне свой секрет. Я хотел, чтобы она узнала меня и мои чувства прежде, чем мы поедем туда и пройдем точку невозврата.

Она положила свою руку мне на плечо, и я клянусь, я выдохнул, как влюбленный идиот. Мне хотелось потереться своей щекой об ее ладонь, как лабящийся кот, а еще чтобы она снова улыбнулась, потому что больше всего мне не хватало ее улыбки. Поэтому вместо того, чтобы думать о надвигающихся на нас неприятностях, нашем страхе перед резкими мнениями моего отца или слабой тянущей боли в моем паху, я с улыбкой повернулся к ней, взял ее руку с моего плеча и поцеловал ее. Она улыбнулась, после чего я понял, что еще ничто не потеряно.

— Будь здесь, я вернусь через секунду, а потом мы свалим отсюда.

Она поспешно закивала, — я знал, как ей было не по себе. Поэтому я выскочил из машины и бросился внутрь дома, надеясь не наткнуться на своего отца. Я схватил свои ключи и подбежал к водительской двери грузовика. Я сдвинул ее в сторону и снова сел за руль. Ее вождение до чертиков меня пугало.

Она еще не успела пристегнуть ремень безопасности, но я уже перехватил его с ее талии и через сидение придвинул ее снова ближе к себе. Ее тихий писк и последовавшее за ним хихиканье почти вынудили меня оттолкнуть ее на сидение и наброситься на нее. Но я сдержался, дабы спасти ее от себя.

Мы направились в теплицу моей мамы... мою теплицу. Я хотел показать ей то место, о котором всегда мечтаю, и которое принадлежало моей маме. Я хотел познакомить ее с двумя людьми. Людьми, которых я нежно любил, как своих дедушку и бабушку. Мне хотелось, чтобы они понравились ей, а она понравилась им. Нет, я хотел, чтобы они ее полюбили.

Мне так хотелось, чтобы мама была там.

В тишине мы подъехали к заднему входу, наши руки были сплетены вместе, — и я был более чем рад тому, что грузовик был с автоматической коробкой. Но поездка была недолгой. Я уже заметил Эда, который на тракторе косил траву на поле. Вероятно, он пытался успеть с покосом до того, как начнется ураган, который, судя по виду темнеющего неба, не будет сильно продолжительным. Он помахал, и я, посмеиваясь, ответил ему тем же, сожалея, что он не взял выходной для себя и Винни.

Мы выбрались из машины, и теперь я мог почувствовать, что расслабился. Это был мой дом.

— Кто это? — спросила Блу, стоя позади грузовика. Я подошел к ней, снова взял ее за руку и она улыбнулась. Я не был уверен, держал ли я чью-либо еще руку так же продолжительно, как ее. Разве что, руки моей мамы, но это было не в счет.

— Это самый трудолюбивый человек, которого я когда-либо видел, а еще самый любящий. Его зовут Эд Харви. Он и его жена Винни что-то типа опекунов здесь и... моя семья.

Она нахмурила брови, что вызвало мою улыбку, потому что она была милашкой, когда смущалась.

— Семья — это не всегда родство по крови, — произнес я, будто отвечая на ее немой вопрос. Казалось, она поняла это и улыбнулась, а затем посмотрела на поле и на то, как один старик проводил очередной день, преданный мечте, пусть и не своей.

У Эда и Винни была история. Ведь у каждого так случается? Я мог сказать, что Блу была заинтригована, но ведь это была не моя история, поэтому я не стал ее рассказывать, а чмокнул ее в щеку, притянул к себе и обнял ее за талию, стараясь изо всех сил не пялиться на ее грудь. Дурацкое бикини, похоже, стало бы смертью для меня, и уж точно для моих покалеченных яиц.

Думаю, она почувствовала мой взгляд, поскольку она смущенно опустила глаза, заметив как загорела ее грудь. Она провела слишком много времени на солнце, но не настолько, чтобы превратиться в переспевший помидор. Будто поцелованная солнцем, и аппетитная. Я заметил, что она смущается все сильнее и сильнее, и хоть мне и хотелось продолжать смотреть на ее грудь, я помог ей. Я залез в грузовик и нашел ее мокрые шорты, получив которые она с радостью натянула на свои длинные ноги, а затем я протянул ей рубашку.

— А у тебя нет запасной футболки?

Из багажника я вытащил свою белую запасную футболку и куртку, и протянул обе вещи ей на выбор.

Она выбрала футболку, но смотрела на куртку и я, понимая, что последует дальше, поспешил запихнуть куртку обратно в багажник.

— А ты не упоминал, что играешь в школьной футбольной команде, — она продолжала смотреть на закрытый багажник, а затем снова перевела взгляд на меня.

— Угу, но это не важно. Я играл, а потом это перестало быть для меня важным.

Она явно хотела поспрашивать меня еще, но из-за того, в каком настроении я пребывал, я просто сказал бы ей одно маленькое слово, которое остановило бы допрос, и неважно, сколько таких словечек у меня еще останется в запасе. Наш счет стал бы два-два.

— Не хочешь показать мне окрестности? — вместо этого предложила она. Бог мой, я любил ее.

Мы направились к боковому входу, возле которого, накрытая зеленой сеткой, находилась теплица с цветочными горшками и рассадой. От разбрызгивателей воздух внутри был влажным. На вид растения хорошо выглядели с учетом жары и засухи. Это была верхняя часть территории, примыкавшей к саду, на который внимательно смотрела Блу, хоть и я знал, что на тот момент она просто переваривала услышанное. В этой небольшой теплице находилась коллекция бонсай с продуманной системой полива, пруд и статуи в восточном стиле, которые мама сделала своими руками. Ей потребовались месяцы, чтобы довести их до желаемой степени

совершенства. Все началось с пустяка, который занял угол комнаты, и который потом все рос и рос, пока она не вынесла все на улицу, — пришлось оборудовать теплицу под ее личное пристанище.

С тех пор все выросло; стало больше горшков с бонсай, добавились другие восточные растения. Нам удавалось поддерживать оранжерею в порядке, хотя климат Олбани был не совсем подходящим, но бонсай ни в чем не нуждались. Все это мы делали для нее.

В пруду теперь плавали карпы, а деревья вокруг теплицы становились все выше и выше. Это был будто оазис среди фермерской земли, с сердцем в виде оранжереи. С улицы было бы невозможно подумать, что там есть нечто подобное. Это было одно из маминых желаний. Ее вторую мечту я до сих пор стараюсь реализовать.

Блу не остановилась ни перед орхидеями, ни перед другими прелестными цветущими растениями, которые обычно любят большинство девушек. Ее манило к изысканной расстановке из карликовых деревьев, и тогда я сразу понял, что она была единственным человеком, кто поможет мне поддерживать эту мечту живой. Блу поможет в том, чтобы оранжерея продолжала процветать, а я буду рядом с ней.

Было волнительно так поспешно представлять подобное, — наше будущее. Нормальные парни моего возраста все еще думали о футболе, оценках и девушках. Но я знал, что не был нормальным подростком. И это знание пришло ко мне, когда умирала моя мама. Я понимал, что уже никогда не стану нормальным, да и меня это устраивало.

— Пойдем, я покажу тебе свою комнату, — предложил я.

Блу растерянно развернулась на месте.

— Комната в доме отца, на самом деле, не моя. Там я ночую чаще всего, но поскольку я работаю здесь каждый день после школы и практически каждые выходные, то здесь я тоже сплю.

— Почему никого нет? Разве бизнес идет неважно?

Хихикая, я обнял ее, и мы направились от здания к главному амбару.

— Сегодня воскресенье. Это можно было бы назвать фермерским сообществом, но нас объединяют семейные узы. Большинство фермеров могут забрать свои запасы отсюда в любой день, и хотя сельское хозяйство — это работа двадцать четыре часа в день и семь дней в неделю, все же семья превыше всего.

Она склонила голову мне на грудь, от чего я испытал доселе неведомые мне чувства. Никогда раньше я не испытывал подобного. Блу творила со мной нечто, что давало мне надежду.

На чердак амбара вела лестница, и хотя я делал вид, будто боюсь ее,

когда предложил ей идти первой, на самом деле я наблюдал, как ее крошечная обтянутая джинсами попка двигалась прямо надо мной. При этом я ее не разводил, ведь она была слишком сообразительной для подобного, но это все равно было забавно.

Блу очень осторожно заходила в мою комнату, и я мог видеть каждую ее реакцию. Она провела пальцем по рамке с фотографией моей мамы и безумно заулыбалась, увидев меня маленьким.

— На самом деле, многие вещи мамины. Мне не хватает смелости от них избавиться, а отец против накопления хлама, — сказал я. Ее взгляд был направлен через мое плечо, когда она взяла еще одну фотографию меня и моего первого мотоцикла. Затем она провела пальцем по полке, которую смастерил Эд, чтобы я мог расставить все эти фотографии и прочее дерьмо.

Ее молчание заставляло меня нервничать, поэтому я продолжил:

— Однажды Картер и Эд подготовили для меня эту комнату, когда я был на уроках. Вскоре после смерти мамы мне пришлось продать дом. Думаю, тогда я был близок к тому, чтобы выгореть изнутри, но затем настал тот самый день. Они спасли меня.

Я не понимал, почему стал ей рассказывать всю эту чушь, но ничего не мог с собой поделать. Она стала покусывать губы, держа в руках фото мамы и меня, когда она еще не была сильно измучена болезнью, но уже утратила свое лучезарное сияние. Снимок был сделан в садах на территории больницы, в которых она больше всего любила бывать.

— Почему тогда ты остаешься в доме отца, раз у тебя есть такое место? Ты ведь говорил, что не стал бы с ним жить, будь у тебя выбор.

Я опустил глаза и кивнул. Да уж, я очень понимал, о чем она.

— Я солгал. Все сложно.

Я подошел к ней и забрал у нее фотографию. В любом случае, этот снимок был у меня не самым любимым, но стал последним для нее.

— Я не могу с ним так поступить тоже, — произнес я, ставя рамку на старый комод. — Он — все, что у меня осталось, и думаю, что если брошу его, то стану самым одиноким человеком в мире. Мне не хочется отказаться от мысли, что однажды мой отец полюбит меня, и если я съеду от него, то положу конец своей мечте.

После продолжительной паузы я поднял на нее глаза. Я хотел увидеть, что она понимает меня, или даже поддерживает. Но чего я не ожидал, так это увидеть слезы в ее глазах. Не ожидал, что она закроет лицо руками и выбежит прочь из моей комнаты на край площадки, нанеся мне удар под дых. Не ожидал, что она оставит меня одного.

Глава 9: Переломный момент нашей любви

«Я никогда не был по-настоящему сумасшедшим, кроме тех случаев, когда было затронуто мое сердце».

Эдгар Аллан По

Харпер

Вопрос моей безопасности был последним, о чем я думала, когда услышала предостережения Вона. Мне нужно было покинуть это место. Очутиться подальше от него. Подальше от его трагедии, пока моя не искалечит его еще сильнее.

Я сделала глоток воздуха, и вместе с ним в мои легкие попала... вода. Когда успел начаться дождь? Я посмотрела вверх, но мои глаза не перестали дрожать от дождя и слез. Я ужасно ненавидела эти слезы! Я так устала плакать! Куда ни шло, когда плачешь не на людях, и можешь хоть как-то себя контролировать. А тогда я совсем потеряла контроль. Я не хотела такую жизнь. Я не хотела, чтобы у меня и Вона была такая жизнь.

Я кричала на дождь, на небеса, на этот мир, наполненный такой сильной болью. Я кричала, пока мое горло не начало гореть от огня и холода одновременно. Я кричала, пока Вон не схватил меня за плечи и не прижал к своей груди. Как только мой крик исчез, начались рыдания. Их я тоже ненавижу, но тогда они взяли надо мной верх. Как и Вон.

Нет! Я оттолкнула его и запустила руки в растрепанные, мокрые волосы, всего за долю секунды я успела прокрутить в памяти, как прошли последние несколько недель, а потом вновь обнаружила себя там, — стоящей под дождем, с разбитым сердцем от парня, который искал надежду в моих глазах. У меня не было надежды. Если бы я могла, то с радостью дала бы ему все, в чем он нуждался, но жизнь — сложная штука.

— Блу, — умолял он, по его губам стекала вода. — Поговори со мной.

Мне следовало все ему рассказать еще в первый день. Надо было оттолкнуть его еще тогда, чтобы ему не было теперь так больно. Но нет же, я хотела его заполучить, а теперь я причинила ему боль. Но я не допущу, чтобы он видел, как умрет еще один человек. Я не могла допустить, чтобы он вновь испытал ту пустоту от одиночества после того, как я умру.

Поэтому я отстранилась от него, моя грудь сотрясалась от рыданий, которые так и хотели вырваться наружу, но я уже успела взять себя в руки, поэтому стала успокаиваться. Он заметил это, заметил и то, что я отстранилась от него, от нас. У него расширились глаза и он, будто не веря им, стал мотать головой, пока я утвердительно кивала.

— У нас ничего не получится, — произнесла я. — Ты испытал очень много боли и я не собираюсь причинить тебе еще больше страданий.

— О чем ты? — он сделал шаг вперед, протягивая ко мне руки, но я отстранилась еще дальше, и стояла уже у грузовика, оказавшись будто в ловушке. Мы оба очень промокли, и я уже могла видеть тело сквозь его футболку, а он видел мое, но нам было все равно. Он прекратил приближаться ко мне, и я подумала, вероятно, он переживал, что я бы сбежала. Он был прав. Должно быть, до дома была не одна миля, но я бы убежала от него, если бы пришлось.

— Ты и так испытал немало сердечных мук, Вон. Я не могу больше выносить этого. Мое сердце не настолько сильное, да и твое тоже.

— Моего хватит на нас обоих. Не волнуйся. Мы сможем пройти через все это. Блу, я был один. Один, пока не появилась ты. С того времени мое сердце начало исцеляться. С тобой у меня всегда будет надежда на будущее и счастье.

— В том-то и дело, — крикнула я, но он не понимал. Как ему понять, если он упускал самую важную деталь. — Я не хочу тебя ранить, и неважно, что именно это я и делаю, неважно, как сильно я тебя люблю, но все равно это произойдет. Если я отпущу тебя сейчас, то будет легче. А если нет...

Я не знала, был ли это дождь в моих глазах, но клянусь, в его глазах стояли слезы, и я вконец ненавидела саму себя за это. Я ненавидела себя, пока он снова не взял меня за плечи и начал безуспешно пытаться вытереть мое лицо от воды.

— Мое сердце сильнее благодаря тебе, Блу. Моя воля крепче. Вместе мы сильнее.

Мое сердце болело так, будто внутри меня горел огонь. Мне было страшно, и от мысли его оттолкнуть я почувствовала себя растерянной.

— Я люблю тебя, Блу. Люблю тебя больше, чем что-либо на земле, и я думал, что наша встреча была предначертана. Ты спасла меня, а теперь... я собираюсь спасти тебя.

Я поцеловала его. Я собирала губами воду, стекающую по его губам, а руки уже обнимали его мокрую футболку. Мои ступни оторвались от земли, спина уперлась в холодную сталь грузовика. Я обвила его тело ногами, а он приближался ко мне все ближе, пока сильно не прижал меня, но мне было все равно. Я хотела еще большей близости. Мне хотелось быть еще ближе к нему и стереть весь мир и все, что причиняет боль.

Я потянула его за футболку, борясь с мокрой тканью и его кожей, пока он не стянул майку через голову. Наши губы разомкнулись лишь на секунду, но мне показалось, что прошло очень много времени, прежде чем мы снова слились в поцелуе.

Не думаю, что мне когда-либо будет достаточно его поцелуев. На этот раз поцелуй был ожесточенным и страстным, и на свете не было ничего лучше его. Но в глубине души я испытывала нечто большее, и я понимала, что это было. Я знала, что он тот самый, и была рада тому, что это был именно он. Я радовалась тому, что дождалась этого момента, чтобы мне было спокойно на душе.

Я не хотела, чтобы он неправильно расценил мои мотивы, — мне хотелось, чтобы он видел меня. И хотя мне отчаянно хотелось не останавливаться и продолжать целовать Вона, я отстранилась, спускаясь на землю, и еще раз вдохнула холодный воздух и дождь.

Он выглядел печальным и напуганным. Я ненавидела это выражение лица, поэтому улыбнулась ему и взяла его за руку. Я вела себя гораздо развязнее, чем могла бы предположить Эйприл, и повела его назад в амбар.

Оказавшись в его комнате, я почувствовала теплоту ее обстановки. Я не говорю про температуру, я говорю про суть. Его комната источала всю суть любви. Для кого-то это был просто чердак в амбаре, но я чувствовала себя там как дома и в безопасности.

Мое сердце колотилось и выпрыгивало из груди, когда я вновь подошла к кровати и посмотрела на Вона. Он выглядел еще более напуганным, поэтому я не смогла сдержать ухмылку.

На его лице вновь появилась улыбка, и она была прекрасна. Мне снова захотелось почувствовать эти губы. Хотелось чувствовать их повсюду. Он коснулся моих губ и посмотрел на них. Интересно, я тоже выгляжу голодной, как он, когда смотрит на мои губы? От этой мысли мое тело заныло. Я хотела этого и могла сказать, что именно я должна буду сделать первый шаг. Я знала, что он не из стеснительных; но он боялся зайти слишком далеко и оттолкнуть меня. Я не хотела, чтобы он так себя чувствовал, когда мы будем делать это. Мне хотелось, чтобы он чувствовал себя в безопасности и что его любят. Это было нужно не только мне, но и ему. Поэтому я схватила обвисший край мокрой позаимствованной футболки и сняла ее через голову. Мои влажные волосы рассыпались по коже, от чего мне стало холодно, и я стала дрожать.

Вон нахмурился, и прежде чем потянуться ко мне, взял с постели шерстяное одеяло и стал тереть меня досуха. Я не знаю, как что-то настолько несексуальное могло заставить меня почувствовать, что я вот-вот взорвусь. Его взгляд следовал за мягким материалом, когда он вытирал мою кожу. Когда он добрался до моих шорт, он закинул одеяло на плечо, чтобы руками дотронуться до моей кожи, тем самым заставив меня начать задыхаться. Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела энергию. Он

так же сильно хотел этого, как и я. Его прежнее волнение растворилось в жаре, — он убирал мои волосы с шеи и гладил кончиками пальцев мою кожу, затем скользнув вниз по моему телу к шортам, он дотронулся до ремешка на талии. Развязав шнурок, он стянул с меня шорты, я переступила через них и оказалась перед ним в бикини, после чего он тоже скинул с себя шорты. Клянусь, у меня случился приступ астмы, только я не болела астмой. Вон стоял в трусах, то есть почти без ничего, пока я была на грани истощения.

Не знаю, возможно, он вдруг увидел во мне загнанного оленя, но я молниеносно оказалась в его объятиях, его руки скользили по моей спине, а мягкий голос щекотал мое ухо.

— Нам не обязательно это делать, если ты не готова. Я буду ждать столько, сколько захочешь. Обещаю. Я хочу, чтобы это было особенным, и чтобы ты помнила этот момент до конца нашей жизни.

Я уткнулась своей щекой ему в подбородок, и не знаю, что мною двигало тогда, но я слизнула капельки воды с его кожи целовала, пока его пальцы не оказались в моих волосах; и он завладел моим ртом, понимая, что я хотела того же, что и он. Когда я говорила, что мы с ним были родственными душами, на самом деле я не осознавала этого до настоящего момента, когда я собиралась поделиться с ним своим телом.

Наши губы слились в поцелуе, руки беспорядочно перемещались по телу, срывая друг с друга одежду. Знаю, мне следовало бы испытать некую неловкость, и все же я не испытывала ничего подобного. Мои обнаженные груди находились рядом с его торсом и все, чего мне хотелось, — раствориться в нем и никогда не расставаться. Никогда.

Я ожидала, что мне будет больно и неприятно, и когда Вон посмотрел в мои глаза, я заметила, что на какое-то мгновение он испугался причинить мне боль, пока мы стали сливаться в единое целое. Я чувствовала, как бьется мое сердце и думала, что вот-вот расплачусь. Я безумно любила Вона, и когда он понял, что мне совсем не больно, наш первый раз был таким, словно мы занимались любовью не только всю нашу жизнь, но и многие жизни в прошлом. Наши движения были слаженными, раскованными и все вокруг вдруг стало единым целым. Легкими прикосновениями он касался моих ребер, живота, бедер, бог мой, я порхала от его нежности.

Наконец, я поняла, почему люди называют это «заниматься любовью», — ведь это было как раз тем, чем мы занимались. Каждое движение внутри меня, каждый поцелуй на моей и его коже, каждое прикосновение, — мы занимались любовью.

Мы оба задыхались, и я инстинктивно знала, что нас ждет, но хотела сдержать это; хотела, чтобы он прекратил сильное покачивание, прежде чем все это закончится, потому что я хотела быть с ним навсегда. И все-таки, как бы мне того не хотелось, внутри меня все напряглось и я уже была готова кончить, я видела, что он это тоже заметил. Я поняла это по его мускулам и глазам. Он был уже готов и хотел, чтобы мы кончили одновременно, поэтому я схватила его за подбородок и прижалась губами к его губам, после чего мы оба кончили, и его стон слился с моим.

Мы целовались, пока наши сердцебиения не успокоились, после чего он прошептал мне на ушко, что скоро вернется и накрыл меня простыней. Я понимала, что он уходил не от меня, — ему надо было избавиться от презерватива, который, к счастью, у него был, иначе у нас были бы проблемы. Когда я вдыхала его запах на подушке, мои глаза закрывались, а мышцы становились расслабленными.

— Ты еще не заснула? — усмехнулся Вон, разбудив меня. Я тоже засмеялась, когда он проскользнул ко мне под одеяло. Я приподняла голову, чтобы он мог пропустить свою руку мне под плечо, и прижалась к его груди, уткнувшись носом в его шею. Именно в такой позе мы провели когда-то нашу первую ночь под звездами в кузове его грузовика, оба будучи наполненными болью и разочарованием. А теперь мы лежали в той же позе, но обнаженными и свободными.

— Вон?

— Ммм?

— Я люблю тебя.

Он поцеловал меня в макушку.

— Я люблю тебя больше.

Я улыбнулась.

— Я люблю больше, в тысячу раз.

Он засмеялся, я была без ума от того, как его смех отзывался эхом от его шеи к моему уху. Потом он добавил:

— Я люблю тебя в миллиард раз сильнее.

— А я люблю тебя со знаком бесконечности.

— А я тебя бесконечность плюс один.

— Думаю, я победила. Не бывает ничего больше, чем бесконечность.

Он взял мою руку и вздохнул:

— Я полюбил тебя раньше.

Когда он произнес эти четыре слова, своим сердцем, своей душой и всем, что только имело значение на этом свете, я поняла, что Вон — мой.

— Ты выиграл.

Даже если бы я сказала ему, что у меня растут рога, ему будет все равно, — он найдет решение, чтобы остаться со мной. Поэтому мне не следовало бояться того, чтобы сказать ему про свою болезнь, и что никакая борьба с этим заболеванием не сможет предотвратить неизбежное.

Сжав его руку, которая лежала на моем животе, я решилась, что это было самое подходящее время, чтобы открыться ему.

— Вон?

— Ммм.

— Ты изменил мою жизнь. Звучит глупо, но так и есть. Я готова открыть тебе свой секрет, потому что мое сердце уверено, что ты не бросишь меня. Я хочу тебе его рассказать, потому что мне понадобится твоя помощь, чтобы бороться. Ты мне нужен, чтобы ты мог помочь Бенни, так как он в тебе очень нуждается.

Я делаю вдох, и в этот момент он меня крепко сжимает, ожидая, когда я закончу мысль, — было очевидно, что он нервничает так же сильно, как и я.

— Я больна. Серьезно больна. У меня рак.

Я перестала дышать, ожидая его реакции... но ее не последовало. Он даже не вздохнул, услышав это ужасное слово на букву R, только ровное дыхание возле моей шеи, а мои слезы бесшумно падали ему на грудь и подушку. Он не слышал моего покаяния. Вон заснул, прежде чем погряз в моем обмане, или вернее, в моей правде. Он остался незатронутым и, честно говоря, я не знаю, плакала ли я от облегчения, что он меня не слышал и я не испортила эти воспоминания для него, или же от смутения, что вряд ли смогу еще раз найти подходящий момент, чтобы снова пройти через это.

И будет ли вообще такой момент?

* * *

Дни в школе стали другими. Первую неделю моя компания состояла из двух человек — собственно меня и Эйприл. Та неделя представляла собой некое облако из разных лиц, проходящих мимо меня по коридорам, кивающих и желающих мне хорошего дня, — при этом, называя меня по имени.

Хотя не совсем все так было. Нет. Теперь у меня был парень. На словах и в сердце. Сексуальный, замечательный, веселый парень, который практически не отходил от меня. Было видно, что это было чем-то новым для таких, как Вон Кэмпбелл. Те, кого не было на пруду в выходные, вскоре все поняли сами, а новость распространилась по школе, как неистовый

огонь. Люди таращились и глазели, когда он находился рядом со мной, положив свою руку мне на плечи и поглаживая мою кожу пальцами, от чего у меня по телу бежали мелкие мурашки. Как я уже говорила, мне до сих пор было удивительно, как его простое прикосновение могло вызывать у меня такую реакцию, — неприличную для школьной территории и проявлении на людях. По его дерзкой улыбочке я понимала, что он точно знал, что делает со мной.

Уже прошла половина недели, и несмотря на мое желание рассказать ему о своей болезни, до сих пор не было подходящего момента это сделать. После уроков он пошел в теплицу, а я была с Бенни и Эйприл, да и домашние дела требовали моего участия. Он зашел, когда закрыл теплицу, но он был очень уставшим. Я отправила его домой и на прощание поцеловала, пообещав самой себе, что завтра я просто затащу его куда-нибудь и все ему расскажу. Через пару дней, когда я шла в спортзал, я испытала двойное тягостное чувство от предстоящего разговора, который был необходим, прежде чем я поеду в Канзас-Сити на лечение. В тот день я уезжала после обеда, поэтому у меня уже почти не оставалось времени. По сути, Вон знал, что мне нужно съездить в город, но машинально подумал, что это как-то было связано с моей мамой. Недосказанность, в очередной раз.

Это означало, что до моего отъезда оставалось два урока, а мне еще нужно будет дать ему немного времени, чтобы переварить информацию. Если бы я рассказала ему все на следующее утро после того, как мы занимались любовью, то, я знала, он был бы со мной. Прошло три дня предательства, и теперь вместо того, чтобы попросить его встретиться со мной перед уроками пораньше утром, я нашла себе очередное оправдание, чтобы снова ждать. Во мне теплилась слабая надежда, что он найдет время после обеда, чтобы обдумать, стоит ли ради меня переживать боль и предательство от того, что я ему ничего не рассказала.

Я сраная трусиха. Неважно, как много оправданий я нахожу лишь бы избежать затруднительного положения. В конце концов, я худшая из сраных трусих. Я не заслуживала его, и если в тот вечер я окажусь без парня... что же, я заслужила то, что получила.

— Прекрати об этом думать, — прошептала Эйприл, обнимая меня, когда мы подходили к баскетбольной площадке. Скрип нашей обуви об отполированный пол эхом раздавался по большому спортзалу, стены которого были завешены плакатами.

Вздыхая, я тоже обняла ее. Она говорила о моем лечении, о чем, вы бы подумали, больше всего следовало бы беспокоиться мне. Эйприл не

скрывала от меня своего неодобрения по поводу того, что я не рассказала все Вону, и все-таки она понимала, что не могла оставаться раздраженной в такой безвыходной ситуации. Ее слова, не мои.

— Я рада, что ты едешь в Канзас. Слава богу, папа понимает, что вы нужны мне оба.

На самом деле, ему немного полегчало, но я не осмеливалась говорить об этом с Эйприл. Раньше ее бесила тема дефицита «отцовского внимания» от нашего отца, поэтому лучше всего было оставаться в стороне. Мне не нужна была еще одна драма и еще одно разочарование.

— Клянусь. Ох!

Я подпрыгнула от испуга, когда она вскочила передо мной, хватая меня за плечи.

— Прошлой ночью я кое-что придумала. Я пыталась понять, как мы могли бы отвлечь твои мысли от лечения, и составила список песен и купила их.

Она вытащила из кармана набор одинаковых наушников и потрясла ими у моего лица. Я рассмеялась и обняла ее, и тут стены сотряслись от громкого хлопка. Мы тут же обернулись на звук.

— Так, девушки, меня зовут Мисс Дженкинс, и я буду вести у вас уроки здоровья до конца семестра. А сейчас, пожалуйста, все возьмите коврики, — может кто-то сможет разбиться на пары, чтобы хватило ковриков на всех.

— Что мы будем делать? — спросила одна девушка, имя которой я никак не могла вспомнить.

— Сегодня я хочу показать вам пилатес. Мы будем чередовать занятия на дорожке и пилатес, — сообщила Дженкинс и после раздавшихся стонов и хихиканья, продолжила, — Пилатес — приводит мышцы в тонус и улучшает общее мышечное состояние, что пригодится вам для бега и улучшит показатели.

Мы с Эйприл взяли по коврику и легли на них, убедившись, что оказались на «галерке». Я не знала, будем ли мы поднимать свои задницы кверху и приветствовать луну, солнце или богов, или еще что-то, но мне просто хотелось убедиться, что если это потребуются, то мы будем делать это позади всех.

Однако, похоже, что у Мисс Дженкинс были другие идеи, — она заметила свободные коврики впереди и велела студентам с задних рядов, то есть нам, переместиться на передние коврики. Она сказала, что это было нужно для гармонии, но по ее ухмылке я заключила, что она просто хотела согнать нас с наших насиженных мест. Итак, вместо того, чтобы лежать

сзади, мы с Эйприл оказались зажаты практически в центре группы, и наши задницы были у всех на виду. К несчастью.

Урок превратился в веселую суматоху. Всякое достоинство было утрачено, поскольку внутренней силы у большинства было не больше, чем у ленивца. От ухмылок, хрюканья и сбитого дыхания на всех нас накатил смех и усталость. И как только я подумала, что хуже быть не может, распахнулись двери в дальней части спортзала.

— Вот дерьмо. Нет. Не может быть!

Вон

Так как у нас с Картером родилась идея, то не думаю, что нас бы смог остановить даже медведь¹⁸. Для меня занятия футболом ничего не значили, но я удивился, когда Картер согласился на мой заготовленный план. Ну вернее, не сильно удивился. Казалось, что Эйприл что-то значила для Картера. Большинство считали его счастливым спортсменом, которому нет дела ни до чего на свете. А я знал правду.

Когда я услышал, что девушки будут в спортзале заниматься лежа на спине с закинутыми вверх ногами, то сразу понял, что нам нужно там побывать.

Двери распахнулись и я по-настоящему... у меня в голове не нашлось подходящих слов.

— Добрый день, мальчики. Могу вам чем-то помочь? — спросила новая преподавательница, которая была в лосинах и лежала на спине, забрасывая ноги вверх. Она делала махи. — Мальчики?

Запутавшись с мыслями и озираясь по сторонам, я заметил Блу и усмехнулся над ее шокированным выражением лица.

— Простите, мэм. Мы слышали про ваш новый урок и подумали, вдруг он будет полезным для нашей игры.

Картер хихикнул, но я понял, что она на это не купилась, но все-таки рассмеялась и пригласила нас взять коврики. Я посмотрел на Картера, глаза которого расширились, а затем на Блу, — несмотря на ее смущение, она широко улыбалась. Потом я пошел к коврику позади Элеоноры Бэйтс, с коврика открывался прекрасный вид на Блу. Я не был уверен, что мог видеть Картер со своего места позади меня, но в тот момент мне было все равно и я лег на коврик.

— Так, всем внимание, — сказала учительница, — еще десять. Стойка. Еще стоим на кулаках и втягиваем ягодичы. Вы тоже, ребята. Стоим. Знаю, вы сможете. Стоим.

Вот дерьмо. Она это серьезно?

— Стоим.

Я делал махи, а весь зал наполнился смехом и, черт возьми, это заразно, — я тоже начал смеяться.

— А теперь я хочу, чтобы вместе с махом вы соединили колени и напрягли мышцы малого таза. Мах и держим.

— А у меня тоже есть мышцы малого таза? — сквозь смех спросил я, отчего весь зал разразился хохотом.

— Есть, дружок. Они поддерживают твой мочевого пузырь. А теперь мах и держим.

Я посмотрел на Блу, от смеха она качала головой и делала махи. Что ж, век живи, век учись.

— Мах и держим. Я хочу, чтобы вы представили, что у вас там монетка, и чтобы она там и оставалась, как в закрытой копилке.

Извините, но это было уже чересчур для меня и некоторых присутствующих. Смех и визги рикошетом отзывались по спортзалу почти так же громко, как если бы во время игры фанаты кричали после забитого гола. Может быть, у меня и были мышцы малого таза, но никогда в жизни я не буду держать в себе что-то, кроме того, что там должно быть.

— Не останавливаемся. Мах, сжимаем и держим.

Блу смеялась и делала махи, кивая мне, чтобы я продолжал. И хоть мне этого совсем не хотелось, я знал, что продолжу, потому что она хочет, чтобы я это делал. К счастью, после двух половинчатых маха нам сказали лечь на коврик. Свят, свят, свят. Настал конец копилке и махам. Я уже не был уверен, буду ли я после этого так же относиться к копилкам, а тем более, к монетам.

К концу урока я уже обливался потом, отлично проработав мышцы живота, а две девочки превзошли меня в планке. Я думал, что урок здоровья девочек будет так себе, но эти цыпочки смогли вынести его. Выяснилось, что новую учительницу звали Мисс Дженкинс, и я по-новому оценил ее методы, даже стал уважать. А еще я был рад, что в каждом упражнении я продержался дольше, чем Блу. Пахнуло шовинизмом? Мда. В таком случае я мог с этим жить. Удивительно, что она так быстро устала, ведь она занималась танцами. Когда я приподнял ее, она не оказывала сопротивления; она просто хихикала и прижималась ко мне, пока мы шли к женской раздевалке, а Картер и Эйприл смеялись позади нас.

Было нечто ненормальное в том, что она так устала. Ее что-то беспокоило? Мы дошли до двери, и я отпустил ее. Она улыбнулась и поцеловала меня в щеку, но не подняла глаз. Что-то было не так. Что-то определенно было. К ней подошла Эйприл и тоже это заметила. Что за

черт?

— Пойдем, Харп, от нас воняет. Давай примем душ перед следующим уроком.

Затем она увела ее и, прежде чем я успел их остановить и задать вопросы, передо мной захлопнулась дверь, а Картер взял меня за плечо.

— Приятель, они могут помыться и без нас. Если нас поймают, у нас будут неприятности.

Я мельком глянул на него, — то, как он смотрел на меня, было похоже на то, что он считал меня сумасшедшим. Может, так и было. Возможно, я слишком сильно на все реагировал. Я не знал. Никогда раньше я никого не любил. У меня никогда не было отношений, и я уж точно не знал, как бы отреагировал, если бы меня ударили по орехам. Поэтому я кивнул и под болтовню Картера пошел с ним. Я отрывками слышал отдельные слова, а затем мы зашли в мужскую раздевалку, где была вся команда, и вся последовавшая болтовня, как белый шум, казалось, никогда не кончится.

* * *

Я не увидел ее на математике и за десять минут отправил ей два сообщения, которые остались не отвеченными, — было бессмысленно оставаться тут. Я даже не слышал, когда Мистер Паркер спросил меня, куда я направился. Я просто сгреб свой хлам в рюкзак и вышел, направляясь в школьный медпункт. Если она заболела, то, вероятно, она пошла туда.

Наверное, я мог по пальцам одной руки посчитать, сколько раз я так отчаянно бежал по коридору. Первый был, когда Трэв открыл мне глаза на интрижку моего отца. Второй, когда мне позвонили из больницы по поводу мамы, и вот теперь был третий. Не было никакого основания для такой спешки, кроме моего же предчувствия.

Дверь была открыта, и я бросился в проход, едва дыша. Медсестра подпрыгнула на месте и подбежала ко мне, но я отмахнулся от нее и спросил про Харпер, на что она лишь ответила, что та не приходила. Следующий этап — ее дом. Даже если она отпросилась, у меня не было на это законного права. Так что, бегство оказалось для меня лучшим вариантом.

Ключи от машины уже были у меня в руках, но я остановился, услышав вибрацию своего телефона. Это была Блу.

— Ты в порядке?

— Ага. Устала, но в норме. Я просто увидела от тебя сообщение и подумала, что лучше позвоню тебе и оставлю голосовое сообщение. Погоди. Ты же должен быть на математике. Как тогда ты отвечаешь на мой

звонок во время математики?

— Я ехал к тебе домой, разыскивая тебя. Когда ты не пришла...

— Ты где сейчас, Вон?

Ее голос звучал тревожно и напугано. Я продолжал идти к машине, так как мне нужно было ее увидеть.

— В пути.

Небольшая ложь, хотя если бы она узнала, что я все еще в школе, то убила бы меня.

— Нет, потому что я еду в Канзас с отцом и Эйприл.

— Я думал, ты уезжаешь только после обеда.

— Я устала и понимала, что на уроке от меня не будет пользы, поэтому решила, что лучше сразу и поехать, понимаешь?

Я хотел сказать «нет», потому что мне не хотелось упускать и одного момента с ней, и я думал, что она чувствовала то же самое. Наверное, я не прав.

— Конечно. Математика против поездки.

Стоя, прижавшись к крыше грузовика, я открыл дверцу, и в лицо хлынула волна горячего воздуха. Мне было плевать.

— Вон?

— Ага.

— Я вернусь домой завтра после обеда. Я позвоню тебе, когда буду на месте. Нам нужно будет встретиться.

— Мне тоже нужно с тобой увидеться.

— Хорошо. Тогда до завтрашнего вечера, — в ее голосе звучала надежда, и я это почувствовал.

— Это свидание, — сказал я. — Люблю тебя.

— Люблю тебя, — тяжело вздыхая, ответила она и отключилась, а мне стало плохо. Я знал, что она меня любит. Мы разделили нечто особенное той ночью, и я каждый раз об этом думал, когда смотрел на нее. Однако это не мешало страху или чему-то очень-очень неправильному возникнуть между нами, — с ней было что-то не так.

Харпер

Сказать, что я ненавидела больницы, это ничего не сказать. Как только я почувствовала запах антисептика, к горлу подкатила тошнота, и под крики Эйприл, окликающую меня по имени, побежала в уборную. Едва добежав до кабинки, я вырвала все, что было у меня внутри. Эйприл успокаивала, поглаживая меня по спине, пока я задыхалась и откашливалась.

Было смешно, что мне стало плохо еще до того, как началось лечение, но такова была я. Пока я держалась за унитаз и надеялась, что кашель прекратился, я изо всех сил старалась не думать, сколько микробов, должно быть, подхватила.

Когда мое дыхание вновь стало нормальным, я начала вставать на ноги вместе с Эйприл, которая всячески поддерживала меня. Я чертовски сильно ее любила. Знаю, девчонка ненавидит рвоту, но все же она осталась рядом, поглаживая мою спину, а ведь мы даже не успели повеселиться, как обычно бывает перед таким действием. По-крайней мере, ей не пришлось придерживать мои волосы. Сделать пучок было хорошей идеей.

— Спасибо тебе, — произнесла я с легкой улыбкой, чтобы заверить ее в том, что мне полегчало. Я не думала, что она купилась на это, но она все-таки улыбнулась и взяла немного бумажных полотенец и, промокнув их, протянула мне.

— Ты бы сделала то же самое, так что не стоит.

О, черт возьми, как же приятно приложить влажное бумажное полотенце к коже, уже успевшей вспотеть. Мне нужно было еще, поэтому я освежила лицо в раковине, умывшись с мылом, и вытерла полотенцем, пока не убедилась, что от меня не исходил неприятный запах.

— Папа ждет снаружи?

— Можно и так сказать. Он шел за нами до двери.

Я вздохнула и положила руку на ее плечо.

— Пойдем. Нам нужно попасть в кафетерий или найти автомат с жвачками до того, как я запишусь на прием. Мне нужны мятные леденцы.

Она немного отстранилась от меня, прикрывая лицо.

— Да. И вправду нужны.

Она засмеялась, затыкая себе нос, а я, хихикая, прикрыла рот рукой.

— Замолчи.

— Нет, это ты замолчи! Ты до сих пор дышишь на меня.

Папа явно обрадовался, увидев меня и Эйприл смеющимися, но все еще выглядел растерянным, не зная, как мне помочь.

— Я могу что-нибудь сделать? Принести тебе что-нибудь? — спросил он, потирая темную щетину. Он был таким милым, мне стало жаль, что ему приходится проживать такую жизнь, но я была рада, что он находился рядом, пусть даже никак не мог помочь.

— Можешь принести мне немного мятных драже или чего-то еще освежить дыхание? Я совсем не подумала про это.

— Конечно, я схожу в кафетерий или... Не уверен, будет ли у них драже, но я найду что-нибудь для тебя, встретимся у стойки регистрации.

Ты уже опаздываешь, а они говорили, что прежде, чем вы начнете, им надо будет взять у тебя кровь из пальца на анализ.

— Ага, помню. Спасибо, пап.

Эйприл взяла меня за руку, и мы пошли к лифту. Я знала, как пройти от кабинета врача до отделения онкологии. В лифте было жарко и забавно пахло, поэтому когда наша короткая поездка закончилась и мы вышли, то я испытала облегчение. Запах антисептика стал сильнее, поэтому я сдерживала дыхание, успокаивая себя и крепче сжимая руку Эйприл. Она посмотрела на меня, у меня получилось выдавить из себя еще одну улыбку. На этот раз она не улыбнулась в ответ, а поцеловала меня в щеку и обняла так сильно, что меня снова чуть не стошнило.

— С тобой все будет в порядке. Эта мера поможет положить конец самому ужасному дерьму, с которым ты столкнулась и больше никогда не столкнешься в своей жизни. Ты справишься, я в тебя верю.

Я думала, что вот-вот разрыдаюсь прямо там, в коридоре.

— Я люблю тебя, Эйприл Гиллеспы. Я люблю тебя всем своим чертовым существом.

— Знаю, — ответила она и засмеялась. — А теперь давай пройдем через это дерьмо, чтобы уже поскорее поехать домой и жить на полную катушку.

— Ты просто хочешь увидеть Картера.

— А ты хочешь увидеть Вона. Кстати...

— Не начинай. От всего этого я чувствую себя как задница, — сказала я то, что вправду думала. Я собиралась пройти через свой первый сеанс терапии, а ему ничего не сказала. Он был моим парнем и понятия не имел, что я умираю и пыталась это остановить.

— Я знаю, ты пыталась. Просто жаль, что он не в курсе. Думаю, так было бы легче для тебя, и он бы помог тебе со всем этим. Теперь все станет намного сложнее.

— Угу, знаю. Я скажу ему при встрече, когда мне станет лучше. Сразу же.

— Хорошо. А теперь пойдем, мы опаздываем.

Я записалась на прием, а затем спустилась в лабораторию, где у меня взяли анализ крови из пальца. Должна сказать, те маленькие гаденыши сделали мне больно. Но все же, думаю, это было лучше, чем протыкать палец целой иглой.

У меня был низкий уровень белых телец, но доктор не хотел больше рисковать, оттягивая время начала лечения, поэтому мы приступили. Он настоятельно просил меня передумать и в целях эффективности поставить

мне в главную артерию центральный катетер. Но мысль о том, что в моей груди постоянно будет находиться посторонний предмет и что мне придется его промывать и каждый день перевязывать, однозначно заставила меня отказаться. К черту эффективность, втыкайте в меня иголку и травите меня уже.

Я сидела в глубоком кресле, оно было холодным и все, о чем я могла думать, было сколько же больных и умирающих людей сидело в том самом кресле до меня. С теми же мыслями я глядела по сторонам и видела самые разные стадии проявления этой болезни. И это все вскоре произойдет и со мной, от этой мысли я внезапно испугалась как никогда раньше. Вскоре на моем месте будет сидеть кто-то другой и смотреть на меня, сидящую в этом кресле, облысевшую, с одутловатым лицом и держащую в руках утку для выблевывания содержимого моего желудка.

Я не просто умираю, я болею, и тогда было самое начало пути, который приведет меня к тому, что я стану поправляться, но буду чувствовать и выглядеть хуже. Была ли я готова конкретно к такому удару под дых? Нет. Закрывала ли я глаза на реальность? Скорей всего, так и было.

Однако теперь с моих глаз упала пелена, и я осталась со своей суровой реальностью, представлявшей мою жизнь настолько долго, насколько бог будет держать меня здесь. Я не была уверена, заслужила ли я это, или смогу ли я остаться ради Бенни, папы и даже Вона, но в глубине души я очень сильно на это надеялась.

— Будет немного жечь, — извиняясь, сказала медсестра, вставляя иголку мне под кожу в мою разбухшую синюю вену, и снимая с руки жгут.

Жгло нещадно, но затем все прошло и медсестра воткнула мне в руку шприц с большой иглой. Она повернулась к капельнице, нажала разные кнопки, а потом снова повернулась ко мне, готовясь освободить зажим, сдерживающий коктейль из химических веществ, которые они называют химиотерапией, чтобы пустить его по моим венам.

— Вы готовы, дорогая?

По-крайней мере, медсестра, которую, судя по бейджу, звали Венди, была милой. У нее была теплая и любящая улыбка и, несмотря на то, что должно произойти, я немного расслабилась.

Эйприл схватила мою руку, а отец стоял по другую сторону от меня, ободряюще кивая головой. Моя группа поддержки была готова, поэтому и я тоже.

— Готова, как никогда, — сказала я Венди и своей команде.

Венди улыбнулась и отпустила зажим, чтобы я начала свою борьбу за

жизнь.

Так все началось.

Глава 10: Легкость и тяжесть последствий

«Истина редко бывает чистой и никогда не бывает простой».

Оскар Уайльд

Харпер

Я считала себя рассудительной и умной девушкой. Когда я лежала в своей кровати дома, свернувшись калачиком, то чувствовала себя не только абсолютно и чертовски мертвой, но еще и слабоумной.

Не следовало так сильно доверять телевидению; они настолько прославляли химиотерапию, что я могла поклясться, все, чего я хотела, — жить, но тогда я была очень близка к желанию умереть. В этом бы мне мог помочь сон, вот только сон меня не излечит.

Всякий раз, когда у меня во рту накапливалась слюна и скручивало желудок в мертвую петлю, я просыпалась и наклонялась к ведру, от которого несло больницей, хоть и менее интенсивно.

К тому времени мне уже нечем было извергать содержимое своего желудка. Вернее, эта стадия наступила еще девять часов назад. А тогда я лежала на животе и меня воротило от одной мысли обо всем остальном. Я просто хотела, чтобы все кончилось.

Эйприл поглаживала мою спину. Она была рядом со мной еще с момента, когда меня, практически, на руках заносили в машину. Отец вел машину, пока Эйприл придерживала меня на заднем сидении, как больного ребенка, и подавала мне гигиенические пакеты. Мы могли заночевать в Канзас-Сити, но я отказалась потому, что не хотела оставлять дома Бенни, который так волновался обо мне. Хотя, когда мы добрались до дома, и он увидел, насколько мне было плохо, то, возможно, это был спорный момент.

Я была такой уставшей. Очень-очень уставшей. Мне хотелось лишь отоспаться, а к утру уже чувствовать себя лучше. Доктор говорил, что, возможно, меня будет слегка мутить, и я буду чувствовать усталость, но я хотела увидеть Вона, поэтому я буду стараться. Папа хотел, чтобы я пару дней пропустила школу, и тогда у меня будет время поправиться к выходным, ко Дню труда. Но я не могла пропасть так надолго без возможности поговорить или увидаться с Воном.

Утро наступило слишком рано, я ненавидела свою жизнь. Не уверена, что у меня и Эйприл получилось погрузиться в сон хотя бы на полчаса. И я ненавидела за это себя, потому что знала, что она умирала от желания увидеть Картера, как и я — увидеть Вона. Но всякий раз, стоило мне

сделать хоть глоток жидкости, она сразу же хотела вырваться наружу. И мне никак не удавалось удержаться. Вместо этого я падала обратно на матрац и подушку с желанием успокоиться и заснуть перед следующим приступом рвоты.

Это все так и продолжалось, пока отец вместе с Эйприл не вытащили меня из постели и снова погрузили в машину. Я была настолько уставшей, что даже не видела и не спрашивала, куда мы направлялись. Я то засыпала, то просыпалась, мне лишь хотелось пить и чтобы меня оставили в покое.

Вокруг были яркие огни, и когда я проснулась, то поняла, что находилась в больнице. Медсестра сказала, что это Северо-западный медицинский центр; она старалась быть искренне милой, но я была слишком измотана, чтобы обращать на это внимание. Я чувствовала, как она воткнула иглу, а затем, по какой-то немыслимой причине, она стала колоть мою другую руку. Я открыла глаза, чтобы понять, почему. Вероятно, я была слишком обезвожена, поэтому она не смогла попасть в мою вену с первого раза. Супер, ну хотя бы вены испытывали жажду. Я полностью понимала их боль.

Я не понимала, как долго я там находилась, и как долго там была медсестра, но в следующий раз, когда я открыла глаза, мне было намного лучше. Рядом с собой я увидела пустой пакет-капельницу, подсоединенный к моей руке, — к той же руке, куда мне вливали химию. Я улыбнулась. Что бы это ни было, но это словно благословение.

— Они ввели тебе «Зофран», чтобы остановить тошноту, — сказала Эйприл. Ее голос звучал таким уставшим. Улыбаясь, со стула рядом с моей кроватью подскочил отец.

— Привет, — вздохнул он.

— Привет, пап. Когда мы можем поехать домой?

Он дотронулся до моего лба и, клянусь, по моему телу побежали мурашки. Это было его первое прикосновение ко мне за последний год, и я улыбнулась. По-настоящему улыбнулась.

— Это был второй пакет. Нам сказали, что когда закончится второй пакет и ты проснешься, то мы можем ехать. Мы ждали только тебя.

— Хорошо, мне только надо в туалет, а потом, надеюсь, я буду готова и можно будет ехать.

Я действительно волновалась. Не поймите меня неверно, я все еще была уставшей, но это была скорее усталость тела, а не разума.

Эйприл засмеялась:

— Хочешь, я принесу тебе утку?

Я окинула ее суровым взглядом, пока она ворковала, подняв свои руки

вверх в знак капитуляции.

— Просто помоги мне, хорошо? Как только мы тут все закончим, мне нужно позвонить Вону.

Отец стал распутывать капельницу, лежащую на покрывале, а от бессилия, я никак не могла ему помочь, кроме как продолжить за ним наблюдать. В таком состоянии я его видела очень давно.

— Он неоднократно звонил на домашний, а потом мы отправились сюда, — равнодушно заметил отец, а мы обе с Эйприл замерли, пока он не почувствовал, что что-то не так.

— Что?

Я выпалила:

— Что ты ему сказал?

— Что ты заснула и у тебя была та еще ночка. И что ты перезвонишь, когда проснешься. К сожалению, больше мы ни о чем не говорили.

Я схватила Эйприл за руку и посмотрела на ее часы. Было 00-53. Черт. Прежде чем я ему позвоню, мне сильно нужно было попасть в туалет, иначе я бы взорвалась.

Вон

Мистер Маккензи был самым худшим учителем всех времен. Его голос отзывался в моих ушах бесконечным бормотанием, и если бы я так не беспокоился о Блу, то, скорее всего, уже бы уснул. Моя рука обладала собственным разумом, бесцельно рисуя разные закорючки на странице. Всякий раз когда моя фантазия представляла, что происходило с Блу, ручка заканчивала рисовать на первой странице, переходя к следующей.

Я не мог перестать думать о том, что она передумала насчет нас, что я зашел слишком далеко. Она была девственницей, и каким надо было быть ублюдком, чтобы взять это у нее при первом же удобном случае. Я должен был быть сильнее и подождать. Просто наши чувства неконтролируемы, когда мы вместе или порознь друг от друга. Делало ли это нас грузовым поездом, которому суждено было потерпеть аварию?

Моя ручка опять зачиркала по бумаге, а в моем кармане зазвонил телефон.

Черт. Я не мог засунуть руку в карман моих джинсов и чуть не свалился со стула. К счастью, мистер Маккензи продолжал писать на доске, поэтому мне удалось посмотреть, кто звонил. Это была Блу.

Я бы не расстроился, если бы меня оставили после уроков, да хоть десять раз. Я ответил на этот звонок, поднимаясь с места так, что стул упал с шумом, и пошел к двери. Это был мой второй внезапный уход за два дня.

Я был уверен, что позвонят из кабинета директора. И опять же, мне было плевать.

— Ты в порядке? — спросил я, распахнув дверь и слыша, как мистер Маккензи кричал за моей спиной.

Я знал, что сначала следовало бы сказать «привет», «я по тебе скучаю» и все такое, но мне нужно было знать, что с ней было все хорошо. И если это так, то все остальное тоже будет в порядке.

— Я более чем в порядке.

Я выдохнул и прислонился лбом к прохладному металлу шкафчика.

— Хорошо... Привет.

Она захихикала, и этот звук отозвался в моем сердце.

— Привет.

— Так, что происходит? Почему ты не рядом со мной, чтобы убедиться, держусь ли я подальше от неприятностей?

На этот раз она расхохоталась, и я улыбнулся.

— Я сомневаюсь, что кто-нибудь сможет удержать тебя от неприятностей, если это взбредет в твою голову. Более того, я думаю, что ты мог бы вовлечь меня во всевозможные неприятности, если бы я позволила тебе это, — сказала она.

Я не знал, было ли это правдой, но мне нравилось, что она играла со мной. Вообще-то я думал, что я бы сделал все, что она захочет, стал тем, кого она захочет, если это означало, что она была бы со мной. Но одна из вещей, которую я любил в ней — это то, что она принимала меня таким, каким я был.

— Я хочу увидеть тебя, — сказал я ей, не скрывая отчаяние.

Я услышал ее вздох и ответ.

— Я тоже. Я сейчас дома, Эйприлл скоро пойдет домой, и папа должен пойти на работу, так как утром он брал отгул, поэтому я подумала, может быть, ты захочешь прийти поужинать с Бенни и мной.

Я оттолкнулся от шкафчика с новым приливом сил, направляясь к машине.

— Да, с удовольствием.

— Мы могли бы заказать пиццу, или я могу что-то приготовить?

— Нет. Я заберу Бена вместо тебя, заеду в «Ну-Vee»¹⁹ и куплю продукты. Мы с Беном приготовим ужин. Как тебе это?

Она засмеялась, как та Блу, которую я знал, и я почувствовал, что все опять хорошо.

— Хорошо. Но только не раньше, чем у него закончатся уроки. Или у тебя.

Черт. Я резко остановился, так как мои кроссовки скрипели о старый напольный линолеум в школьном коридоре.

— Я как раз шел в теплицу, чтобы убедиться, что Эд и Винни справляются с окончанием работ, тогда я смог бы сдвинуть поставку. И если я ее перенесу, то вечером буду свободен.

— Ладно. Тогда увидимся с вами около четырех?

— Не могу дождаться.

И это было правдой.

— Я тоже.

Мне не хотелось заканчивать разговор, но в то же время не хотел стать одним из тех дураков, которые говорят «ты первая клади трубку». Однако я был близок к этому.

— Я люблю тебя, Вон Кэмпбелл.

— Я полюбил тебя первым, — слава Богу, она мне уступила.

Она засмеялась и отключилась, а я остался стоять у своего шкафчика с широкой улыбкой на лице, понимая, что она меня любит и позволяет мне любить ее.

* * *

Я едва успел забрать Бена прежде, чем он сел в автобус. Одна из родительниц посмотрела на меня так, будто я собирался его похитить, поэтому я велел ему поторопиться, прежде чем она сообщила бы об этом учителю и мне бы отказали его забрать. Я был почти уверен, что на такой случай предусматривались какие-то правила, а мне не были нужны какие-либо проблемы или задержки.

Бен был взволнован, однако явно был на взводе, правда я не понимал, почему, — потому что парень его сестры забрал его и ведет в продуктовый магазин, или дело было в другом. В машине я немного прозондировал почву, но он вел себя словно закрытая книга, прям как его сестра. Что, черт возьми, происходило в этой семейке?

Выбросив все из головы, Бен рассказал историю о мальчике в школе, который, будучи кретином, издевался над маленькой рыжеволосой девочкой по имени Кэссиди. Он был таким милым, стараясь скрыть свою влюбленность, и я попытался сдержать ухмылку и кивать головой, потому что он говорил серьезно. Бенни сидел в таком же положении, что и я, держа локоть на подлокотнике во время разговора со мной. У меня было ощущение, что он не стал бы говорить об этой девочке Блу, пока был в отчаянии, и я чувствовал гордость из-за того, что он доверился мне. У меня раньше никогда не было кого-то, кто так относился бы ко мне, и это было

приятно. Он был маленькой версией своей старшей сестры.

Мы вошли в «Хай-Ви» и оба вздохнули, как только внутри на нас обрушился холодный воздух кондиционера.

— Что мы будем готовить? — спросил Бен, смотря во все направления с напряженным лицом, что заставило меня усмехнуться.

— Какое у нее любимое блюдо?

— Нет. Я ненавижу ее любимое блюдо.

Я кивнул, смеясь над его широко раскрытыми глазами.

— Хорошо, хорошо. И все же, какое ее любимое? На будущее.

— Суши. Она ест сырого Немо или его друзей. Она делает это прямо передо мной, и мне охота кричать и блевать, — он высунул свой язык, претворяясь, что задыхался, заставляя меня смеяться еще сильнее. Да, именно как его сестра.

— Я полностью понимаю тебя, чувак. Мне тоже не нравится мысль о поедании Немо и его друзей. Так... что она еще любит из того, что и мы можем поесть?

— Ей нравится картофельное пюре. Я знаю, что, когда ей грустно, она готовит пюре. Вообще, мне кажется, папа называет это ее утешительной едой. Когда у них у обоих плохой день, они делят миску.

Я мог представить, как Блу и ее отец сидели за столом в тишине над дымящейся и густой миской с пюре, и сохранил эту информацию на будущее.

Я понял, что мы заблокировали вход, и дернул Бена в сторону, прежде чем Лоис Уиллер не сбила его с ног. Она не собиралась этого делать намеренно, просто была слепа, как крот. Без шуток, эта женщина опасна на дороге. Жители города убирались с дорог, когда видели ее старый «бьюик», направляющийся к ним. Шериф отбирал у нее права, отчитывал, штрафовал и даже пытался арестовать ее. Он говорил, что это не стоило бумажной волокиты и мы все просто должны продолжать жить дальше и всегда быть начеку.

— Вау. Это очки или бинокль? — прошептал Бен.

— Что бы это ни было, этого явно недостаточно. Держись на расстоянии и с тобой все будет в порядке, — я похлопал его по спине, взял корзинку и пошел к свежим овощам.

— Как насчет барбекю? Я мог бы сейчас съесть большой жирный стейк Олбани.

Бен радостно потер свой живот и кивнул.

— Да, — вздохнул он, — И пицца. Пицца на гриле — просто объедение.

— Пицца? На гриле?

— Ага.

— Ладно. Мы можем попытаться приготовить это.

— Десерт? — с энтузиазмом спросил Бен.

— О да, пирог, — сказал я.

— Да, пирог. Мы должны его приготовить.

Все вокруг становится идеальным, когда есть пирог.

— Прекрати. Даже разговоры об этом убивают меня.

Мы хватали все, что нам было нужно, наспех проходя по проходам и не останавливались, чтобы передохнуть. И вот, когда мы стояли в очереди на кассу, стараясь не морщиться от криков малыша, лежащего в коляске перед нами, я почувствовал, что кто-то похлопал меня по плечу.

— Вон?

Я развернулся на месте и обнял женщину, которая точно знала, через что нам с мамой пришлось пройти, прежде чем она умерла. Вики была прекрасной женщиной, когда ухаживала за мамой, всегда оставаясь доброй и терпеливой.

— Привет, Вик, — она была в униформе, по которой я понял, что она только что отработала свою смену в больнице. — Как дела?

Подмигнув мне, она ответила:

— Ну сам знаешь, все по-прежнему, как и раньше. Разве что в прошлом году я вышла замуж.

— Вау! За того парня, который тогда принес маме конфету?

— Ага. Думаю, в тот момент я поняла, что люблю его и он тот самый, — мечтательно ответила она.

Я рассмеялся от того, что мама бы хотела узнать, чем кончилась их история. Мама была бы счастлива узнать так много новостей.

— У меня тоже есть девушка. Вообще-то, я здесь с ее братом, и мы собирались что-то приготовить для нее на ужин. У нее была тяжелая ночь, и ей нужно немного внимания и заботы, — указывая на Бена, сказал я. — Это Бен Кеннеди. Бен, это самая лучшая медсестра в Олбани. Если тебе понадобится медсестра, нет женщины лучшей для этого, — улыбаясь и глядя на Вики, сказал я, которая, в свою очередь, поглядывала на Бена.

— Ты брат Харпер Кеннеди? — спросила она, склонив голову.

Бен кивнул, но не продолжил разговора.

Вики опустила на пол свою продуктовую корзину и присела на корточки перед Беном. Я был в шоке от ее действий, особенно когда она положила свои руки ему на плечи, и он напрягся. Мне нравилась эта женщина, как и парнишка, которого я полюбил как брата, и мне хотелось

вмешаться, когда она произнесла нечто, что полностью выбило меня из колеи.

— Харпер — боец. Я в этом уверена. Она переживет этот период, эту болезнь и проживет полноценную жизнь.

Она посмотрела на меня, и я, не представляя, как выглядел со стороны, увидел, что она покачала головой и вздохнула, будто я что-то сделал не так. Затем она добавила:

— Вон потерял свою маму от рака, но это не имеет ничего общего с Харпер. Я видела ее сегодня, когда она уходила, и мне было ясно, что она победитель. Я думаю, это потому, что у нее есть вы, ребята, ваш папа и ее семья, чтобы ее поддержать. Так что продолжайте делать это, ладно?

Бен закивал, а мне захотелось, чтобы он сказал: «О чем это вы говорили? Это все не про мою сестру». Но он не сказал этого. Вернее, он начал плакать, используя свой галстук в качестве носового платка, чтобы утереть слезы. Вики привстала и еще раз окинула меня взглядом.

— Ты, Вон Кэмпбелл, — крепко обнимая, сказала она мне, на что я оставался безучастным. Я никак не реагировал. Я стоял и смотрел на Бена, который избегал моего взгляда, и старался подавить рык, исходящий из моей груди. — Я не знаю, почему ты снова захотел пройти через всю эту боль, но ты — герой. Ей понадобится все, что ты оставил когда-то, но я прошу тебя, чтобы ты был осторожен. Ты многих из нас напугал, когда потерял свою маму. И я не хотела бы, чтобы ты испытал горечь потери еще раз. Понял меня? — прошептала она мне на ухо.

Она правда говорила так, будто не была уверена в том, что Харпер будет жить? Больше она ничего не сказала и не сделала, — просто подняла свою корзину и ушла. Я не знал, что делать и что сказать. Поэтому я сделал то, что нужно было сделать, — поднял корзину, расплатился за наши покупки и направился к грузовику.

Бен ничего не сказал, просто смотрел на меня, что до какой-то степени мне нравилось, поскольку все ответы, какие я хотел знать, не должны были исходить от него. Гнев, который я испытывал, — не относился к нему. У нас выдалась напряженная и молчаливая поездка к Блу. Бен сразу выскочил из машины и побежал к двери, прежде чем я успел заглушить двигатель, подсознательно ожидая ответы на свои вопросы и стараясь успокоиться, пока я снова не завел мотор, чтобы к чертям собачьим уехать из Олбани.

Глава 11: Осознание

«Вера делает первый шаг, даже когда вы не видите целую лестницу».

Мартин Лютер Кинг, мл

Харпер

Я почти запрыгала от радости его увидеть, когда услышала, что он заглушил двигатель своего грузовика. Секунду спустя Бен распахнул дверь и окинул меня убийственным взглядом, — взглядом, который он обычно приберегал для Эйприл, если та вела себя, как сучка. Я не понимала, почему он так на меня смотрел, да у меня и не было времени спросить, потому что он быстро пронесся мимо в свою комнату и хлопнул дверью так сильно, что на стене пошатнулись несколько фотографий с мамой.

Какого дьявола?

Казалось, прошло несколько минут, пока я стояла под дверью, — я была слишком сильно напугана, чтобы выглянуть на улицу и посмотреть на грузовик, мотор которого уже дважды успел завестись и заглухнуть. Страх о том, что Бенни нечаянно проболтался, переполнял меня, хоть в глубине души я понимала, что он не мог так поступить. Я не понимала, что происходило. Я не понимала, был ли это отголосок каких-то событий в школе, в теплице или это было как-то связано со мной, и тогда я решила отважиться и все выяснить. Я уже успела открыть дверь, когда Вон появился на пороге с полными руками сумок из продуктового магазина. Он не смотрел на меня, отчего у меня перехватило дыхание.

Он все знал. Я не понимала, откуда, но он знал и ненавидел меня.

Я сделала глубокий вдох и отогнала слезы, которые уже были на подходе. Я не заслуживала того, чтобы меня стали жалеть из-за них. Я слышала, как он оставил сумки на террасе, а затем, пройдя мимо меня, направился в мою комнату и стал меня ждать там, чтобы я объяснила ему свое предательство, свой секрет.

Как ребенок, идущий навстречу своему наказанию, я заставила себя пройти по коридору, миновать закрытую дверь в комнату брата и направиться туда, где находился Вон, который просматривал коробку с цитатами, теперь уже понимая их скрытый смысл. Я бы не возражала, если бы это был любой другой человек на земле, только не Вон. Моя последняя тайна была раскрыта, и никакой другой секрет и рядом не стоял по ее важности.

С тихим щелчком я закрыла позади себя дверь и стала ждать.

Казалось, что он пересмотрит каждую цитату, каждую отдельную мысль и каждый сингл, который я слушала с момента аварии отца и мамы. Все это время я не двигалась с места, и наконец, он произнес:

— Ты умираешь? — его голос был низким и я, почти расплакавшись, прикрыла рот рукой.

Он все еще не смотрел в мою сторону, а продолжал смотреть то на

клочок бумаги в своей руке, то на пол, то... Я не знаю. Я не видела его глаз, но хотела их увидеть. Это было мне необходимо, но я была слишком напугана, чтобы сдвинуться с места или признаться ему в том, что боялась, что он меня бросит.

— Ты. Умираешь?

Я с трудом сглотнула и сделала глубокий вдох.

— Врачи говорят, что у меня мало шансов выжить.

Он закивал, и затем все его тело начало дрожать. Нет. Он трясся, он плакал. Я подавила свой внутренний страх и бросилась к его ногам, чувствуя, как больно стерла свои колени о ковер на полу. Мне было плевать на все, кроме Вона, который бросил бумажки на пол и закрыл лицо руками, не желая, чтобы на него смотрели.

Я обняла его, стараясь облегчить его боль, и он позволил мне сделать это. Его руки обняли меня и прижали к кровати так сильно, что я почти испытала боль. Своей влажной щекой он прижался к моей шее и щеке, а затем поцеловал меня еще более страстно, чем в тот день под дождем. Поцелуй был таким влажным и прекрасным, что мне захотелось большего. Мне захотелось, чтобы мы снова занялись любовью. Мне хотелось, чтобы он помог мне стереть все воспоминания от вчерашнего лечения, от сегодняшних событий, от его боли, — и я хотела для него того же. Мои пальцы изучали его разгоряченную кожу, когда он стянул с себя футболку и прилег на кровать, поднимая свои руки вверх. Его дыхание становилось неровным, как и мое.

Огромная разница между тем, чтобы держать его в своих объятиях и не держать, — и это было неприятно. По сути, я испытывала, практически, болезненные ощущения.

— Черт! — прорычал Вон, ударяя по постелу с Китти. Я вздрогнула, и прикрыла рукой свой рот, чтобы приглушить вырывающийся визг. Вскочив с кровати, я держала в руке его кулак, его взгляд был направлен на место в стене, куда пришелся удар. Мне было плевать, что там было со стеной, почему он так о ней беспокоился?

— Прости, Блу, — и после этих слов он выбежал из комнаты. Я звала его и плакала, но он уже выбежал из дома и сел в машину, прочь с моих глаз и, возможно, прочь из моей жизни.

Я могла прыгнуть в машину и догнать его, моля о прощении. Я могла пообещать ему подарить весь мир. Я могла сделать это, но не стала, потому что он был достоин большего. Это было необходимо ему еще с нашей первой встречи. Вону Кэмпбеллу будет лучше без меня, и именно так я и решила все оставить.

Без Вона на меня накатила волна опустошения. И мне некого было в этом винить, кроме самой себя. Я вернулась на место преступления, в свою комнату. Теперь она не выглядела как моя комната, это была комната незнакомого мне человека. Вся комната стала чужой, кроме той самой стены. Стены, на которую мы с Вонем повесили постеры. Дыра была совсем незначительной по сравнению с пустотой, которая осталась после него. Сердцевиной стены были два листочка с цитатами, которые прикрепил туда Вон. Я кричала до тех пор, пока не заревела навзрыд. Я включила стереосистему, стоящую в углу комнаты, и поставила ее на всю громкость, отчего исказились даже басы трека «Radioactive»²⁰. Я взяла свою коробку с цитатами и швырнула ее о нашу стену. Они разлетелись, как большие конфетти, накрывая пол и залетая за мебель. Я содрала постеры со стены и с рычанием разорвала их, — мой рык напоминал звериный вой, пока я не обессилила и, плача, опустилась на пол среди обрывков, которые представляли мою жизнь.

Меня кто-то обнял сзади, отчего я затаила дыхание. Я не хотела, чтобы Бенни видел меня такой. Он и так слишком много видел за свою невинную жизнь. А потом я по запаху поняла, что это был не Бенни.

— Прости меня, Блу, — прохрипел он мне в ухо на фоне музыки. Он присел за моей спиной, его тело источало тепло, и со стороны казалось, что мы обнимались перед сном. Только мы не были готовы спать, мы ни к чему не были готовы, разве что к тому, чтобы принять то, что я сотворила с нами обоими, и наслаждаться этими объятиями.

Вон, прекрасный парень, и он вернулся, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Он любил меня, хоть и думал, что не должен был; поддерживал меня, пока я выходила из полумрака своих разбитых надежд.

Я не представляла, как долго мы так лежали, но играла уже другая песня, «Demons». У меня высохли слезы, но я очень боялась пошевелиться, чтобы Вон не перестал поглаживать мою руку. Я боялась, что он встанет, увидев, что я успокоилась и уйдет, понимая, что если врачи окажутся правы, то я ничего, кроме боли, не могу ему предложить. Я знала, что без меня ему будет лучше, но не хотела его отталкивать.

Я не хотела сражаться без него.

— Вон. Мне жаль.

Он прекратил поглаживать меня. Это был конец. Он собирался уходить.

— Все-таки жаль, что ты мне не сказала, хоть я и видел, что ты пыталась. Я помню, ты дважды собиралась мне что-то сказать, и думаю, именно это ты и хотела сделать сегодня.

Я молча кивнула.

— Вчера ты проходила терапию?

— Да.

Он обнял меня крепче и спросил:

— Это был первый раз?

Я не хотела думать об этом, но он нуждался в ответах, поэтому я решила дать ему все, чего он хотел:

— Ага.

— Тяжело, да? Я хотел бы быть рядом с тобой.

Я кивнула, потому что мне тоже хотелось, чтобы он был со мной, но с другой стороны, я была рада, что он не видел меня в таком состоянии.

— Почему ты была в «СМЦ»²¹? Самое лучшее онкологическое отделение находится в Канзасе.

— Я действительно ездила в Канзас. Просто потом мне стало хуже, поэтому папа с Эйприл вынуждены были отвезти меня в Северо-западный Медицинский Центр. Там меня прокапали лекарством, чтобы тошнота прекратилась.

Вон отстранился от меня. Я знала, что так и случится и что я этого заслуживала.

Он явно думал по-другому и поднял меня с пола. Я обняла его за шею и у меня от радости чуть не навернулись слезы от того, что он предпочел тогда остаться со мной.

Мы сидели на кровати и разговаривали с закрытыми глазами, — он задавал мне прямые вопросы, на которые я давала предельно честные ответы. Да, я умирала; да, я боролась; да, у меня ничтожные шансы. И когда уже мое горло заболело от крика, плача и разговоров, он задал мне самый важный вопрос.

— Блу. Я прошел через многое со своей мамой, и честное слово, не понимаю, как, но я это пережил. Я просто очень боюсь, что мое сердце может этого не вынести; и что я подведу тебя. Я боюсь, что ты сдашься в этой схватке, и мне придется уйти, простившись с последним человеком, которого я буду любить всю свою жизнь.

Он глубоко вздохнул, и я почти заплакала, вглядываясь в глубину его глаз.

— Ты будешь бороться? Мне нужно знать, что ты будешь бороться, Блу. Что ты будешь так чертовски упорно бороться, что мы никогда не скажем друг другу «прощай».

— Малыш, я всем своим сердцем обещаю, даже нашими двумя, что буду сражаться изо всех сил, пока они у меня будут. Пусть даже небеса

падут на землю, но мы не разлучимся с тобой, пока ты сам того не захочешь. Я люблю тебя, Вон, и буду любить тебя сильнее, чем ты даже можешь себе представить.

Он взял мое лицо в ладони и заглянул в мои глаза, в самую душу, от этого я смогла прочувствовать его каждое последовавшее слово:

— Я никогда тебя не покину. Я буду сражаться за тебя, даже когда ты больше не сможешь, потому что я никогда не брошу тебя. Бог и небеса не смогут заполучить тебя, потому что ты — моя, я впервые влюбился.

— Твоя взяла, — прошептала я, прежде чем его губы встретились с моими.

* * *

Ужин получился поздним, и, хотя мальчики не хотели ничего, кроме стейков и пиццы на гриле, нам нужен был еще салат для сбалансированности. Несмотря на их возражения, я приготовила коул-слоу и овощной салат. Учítывая, как много они жаловались, я была рада видеть, что все-таки они ели с аппетитом. Я все еще боялась, что меня может вырвать, но лекарство работало. Не думаю, что я когда-нибудь смогла бы забыть то чувство, которое я испытала, когда меня рвало едва ли не собственным желудком. От такого страха мой аппетит улетучился, но я продолжала есть, потому что воспоминания о том, что у меня пусто в животе, были для меня хуже. Да и мне не хотелось, чтобы парни переживали.

Тот ужин стал самым лучшим из тех, какие у меня случались после переезда в новый дом. И дело было не в еде, а в веселье и жизни, которые мы испытали. Сидя за старым деревянным столом в окружении аромата поджаренного мяса, мы весь вечер смеялись и рассказывали друг другу истории, пока я не зевнула. Как только этот звук вырвался из меня, взгляды обоих были сфокусированы на мне, и я почувствовала их скрытое беспокойство.

Это было как дождь среди ясного дня, а хотя, нет. Я любила дождь, особенно в солнечный день. В тот раз это напомнило пасмурность, которая не отступала, — Бенни отказывался смотреть на меня, а Вон не мог отвести глаз, как будто я могла исчезнуть, если он отвернется.

— Я в порядке. Я просто устала, — взглянув на часы, я нахмурилась, потому что было только начало десятого. Ладно.

— Хорошо, признаю, что чувствую себя не самым лучшим образом, но, пожалуйста, прекратите. Мне нужно, чтобы вы оба относились ко мне как обычно. Бенни, ты мой младший брат, и ничто на букву «Р»²² не меняет

этого. Я буду раздражать тебя, проявлять чрезмерную заботу и любить, пока это не будет смотреться несуразно, и даже тогда я все еще буду тебя любить. Это работа сестры. Это моя работа и это никогда в жизни не изменится.

У меня наворачивались слезы, но мне было плевать, — я встала и крепко обняла Бенни, и когда он тоже обнял меня в ответ, у меня полились слезы, будто прорвало плотину.

— А что касается тебя, — обратилась я к Вону через плечо Бенни, когда он ослабил объятие, — ты должен мне пообещать, что больше не будешь смотреть на меня таким взглядом, будто я вот-вот сломаюсь.

— Пас.

Что?

— Здесь не получится использовать пас, Вон. В данном вопросе пас не работает.

Бенни встал из-за стола, взял свою тарелку и пошел в кухню, оставляя нас с Воном, чтобы мы поговорили. Хотя ему и было всего десять, но он вел себя старше своих лет.

— Блу, на нашем пути будет еще куча раз, когда я воспользуюсь правом на пас, и тебе это будет не нравиться. Я сделаю все ради тебя, и как бы нам обоим не было больно это говорить, есть вещи, над которыми я не властен. Мне нужен этот пас, потому что я люблю тебя, и мне больно видеть, как ты страдаешь, — он взял мои руки в свои. — Мне нужен этот пас, потому что не важно, как долго я буду стараться оставаться упорным и сильным ради тебя, у меня не всегда будет получаться скрыть свою боль.

— Черт, — я бросилась к нему в объятия, от чего мы оба чуть не упали со стульев. Я любила Вона и правда-правда переживала от мысли, насколько сильно его не заслуживала, и все же он был рядом и любил меня все так же. — Я так сильно тебя люблю. Я не хочу, чтобы ты проходил через это.

— Я не хочу этого и для тебя. Однако, похоже, что Бог нас испытывает.

Я отстранилась от него, держа свои ладони на его груди, и заглянула в его глаза, которые буквально сверкали от волшебных искорок вокруг зрачка.

— Ты в него веришь?

Он на секунду нахмурился:

— В кого? В Бога?

— Ага. Ты веришь в Бога?

Он сделал глубокий вдох и посмотрел так, будто он только что впервые об этом задумался. Хотя, как я знала по опыту, такой вопрос

задают себе, когда сталкиваются с бедой. А Вон столкнулся с самой большой бедой; должно быть, он много раз задумывался о существовании Бога, а может и молился ему, просто на всякий случай.

— Не знаю, Блу. Когда-то, думаю, да, верил. Мама брала меня в церковь, так что каждое воскресенье я выглядел, как хороший католический мальчик. Я посещал воскресные религиозные занятия вместе со всеми детьми, и считал существование Бога и его заботу о тех, кто делает добро и верит, как само собой разумеющееся. А потом мама заболела раком и я его возненавидел. Я так сильно его ненавидел, что даже признался ему в этом. Я отправился в его обитель, где мы восхваляли его и молились, и сказал ему, что ненавижу его.

У меня защемило в сердце, когда я представила его, плачущим от боли и взывающим к Богу о помощи. Его ненависть была именно такой, в форме крика. В тот день Бог его не услышал. Он не услышал и меня, когда я делала то же самое после того, как мама не вышла из комы.

Вон продолжил, а я старалась оставаться сильной ради него:

— Затем ненависть к нему переросла в ненависть ко всем людям. А потом я понял, что если бы Бог, о котором я узнавал, и вправду существовал, то он бы не забрал у меня маму, оставив меня в одиночестве. Думаю, сейчас я произношу его имя только по старой привычке.

Я сдерживала слезы и дрожь, хотя чувствовала, что была на грани. Я протянула руку и погладила его по щеке, чтобы он понял, что это было воспоминанием, а не настоящим.

— Впервые, Вон, я не чувствую себя одинокой. По-моему, впервые.

Его глаза затрепетали, когда он понял мои слова, значение чего я сама только что осознала.

— Вон, Бог не бросал нас одних, он привел нас друг к другу. Он существует. Он дал мне шанс быть с тобой и потому я знаю, что в итоге я все равно этого добьюсь. Я чувствую это здесь, — сказала я, ударив себя в грудь и веря каждому слову. — Я буду жить, потому что мы нужны друг другу, потому что мы так сильно любим друг друга, что наша любовь убьет нас обоих ради этой цели, а это будет слишком большой ценой.

— Надеюсь, ты права, Блу. Надеюсь, ты права.

— Я знаю, что да. Впервые я знаю это.

Бенни вернулся, держа в одной руке пирог, а в другой три вилки и баллончик со взбитыми сливками под мышкой.

— Не знаю, что ты там знаешь, — сказал он, — но я знаю, что настало время для пирога.

Мы с Воном рассмеялись и он, взяв меня за руку, сказал:

— Я знаю, что для пирога всегда есть время.

Мы прикончили почти весь яблочный пирог, когда Бенни посмотрел на меня. Проглотив содержимое набитого рта, он спросил:

— Почему они называют это большой буквой Р?

Я бегло взглянула на Вона поверх плеча Бенни и, прежде чем положить вилку на стол, откинулась на спину и посмотрела в глаза своего маленького брата. Я успокаивающе улыбнулась, надеясь, что он это почувствует.

— Ну, так называют болезнь, которая у меня, потому что некоторые боятся говорить об этом или слышать.

— Как Волан-де-Морта в «Гарри Поттере»?

Я видела, как за спиной Бенни улыбнулся Вон, я тоже стала улыбаться шире несмотря на беспокойство моего брата.

— Точно, именно так. Думаю, они боятся, что если просто сказать это слово или его имя, то это повлечет за собой опасность для них самих.

— Это глупо!

Вон усмехнулся:

— Я согласен, бро.

Бенни оглянулся на Вона, который в ответ подмигнул ему.

Бенни снова посмотрел на меня и, поджав губы, спросил:

— Так это поэтому папа ненавидит это слово?

У меня заболело в груди от понимания того, что Бенни чувствовал напряжение, исходящее от отца.

— Отчасти.

— Ладно, а почему мы не называем это каким-то другим словом, к примеру... Лоракс?

— Это кино. Нельзя называть рак именами персонажей из детских мультфильмов. Однако это блестящая идея. Мы могли бы называть его...

— One Direction! — с энтузиазмом сказал Вон, отчего я чуть не задохнулась, а Бенни захихикал.

— Вон, мы не будем называть мой рак, используя название мальчишеской группы, которую обожает треть девочек-подростков во всем мире.

— Хорошо, — сдаваясь, простонал он. Выглядел Бенни тоже понуро, отчего я рассмеялась.

— Как насчет Франкенштейна? — предложила я.

— Франкенштейн? — проскулил Вон, а Бенни скривился.

— Ага, ну ладно вам. Звучит так, будто ты не можешь победить его, но в силах это сделать. В большинстве случаев он бывает неправильно понят.

Это имя действительно замечательно подходит. Да и люди не будут съезживаться, если вы скажете Франкенштейн.

Мой энтузиазм был сильнее, чем следовало, ведь я обсуждала болезнь, которая так сильно пугала. Но дело было в этих двух мальчишках. Они привнесли свет в мою темноту, и я любила их до чертиков.

Вон посмеивался себе под нос, его голова тряслась, и это было заразно. Я тоже засмеялась, хотя даже не знала, над чем.

— Что?

— Фрэнки внутри тебя.

— О Бог мой, — я не могла поверить, что он дошел до такого.

— Фууу. Чувак, это моя сестра.

— Прости, бро, — захохотал Вон. — Не сдержался.

Я протянула руку и шлепнула Вона по руке.

— В следующий раз старайся лучше.

— Да, — добавил Бенни с легким отвращением. — Старайся изо всех сил, потому что теперь лечение нужно мне. Много-много курсов терапии.

* * *

Я так устала; никогда в жизни не чувствовала себя настолько уставшей. Вон отправил меня в душ, пока они убирали со стола. Я возразила, но лишь слегка. Не думаю, что меня теперь смогут допустить до обыденной хозяйственной работы. Когда я вышла из ванной, Бенни уже пошел спать, и хотя он этого не признает, ему понравилось, когда я зашла к нему и поцеловала его в лоб, пожелав ему спокойной ночи. Так обычно делала наша мама, когда мы были детьми. Теперь так делаем мы.

Он был уставшим, однако проснулся, и обычно я бы тихонько его чмокнула разок и ушла. Но не в тот вечер. Тогда я заметила его обеспокоенность и прошептала на ушко:

— Я знаю, что со мной все будет в порядке. Будет непросто, но мы пройдем через это. Я никуда не уйду. Понял?

Неожиданно он обвинил своими худенькими ручками мою шею, отчего я почти заревела, — ведь это было на него так непохоже. Открытые проявления любви сестры всегда воспринимались в штыки, так что его реакция была очень-очень необычна. Она показала, насколько он был тронут.

Он расцепил руки так же быстро, как и обнял, а я продолжила смотреть на его закрытые веки, пока он не махнул мне на прощание рукой. Его молчание говорило о том, что момент наступил и прошел, и что мне пора уходить. Но я знала, что он любит меня, а я его. Улыбаясь, я вышла и

закрыла за собой дверь, за которой, прислонившись к стене гостиной и скрестив руки и ноги, стоял Вон. Он выглядел таким сексуальным, отчего я расплылась в улыбке.

Я была уставшей, я устала. Но, тем не менее, мне не хотелось, чтобы вечер уже заканчивался. Я хотела провести время с Воном, к тому же теперь между нами не оставалось никаких преград, никакой лжи.

— Думаю, тебе тоже пора спать, — сказал он, и от его слов я почти запаниковала. Он отошел от стены и обнял меня за плечи. — Хотя сначала тебе надо высушить волосы. Я не хочу, чтобы ты подхватила простуду.

— Я не хочу, чтобы ты волновался о моем здоровье.

Он остановился у двери в мою комнату и встал напротив меня; его карие глаза полны решимости:

— Даже если бы ты не была больна, я бы все равно переживал о твоём здоровье и благополучии. Пожалуйста, не спорь со мной каждый раз, когда я выражаю свое беспокойство о тебе.

Стыдясь и смущаясь, я положила свою голову ему на грудь, он обнял меня и поцеловал в макушку. В мою мокрую макушку.

— Ты останешься?

Я забралась к нему на руки, когда он указал мне на комнату. Я любила его силу, и я имею в виду не только его физическую силу, но и эмоциональную. Он великан с гигантским сердцем. Я поняла это в первый же день... Боже, на самом деле, это было не так давно, а мне казалось, что мы были вместе целую вечность.

— Ты ведь знаешь, что завтра начинаются выходные в честь Дня труда, да? — спросил он.

— Ага. Мы планировали, что эти выходные я проведу, чтобы восстановиться после первого курса лечения, перед тем как вернуться в школу, а потом в конце недели будет следующая доза лекарств. Мы подумали, что большинство детей оформят на пятницу выходной, на случай если кто-то уезжает на все праздники, и мое отсутствие не будет заметным.

Он донес меня до кровати, и я прилегла на его руку в той же позе, что и в первую ночь в кузове его грузовика, только между нами уже не было никаких преград, — я могла трогать и гладить его живот и грудь; я могла делать все, что мне нравилось, и назад пути уже не будет.

Некоторое время мы молчали, но я знала, что у него было что-то на уме, однако решила подождать, пока он будет готов. Слегка испугавшись, я ждала и думала, вдруг он пожалел, что остался. Интересно, будет ли когда-нибудь ситуация, когда у меня не останется выбора, кроме как использовать

пас, который казался смешным после того, как из мешка достали кота. Тем не менее, я думаю, что всегда будут моменты или ситуации, когда лучше не озвучивать свои мысли из-за страха причинить боль любимому человеку. Поэтому я решила придержать эти пасы на всякий случай.

— Я не могу остаться до утра, мне надо рано вставать. У меня есть кое-какие дела на завтра. Винни попросила меня помочь с установкой шатра и места для готовки на время пикника и выходных. Каждый год в субботу она печет пироги на вечеринку с мороженым. В этом году они будут продавать их на благотворительном аукционе, а потом будут смотреть кино на улице.

— Вау. Звучит здорово. Я бы с удовольствием сходила.

Вон снова поцеловал меня в макушку. Не думаю, что когда-нибудь мне надоест это простое проявление любви.

— Я заеду за тобой попозже утром, но как насчет того, чтобы нам не ехать на пикник. Сейчас ты истощена, а если ты хочешь еще повеселиться в будущем, то на данный момент лучше притормозить. Моя мама поняла это уже поздно.

Было очень грустно слышать отголосок боли в его низком голосе, когда он говорил о болезни своей матери, и я понимала, что сейчас это напоминало ему о скоротечности моей жизни.

— Мы можем устроить свой пикник здесь, и в таком случае ты сможешь лучше восстановиться.

Я хотела заспорить, но он, предвидя мое несогласие, продолжил:

— В субботу ты можешь поболеть за меня и Бенни в поедании пирогов, а потом попробовать мой пирог и мороженое на вечеринке, чтобы меня не вырвало от переедания. После этого мы посмотрим кино на улице. Я действительно хочу провести этот день с тобой, и, думаю, Бенни это тоже понравится.

Одна мысль обо всех мероприятиях, в которых мы участвовали за последние пару дней, приводила меня в возбуждение и усталость. Мне нравилось его желание, чтобы с нами был Бенни, и мне нравилось, как этот город был ориентирован на потребности общества.

— Мы можем сыграть в вопрос-ответ? — спросил он уже серьезно.

Я так и знала. Что-то занимало его мысли, и он не знал другого способа, чтобы спросить меня.

— Конечно. Ты начинаешь.

Я хотела выяснить, о чем шла речь, и выяснить это прямо сейчас. Давай уже сорвем эту чертову пелену.

— Что не так с твоим отцом? То есть, я понимаю, что он потерял и

скорбит по твоей маме, которая не понимает, что происходит с ее семьей. Но его дочь больна. Его сын напуган. Вы оба в нем нуждаетесь.

Все было не так плохо, как я думала, однако у меня было ощущение, что он не закончил.

— Он ведет себя так со дня аварии. Он чувствует вину, и, я подозреваю, ему трудно смотреть на нас и понимать, что он совершил ошибку, которая отняла у нас маму. Я сразу же его простила, но ему не нужно прощение, ему нужна вторая половинка.

— Я могу понять.

— Я тоже, — вздохнула я.

Вон перекатился на бок и слегка поерзал в постели, придвигаясь ко мне поближе. Мне казалось, что такая поза нравилась мне больше. Я могла видеть его глаза и хотела его поцеловать, но мне хотелось, чтобы он узнал моего отца лучше.

— Папа действительно любит нас. Ему приходится много работать из-за растущей стоимости медицинских счетов, как моих, так и маминых, — поэтому на самом деле его отсутствие это и моя ошибка. Ты же знаешь, он был со мной все эти дни, хотя я и сама имела право принимать решения относительно своего лечения. Он был рядом со мной, несмотря на то, что ему было больно смотреть и страдать еще больше, потому что, опять же, он никак не может мне помочь.

— Я это тоже понимаю.

Я кивнула.

— Твоя очередь.

— Почему тебе не нравится твоя мачеха?

— Разве я говорил, что не нравится?

— Нет, но тот факт, что ты не ответил, говорит сам за себя.

Он закрыл глаза и вздохнул:

— Я не испытываю к ней ненависти. Я не испытываю к ней никаких чувств. Она — жена моего отца. Вот и все, и ничего больше.

— Мне кажется, здесь что-то большее.

У него дрогнула щека, и я поняла, что была права.

— Она никогда не сможет стать ею. Она не моя мама, несмотря на попытки ею стать, и я ненавижу это. Она — мать Люка, не моя.

— Она когда-нибудь просила тебя называть ее мамой?

— Нет. Но я знаю, что она этого хочет, и отец тоже.

Я нежно улыбнулась, поскольку впервые увидела в нем маленького мальчика, который на самом деле хотел называть ее мамой, который хотел маму, как все остальные дети, хотя, возможно, считал это предательством

по отношению к матери, которую он потерял.

— Знаешь, я уверена, что твоя мама не стала бы возражать; на самом деле она хотела бы, чтобы ты был счастлив и твоя жизнь была наполнена любовью. А твоя мачеха просто хочет любить тебя, как мама.

— Не думаю. Я считаю, что это просто одна из тех несправедливостей в жизни. У меня нет матери, вот и все. Что у меня есть, — это отец, который разочарован тем, что его сын бросил футбол из-за умирающей мамы, который ненавидит, что я выбрал жизнь, не связанную с колледжем и карьерой, — которую он для меня выбрал. У меня есть мачеха, которая сейчас едва появляется дома, потому что она чувствует дискомфорт из-за меня. Мои единственные кровные родственники живут на другом конце страны, и их беспокоило лишь то, что после оплаты медицинских счетов, они не получили ничего в наследство от мамы, — мы оба сделали вдох, чтобы перевести дух. — Все, что у меня есть — это двое бабушек и дедушек, которые формально мои и продолжают ухаживать за теплицей моей матери, пока я заканчиваю школу. У меня есть лучший друг, секретов у которого больше, чем в Коде Да Винчи, сводный брат, который предпочитает жить во лжи, и еще у меня есть ты, и я чертовски боюсь потерять это, что почти задыхаюсь.

Его откровения ранили меня, и все, о чем я могла подумать, чтобы сделать для него, — это поцеловать. Я поцеловала так любяще, так отчаянно, что, когда отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза, то задыхалась. Мне просто нужно было вытащить нас обоих из чувства отчаяния, прежде чем мы оба в нем утонули бы.

— Твоя очередь, — сказала я, задыхаясь.

— Где он? Твой рак. Он у тебя в паху? Я помню, ты говорила, что ударялась тем местом.

— Знаешь, почему я позволила тебе в это верить. Да, он у меня в паху, но он распространился на позвоночник и затронул почки.

Он вздрогнул, поэтому я взяла его ладони и приложила их к своим губам.

— Все в порядке, Вон. Я намерена бороться, помнишь?

— Я не знал, насколько все плохо. Я не знал...

— Я не предполагала, что ты будешь знать. Даже врачи не знают, а они прошли самую лучшую подготовку в этой области. В течение нескольких недель я буду проходить интенсивное лечение, пока рак не уменьшится достаточно, чтобы я могла увеличить интервалы между процедурами. Это будет самым трудным, с чем мне придется столкнуться в жизни, но в последнее время, после встречи с тобой, я стала сознавать, что внутри меня

есть то, что я должна победить.

Он кивнул, мне было странно видеть его не таким идеальным героем, каким я его представляла. Я бы охотнее хотела видеть, что он понимает реальность моего состояния, прежде чем это причинило бы ему непоправимую боль. Пока еще было не слишком поздно попытаться избежать всего этого. Я имею в виду, что мне не хотелось, чтобы он уходил от меня и от наших отношений, но я не была настолько эгоистичной сукой, чтобы заманить его в эту самую жизнь, которую он не хочет, потому что он был мне нужен.

— Ты передумал? — с большим комом в горле спросила я.

Он сильно нахмурился:

— Никогда.

— Тогда моя очередь, — сказала я.

— Эээ. Я уверен, ты только что это сделала, — сказал он с ухмылкой, а мне пришлось задуматься, как это было возможно, но он был как всегда прав.

— Ну это не считается, ты же знаешь.

Пожав плечами, он ответил:

— Но это же был вопрос?

— Ага.

— Тогда моя очередь.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторил он. — Ты боишься щекотки?

— О нет. Пас, пас, пас.

Но опять же он не воспринимал мои пасы. Seriously, они становились бесполезными, раз он собирался их просто игнорировать. А потом я потерялась в собственных криках и смехе от его профессионально щекочущих пальцев.

Глава 12: Помощь

«Губка Боб, ты теперь мужчина, пора бы уже и вести себя соответствующе».

Патрик

Вон

Вероятно, все может пройти не очень хорошо, но я должен попробовать. Ради нее. И, возможно, ради себя тоже. Я не знаю. На самом деле, в последнее время я уже ничего не знал. Но мне было нужно, чтобы она была счастлива и поправлялась, потому что я точно знал, что не пережил бы ее утрату.

Постучав в его дверь, я сделал глубокий вдох, который был, должно быть, самым неуверенным в моей жизни. Я себя чувствовал так, будто готовился к драке, причем ощущения были хуже, чем в тот день, когда в средней школе должен был встретиться с Максом Джонсоном у дуба после уроков.

Будь мужиком, ради всего святого. Если уж она могла бороться с Франкенштейном, то и ты можешь поговорить со своим отцом, ты, говнюк.

Отец, слегка нахмурившись, открыл дверь. Его секретарша Трейси заглянула к нему, поэтому, безусловно, он успел озадачиться, в какие неприятности я влип. Он не понимал, по какой еще причине я мог заявиться к нему, — в последний раз я приходил туда и вел себя как тупица, узнав, что он продал дом мамы. Тогда это стоило ему нового окна, а мне — наших с ним отношений.

Это было тогда. Теперь же я собирался дать ему возможность прекратить вести себя как мудака и помочь мне в одном добром деле. В эпохальном деле. В эпическом.

— Мне нужна твоя помощь, — и я сразу заметил его разочарование. Такую реакцию я мог распознавать профессионально. И если бы дело не касалось Блу, то я бы тут же ушел прочь.

— Она не беременна, у меня нет проблем с законом и школой. Это личное.

Отец изменился в лице, а затем его выражение стало таким, каким я его еще не видел. Если я не ошибался, это выглядело как беспокойство, к тому же он присел на край своего стола, а не за него.

— В чем дело?

— Блу Харпер, она больна, серьезно больна. Я понимаю, между нами и так достаточно дерьма, с которым нужно разобраться, но мне нужно, чтобы мы отложили пока все это ради чего-то более важного. Отец, мне нужна твоя помощь.

Наступила гробовая тишина, а потом отец подорвался со стола и направился к выходу. Мне следовало бы получше подумать, прежде чем идти к нему ради нее. Он ясно показал, как относится к ней и ко мне, но все-таки я должен был попытаться.

Стоп. Он взял свое пальто.

— Пойдем, сынок. Давай выпьем горячего чая с кусочком твоего любимого пирога, и ты мне расскажешь, в чем она нуждается, а я сделаю все, что в моих силах.

Я не боролся с улыбкой или чувством гордости по отношению к отцу, к которому, как я думал, я никогда не буду испытывать ничего кроме

ненависти или тоски. Отец улыбнулся мне, а мне по-настоящему захотелось его обнять; не ради себя, а ради Блу.

— Спасибо, отец.

Кивнув, он повел нас на улицу и, впервые с тех пор, как я узнал, что Франкенштейн одолевал мою девушку, я почувствовал, что действительно смогу ей помочь, и это меня окрыляло.

* * *

Обед с отцом прошел лучше, чем я надеялся, и отношения между нами стали тоже лучше, это обнадеживало. Я не знал, как отреагирует Блу, но это будет ей на благо.

Это означало, что мне придется отказаться от своей свободы; отказаться от наших ночей, — я был готов идти на это всю жизнь, лишь бы это дало ей то, в чем она нуждалась.

— Вон, голубчик, ты в порядке? — вопрос Винни оборвал мои мысли, и я чуть не уронил два ящика с чаем, которые должен был отнести в прохладное помещение, где стояла сеноуборочная машина.

— Что?

Она нахмурилась, отчего на ее загорелом лице появились складки, которые мне редко доводилось видеть.

— Ты выглядишь обеспокоенным и слегка растерянным.

Большим пальцем она смахнула прядь волос с моего лица, которое уже успело вспотеть. Мне придется зайти домой и принять душ, прежде чем идти к Блу.

Она вздохнула, и я почувствовал его приближение, — предупреждение, которое полезное и, тем не менее, излишнее. Я понимал наши шансы. Понимал, что со мной произойдет, если все полетит к чертям. Мы с Блу собирались бороться с этим, и хотя Харпер и Винни верили в Бога и его чудеса, я не разделял их веры. Я перестал верить в Бога давным-давно, — после того как Он перестал верить в меня, мою жизнь и мое счастье.

— Я переживаю за тебя. Мы все переживаем за тебя и то, что ты делаешь с той девушкой.

— Я люблю ее, Винни. Ради нее я сделаю все. Что в этом плохого? — спросил я, поставив корзину на козлы и вытирая пот с лица рукавом своей футболки. Я чувствовал, как во мне нарастало возмущение, которое мне не хотелось выливать на Винни, но ей следовало понять, что я не сдамся лишь потому, что боялся до смерти... вернее, смерти.

— Я знаю, что ты ее любишь, сладкий, и знаю, что ты будешь рядом с

той девушкой, но за ней по пятам идет смерть. И я боюсь того, что может случиться с тобой, если она ее догонит.

— Боже...

— Не произноси Его имя всуе. Мы с твоей мамой не так тебя воспитывали.

Я опустил голову и закрыл глаза, устыдившись, что повел себя с ней неуважительно, в то время как она заботилась о моем благополучии.

— Прости.

Она взяла меня за подбородок и приподняла мою голову. Ей было нужно лишь немного приподнять, потому что она была крошечная по сравнению со мной, даже меньше чем Блу.

— Милый, ты причиняешь себе боль. Мы все это понимаем, и я пытаюсь сказать, что ты сам должен это понять. Признать это, чтобы ты мог с этим справиться. Иначе эта боль останется и будет поедать тебя изнутри, как ржавчина. Понимаешь?

Я понимал, поэтому кивнул в ответ. Ей хотелось, чтобы я владел своими чувствами, а не прятал их в надежде, что никогда больше их не испытаю. Я уже проходил через это. Подобное я уже слышал от мамы, но до сих пор недостаточно хорошо это понимал. Если я буду заглушать в себе чувства и не признаюсь сам себе в том, что может произойти, то вся эта херня просто навсегда поглотит меня.

— Я люблю ее, — у меня перехватило дыхание. Я чувствовал себя, как конченная плакса, вокруг которой суетился народ и деловито собирал разное дерьмо для праздника. Винни уже видела меня плачущим, — я подумал, что для меня это было полезно с медицинской точки зрения, а для нее — увидеть, что я что-то чувствую, невзирая на людей вокруг.

Она крепко обняла меня своими крошечными руками, и несмотря на свою миниатюрность, в ней заключалось невероятное количество любви и тепла. Я полагал, что дело было в ее южном характере, потому что я не знал никого подобного ей. Я боялся сломать ее щуплое тельце и потому сдержал себя, чтобы не обнять ее с таким же усилием; само чувство, что тебя любят и заботятся, было прекрасным. Так много всего происходило и случилось в моей жизни, но Винни всегда была рядом и утешала меня объятиями. Честное слово, своей жизнью я был обязан ей.

Она отодвинулась от меня и заглянула в мои затуманенные глаза, которые я промокнул футболкой, и в очередной раз вытер лицо.

— Милый. Мой папа всегда говорил мне, что мужчина никогда не плачет, — она вытерла остатки влаги с моих горячих щек и улыбнулась. — Это так, пока речь не заходит о чем-то важном, что заслуживает твоих слез.

Я улыбнулся в ответ:

— Твой отец был мудрым человеком.

— Да. А еще он был тем еще болваном.

Она игриво пошлепала меня по щеке и направилась к миссис Абернети. Все еще улыбаясь, я продолжал наблюдать за ней, и видел пожилую женщину, которая так много увидела и пережила в своей жизни.

Я покачал головой и снова поднял ящик. Это была моя последняя ходка к вечернему мероприятию, потом я мог принять душ и заехать за Блу и Бенни. Вообще-то я с большим нетерпением ждал того выходного. Нам всем нужно было немного повеселиться.

Когда я вошел в помещение с сеноуборочной техникой и поставил ящик к другим девяти, которые отнес сюда ранее, меня заметил мэр Джексон и направился в мою сторону. Внутри было очень прохладно и свежо, но я слышал, что меня звал мэр, который стоял снаружи у морозилки с мороженым.

Это было не к добру. Последний раз мы встречались, когда он ругал меня за вечеринку на кукурузном поле Крамера. Сильный порыв ветра подхватил пламя с костра и выжег часть поля. Кожа старика Крамера всегда была красного оттенка от чрезмерного пребывания на солнце и выпивки. Я и не думал, что он мог быть покраснеть еще больше, но полагаю, в ту ночь он был на грани. Он был так зол, что мы могли переусердствовать и сжечь его средства к существованию ради какой-то подростковой вечеринки. Большую часть удара взял на себя его сын Джуниор, за что я ему посочувствовал. Я был на его месте кучу раз. И по этой причине, я посоветовал старику Крамеру и мистеру Джексону, мэру Олбани, Миссури, расслабиться, ведь это был несчастный случай.

Скажу прямо, с тех пор я был у них обоих не на лучшем счету.

Я закрыл за собой дверь и заметил, что мэр Джексон мне улыбался. Черт возьми, я едва не упал от этого. Этот человек никогда не допускал улыбки в мой адрес; и лишь однажды он выдал из себя нечто, смахивающее на жалостную улыбку, стоя по ту сторону от гроба моей мамы. Его улыбка в мой адрес обычно была жеманной, но в тот день, готов поклясться, она казалась искренней.

— Вон, рад застать тебя здесь. Я говорил с твоим отцом, и он подкинул мне идею, которую, как мне кажется, поддержит сообщество, и которую оценит семья твоей девушки.

От упоминания о моем отце и Блу в одном предложении у меня бешено забилося сердце, причем это сказал человек, которого я почти не знал.

— Что же это будет, сэр?

Он ухмыльнулся и протянул руку:

— Пойдем, сынок. Давай выпьем чайку и поболтаем.

Боже, я собирался пить чай с мэром, и хотя он всего лишь обычный человек, я бы никогда в жизни не подумал, что кто-то его уровня станет переживать и пить чай с кем-то вроде меня.

— Да, сэр.

Он снова усмехнулся и покачал головой:

— Хватит называть меня сэр. Зови меня Сэмюэль.

Я внутренне рассмеялся, услышав, что имя нашего мэра — Сэмюэль Джексон. Я опасался узнать его второе имя на случай, если оно начиналось с буквы Л, потому что, если кто-нибудь однажды назовет его Сэмюэлем Эль Джексон, я могу уписаться от смеха.

Однако в тот день я пошел за ним до скамейки в углу, куда Макс принес нам обоим сладкий чай, а потом мэр Сэмюэль Джексон стал рассказывать мне свое предложение.

К тому времени, когда мы оба допили чай, я понял, какими же крутыми были он и мой отец, раз сделали это для меня и для Блу. Возможно, потом она возненавидит меня, будет смущаться, потому что ей нравится затеряться в толпе, но я всегда буду делать то, что будет лучше для нее и Бенни.

Я пожал ему руку, и впервые за долгое время почувствовал любовь людей, стоящих за мной. Я не знал, возможно, они всегда были рядом, но я никого не подпускал к себе. Но я знал, что теперь был не один и, что более важно, семья Блу была тоже не одинока. Должно быть, они начали испытывать одиночество, попав в мое захолустье, однако теперь почувствуют себя частью общества, а этого, как я знал, Блу давно хотела.

Я и не догадывался, что то волнение, какое я обычно испытываю перед встречей с Блу, могло быть более сильным, — меня всего трясло от нетерпения, когда я парковал свой грузовик на ее дворе. У меня было так много секретов, хороших секретов, и все они исполнятся уже на следующий день. Тогда же, было самое время, чтобы расслабиться, перекусить, выпить сладкого чая и почувствовать себя частью чего-то большего. Я еще не дошел до входной двери, как на меня накинута Бенни с криками ковбоя. Это было так мило, что у меня защемило в груди. Затем на залитое солнцем крыльцо вышла Блу, одетая в джинсовые шорты, черный топ с какой-то полосой на нем и в конверсах, ее волосы были распущены и переливались на солнце.

Она спросила, что ей надеть, чтобы не выделяться в толпе, и я

предложил ей не переодеваться, — то, в чем она была, было для нее удобным, к тому же милым и сексуальным нарядом. Она не могла выглядеть еще более похожей на дитя города, и я вдруг понял, что смог бы дать ей еще кое-что, чтобы это изменить.

— Поехали, мне нужно кое-куда заехать перед тем, как поедem на площадь.

Бенни запрыгнул в мой грузовик, в то время как Блу, казалось, сильно замешкалась и одарила меня дерзкой улыбочкой:

— Мило.

Она засмеялась и прошагала мимо, поглядывая на него краем глаза.

Что, захотела поиграть? Я развернулся на месте и подскочил к ней, отчего она завизжала и побежала к машине. Но я оказался быстрее. Я бегал лучше всех; это получалось у меня лучше всего. Она не успела даже добежать до машины, как я обхватил ее за талию и поднял над землей. Ее визг и хохот заполнили мое сердце и раздавались вместе с моим смехом.

Я любил ее смех. Мне нравилось, когда наши тела соприкасались, а ее волосы касались моего лица. От нее исходил фруктовый аромат, и я не мог с собой ничего поделаться, кроме как вдыхать ее запах. Когда она успокоилась, я понял, что она почувствовала между нами перемену, — будто создалось статическое электричество. У нас не было секса с той первой ночи, и от вида ее тела я уже мог чувствовать нарастающую внутри меня потребность. Черт меня подери. Я не мог разгуливать по улицам со стояком, поэтому оттолкнул ее, чмокнув в макушку.

— Залезай в грузовик, пока я тебя в него не затащил сам, и мне будет все равно, что твой младший брат сидит внутри и ждет нас.

На миг у нее перехватило дыхание, и она замешкалась, но потом, опустив глаза, направилась к машине. Возможно, мне не следовало бы так делать, особенно на глазах у Бенни, но, черт возьми, она чуть не ввела меня в искушение. От осознания того, что Бенни был там, мое тело стало расслабляться, и я начал концентрироваться на том, в чем нуждались они, а не на своих желаниях овладеть ею. Я стал задумываться о том, что каждый день, который я проводил с ней, я вел себя не лучше какого-то мудака.

Харпер Кеннеди спасла меня, хоть и не знала об этом.

* * *

Когда мы подъехали к «МФА»²³, Бенни и Блу вопросительно посмотрели на меня.

— Идем. Нам нужно кое-что прикупить, чтобы вы стали похожими на такого же деревенщину как я.

Раздался смешок Блу:

— А мы, правда, хотим стать такими деревенщинами как ты?

— Я хочу, — восторженно сказал Бен, выглядывая между мной и своей сестрой, и я протянул свой кулак, чтобы стукнуть им об его, а после взъерошил его волосы.

— Как и твоя сестра, чувак, она просто не хочет признавать это, потому что девочкам нравится разыгрывать из себя недотрог. Ну а от тех, кто так не делает, ты, возможно, должен держаться подальше.

Блу вздохнула и закрыла своими руками уши брата, который усиленно сопротивлялся.

— Не разговаривай с ним так. Ему всего десять.

— Вот именно, — сказал я, — Он поглядывает на девочек и должен знать, как цеплять их.

— Нет, — повторила она, качая головой.

— У меня есть девушка, — наконец ответил Бен, отталкивая руки сестры от своей головы, — я не восьмилетний или что-то вроде того.

— В каком смысле у тебя есть девушка, Бенни? — завопила Харпер, и я не мог перестать смеяться, получая убийственный взгляд.

— Она пригласила меня на свидание на мой третий день в школе, и я сказал «да». Мы вместе обедаем.

— Боже мой. А папа знает?

Он вздохнул, и я сразу все понял, как и Блу, она извинилась и сделала глубокий вдох.

— Я знаю, что ты становишься старше, Бенни. Просто я была шокирована.

— Более шокирующе то, что у меня появилась девушка быстрее, чем ты стала встречаться с Воном, — пропел Бенни.

Я не мог остановить смех, который рвался из моей груди и рта. Мне было плевать на все убийственные взгляды, свирепо смотрящие в мою сторону. Это, черт возьми, было смешно.

— Перестаньте, ребята, — сказал я торопливо, открывая дверь грузовика и выходя из него, — Питерс скоро закрывается, потому что хочет пойти на пикник. Вылезайте из этого грузовика или вы все пропустите.

Блу что-то промямлила, что я не расслышал, но Бен хихикнул и вылез с другой стороны кузова, встречая меня у входа.

Я взял руку Блу, и она улыбнулась, смотря на витрины магазина и затем на меня. Она хотела спросить меня, я это заметил. Она хотела знать так отчаянно и видеть мою взволнованность, что только интриговало ее сильнее. Бенни вошел через передние двери, и я поймал их, прежде чем

они закрылись. Он был таким мальчишкой ко всему, чему ни прикоснулся бы: инструменты, прутья, седла; наконец он нашел стеллаж со шляпами и схватил большого, черного «стэтсона»²⁴ и надел на голову.

— Харпер. Вон. Взгляните.

Мы оба засмеялись, я взял шляпу поменьше с верхней полки и надел на его голову.

— Так намного лучше.

— Я хочу такую шляпу, — проворковал он, и я знал, что они не могут ее себе позволить, но сегодня за все платил я.

— Она — твоя.

Харпер облизнула и прикусила губу, и я коснулся ее своим большим пальцем, тряся головой. Она прекратила, потому что знала, как это на меня действовало. Она нервничала из-за моего подарка, но я однажды тоже был маленьким мальчиком и все, чего я хотел, была ковбойская шляпа, прямо как эта.

— Я плачу, — подтвердил я, — и потом ты можешь пойти и помочь мне в теплице. Я даже научу тебя водить трактор.

— В самом деле?

— Да, в самом деле. И позже я отведу тебя на тракторные гонки. Здесь этому придают большое значение.

— Реально?

Я рассмеялся над его восторженностью и скудным словарным запасом.

— Да, чувак. Реально.

— Харпер. Я собираюсь научиться водить трактор и пойти на тракторные гонки, и помочь Вону.

Она крепко обняла его, и я увидел, что на ее глазах выступили слезы. Даже осознание того, что это были слезы радости, заставляло меня испытывать боль.

— Как замечательно. Ты выглядишь, как настоящий ковбой. Мне это больше нравится, чем тот хулиганский вид, с которым ты возвращался в Сиэтл.

— Мне тоже, — повторил Бен, с улыбкой глядя на себя в зеркало и поправляя свою шляпу. Я так рад, что решил сделать это. Я почувствовал себя счастливее, видя, как она отреагировала на подарок, поэтому не мог дожидаться момента подарить и ей что-нибудь.

— Твоя очередь, — сказал я, беря ее руку.

— Мне ничего не нужно. Того, что ты сделал для Бенни, более, чем достаточно.

— Конечно же, нет. Теперь пойдём, — я повел ее в сторону

охотничьих курток, оставив ненадолго Бена любоваться собой в зеркале. Я прошел через отделы термобелья и леггинсов и остановился рядом с ботинками.

— Возьми пару.

— Ковбойские сапоги?

Я засмеялся:

— Ну да, это женские сапоги.

— Ты покупаешь мне сапоги?

— Ты сказала мне, что хочешь вписаться, так? Мне кажется, что ты можешь надеть все, что угодно с этих полок и выглядеть так, будто ты родилась здесь, стоит тебе просто надеть их.

Ухмылка медленно расплылась на ее лице, и она начала прикасаться рукой к каждой паре ботинок, глядя на них с восхищением. Она взяла пару красных сапог и прикусила губу, затем возвратила их на место и пошла к черным.

— Почему черные?

Она посмотрела на меня и пожала плечами.

— Они подойдут ко всему. Так будет разумнее.

— Ты все же хотела выбрать красные?

Она улыбнулась.

— Потому что они сексуальные. Это произошло спонтанно.

Я кивнул, взял черные сапоги из ее рук и положил их на место, беря красные.

— Какой размер?

— Но....

— Иногда бывают такие моменты, когда следует слушаться здравого смысла, но случается и так, что такие душевные порывы имеют место быть. Это, — сказал я, тряся красными сапогами, — как раз тот случай. Какой размер?

— Они моего размера. Я проверила.

— Садись.

Она сделала шаг назад и плюхнулась в мягкое кресло, прежде чем начать снимать свои кеды. Потянулась, чтобы взять у меня сапоги, но я убрал их от нее, чтобы она не смогла их достать, и покачал головой.

— Нет. Золушка никогда сама не надевала себе сапог на ножку; ее принц делал это.

— Вон, это была туфелька, а не сапог.

— В Олбани говорят, что она потеряла свой сапог. Туфельки придуманы для городских девчонок. Ты, Блу, больше не городская девушка.

Ты сельская девушка, моя сельская девушка, которая носит сапоги, — я натянул сапог на ее ногу и сжал пальцами ее лодыжку. Она покрылась мурашками, как и я. Да и как мое тело могло отреагировать иначе?

Сапог подошел идеально.

— Смотри, идеально сел. Ты — принцесса, которую я так долго разыскивал по всему королевству.

Она захихикала и бросилась мне на шею. У меня не было времени подготовиться, поэтому она сшибла меня с ног и стала зацеловывать мое лицо, между делом, посвящая свою любовь замку, единорогам и крестной фее в моем исполнении. Я смеялся вместе с ней и мы бы стали кататься по полу, если бы, во-первых, там было место, а во-вторых, не пришел Бенни и предупредил о своем отвращении к нашей открытой привязанности.

— Она моя сестра.

— Да, дружище, я знаю. Она также моя принцесса.

— Какая гадость. Это просто отвратительно. Мы можем уже идти? Я хочу показать своим друзьям мою новую шляпу.

Я засмеялся, несмотря на то, что Блу встала и начала ругать брата за его поведение. Хотя я понимал его: он был в восторге от своего нового подарка и был поражен тем, что кто-то думал, что его сестра чертовски сексуальна. Что так оно и было.

Я заплатил за товары, и мы пошли обратно к грузовику. Эти красные сапоги на ее ногах были, возможно, самой сексуальной вещью, которую я когда-либо видел. Я был рад, что она выбрала красные, и в то же время я ужасно нервничал. Парни в городе будут пялиться на нее в этих красных сапогах, и я влипну во множество неприятностей.

Мы приехали, и она занервничала, беря меня за руку, как только Бенни побежал к толпе людей с детьми.

— Не переживай. Просто многие из Олбани собираются здесь, чтобы попить освежающий сладкий чай и поесть отличную еду.

— Многие из Олбани? — прошептала она, легонько пискнув, и мне пришлось сдержать смех. Я был таким придурком.

— Да, остальные будут здесь достаточно скоро.

Она опять пискнула, и я захихикал, беря ее за руку.

— Извини за то, что я был таким мудаком. Взгляни, это небольшой городок, но люди здесь с большими сердцами. Они все тебя любят, когда встретят. Все в школе любят тебя даже несмотря на то, что я хочу ударить некоторых из них за это.

Это заставило ее рассмеяться, и я поцеловал ее в лоб, прежде чем повести ее к группе, где были наши друзья.

Глава 13: Кемпинг в убежище

«Одни люди чувствуют дождь, другие — просто намокают».

Боб Марли

Харпер

Это было неторопливое возвращение домой, и сколько бы я не сопротивлялась, я должна была признаться, что устала. Хотя я не хотела, чтобы этот день заканчивался, несмотря на то, что чувствовала себя измотанной. Какой-то замкнутый круг.

Это должен был быть один из лучших дней моей жизни и все из-за моего принца. У меня могло не быть единорогов, феи-крестной или даже замка, но у меня были красивые сапоги и мой принц, и это все, что мне было нужно.

Я была рада, что друг Бенни попросил его остаться ночевать в палатках вместе с ним. Я немного беспокоилась о его желудке после обильного количества съеденной еды и мороженого. Мы никогда не видели подобного прежде, только в Олбани. Везде стояли фургоны с мороженым; было очень много еды и графинов со сладким чаем. Никогда бы не подумала, что мне понравится чай, будь он холодным или горячим, однако я, должно быть, выпила как минимум три стакана сегодня.

Бенни действительно нравилась жизнь в Олбани. Вы никогда не подумали бы, что он родился в Сиэтле или что он никогда не видел прежде живую корову. Похоже, что он влился в жизнь сельского парня, и все любили его. После разговора с матерью его друга и Воном я убедилась, что в этой семье не было чокнутых, и была очень рада оставить его там, чтобы дать ему немного свободы и возможность повеселиться, что было так необходимо десятилетнему мальчику. Мы снова встретимся следующим утром, чтобы выпить еще сладкого чая с пирогом, что, видимо, являлось здесь традицией. Мне казалось, что я впаду в кому из-за еды. От мысли о том, чтобы поесть еще хоть чего-нибудь, даже если наступит новый день, меня едва не тошнило.

Фары осветили мою лужайку перед домом, как только мы остановились, и Вон отключил мотор, но оставил фары включенными. Я посмотрела на него и улыбнулась, когда он сверкнул на меня своими теплыми, карими глазами, от которых все внутри переворачивалось.

— Я люблю тебя, — сказала я тихо.

— Я знаю. И ты не в силах что-то изменить, это зависимость.

Я рассмеялась и толкнула его в грудь, что заставило меня пожалеть о содеянном, потому что мы больше не держались за руки.

— Хотела бы я, чтобы мы устроили поход. Мне жаль, что тебе пришлось пропустить его из-за меня.

— Ты издеваешься? Ты не помнишь, что я сказал, что мы устроим наш собственный поход?

— Серьезно?

Бенни засмеялся.

— Да, серьезно, — он засмеялся еще сильнее, и я не смогла сдержать собственный смех, потому что от волнения процитировала своего младшего брата.

— У меня нет палатки, Вон. И все равно уже немного поздновато расставлять ее во дворе.

— Именно поэтому я попросил Трэвиса поставить ее после того, как мы уехали.

— Ты попросил его? — я села ближе к нему, готовая его обнять так чертовски сильно, что он мог просто сломаться.

— Если скажешь «серьезно», то я поцелую тебя прямо здесь, и мы уже никогда не доберемся до палатки.

Он говорил серьезно, я видела это в его глазах и чувствовала в растущем напряжении в кабине машины. У меня застрял ком в горле. Я так сильно хотела, чтобы он поцеловал меня. Но нужно было идти разбивать лагерь. Я никогда в своей жизни не была в лагере и хотела, чтобы этот первый раз был с ним, даже если это был лагерь на заднем дворе, словно я настолько слаба, чтобы идти в лес.

Вон выбрался из грузовика, и я ни за что не стала бы ждать пока он придет и откроет мне дверь. Я не этот тип принцесс. Свидания — это одно, но я не хотела, чтобы он думал, что должен делать это до конца наших дней. Он покачал головой, затем улыбнулся и сел на корточки спиной ко мне.

— Запрыгивай.

Некоторые девушки могли колебаться, обеспокоенные своим весом или еще чем-нибудь подобным, но только не я. Ни за что. Если я буду рядом с ним, да к тому же повеселюсь, то я всегда «за». Поэтому я запрыгнула на его спину, хихикая как дурочка, как только он, без каких-либо усилий со своей стороны зашагал в сторону заднего двора. Мы пришли как раз к тому времени, как папа закрыл шторы и выключил свет. У меня было лишь одно желание: умру ли я, или же продолжу жить, я хотела, чтобы отец научился жить дальше. Чтобы он знал, что все хорошо, и будь мама с нами, она была бы рада, если бы он продолжал жить вместе со своими детьми. Как интересно, остался бы ли он женат на ней до конца

своих дней, и осталась бы она его женой до конца своей жизни.

Я знала, что если бы я становилась не совсем собой, мне бы хотелось, чтобы Вон порвал со мной, и попытался быть счастливым. А потом...

— Хэй, — Вон потряс меня в своих руках, пытаюсь разглядеть мое лицо через плечо, — что случилось?

— Вон?

Он остановился и позволил мне соскользнуть со своей спины, и я увидела разбитую палатку, в которую ужасно хотелось залезть. Однако, что-то все еще удерживало меня.

В порыве чувств, он дотронулся до моей щеки, и я улыбнулась, глядя на его обеспокоенное лицо, что вызвало у меня улыбку.

— Никаких мимолетных улыбочек, помнишь? Скажи, что не так. Если не хочешь разбивать здесь лагерь или устала, то просто скажи.

Я покачала головой и положила руку на его шею, ощущая его бьющийся пульс под моими пальцами.

— Нет. Я хочу этого. Безумно хочу. Просто я осознала, что сперва мне нужно кое-что сделать, что не может ждать. Можешь подождать меня?

На его лице медленно расплылась улыбка, хотя я все еще видела, что он обеспокоен.

— Конечно. Я возьму свой рюкзак и приму душ. Ты всегда можешь присоединиться ко мне.

Я засмеялась.

— Как насчет того, чтобы встретиться в палатке с горячим какао?

Он надул губы, все еще оставаясь игривым и милым, и поцеловал меня в лоб.

— Моя идея мне нравилась больше, но если это то, чего хочешь ты, тогда ты это получишь.

Я встала на цыпочки и поцеловала его в щеку, потому что не хотела начинать то, что не смогла бы потом остановить.

— В следующий раз мы будем делать то, что хочешь ты.

Он захихикал.

— Будь осторожна, ты можешь пожалеть, что сказала это.

Я моргнула и обернулась к задней двери.

— Ты совсем меня не знаешь, Вон Кэмпбелл. Я могу удивить тебя, — сказала я, оглядываясь. Я знала, что дразнила его последовать за мной; он хотел бы это сделать. Но я не могла остановиться. Мне нравилось быть опасной.

Как только я переступила порог дома, то побежала в папину комнату и постучалась. Я не помнила, когда была в последний раз в его комнате,

может быть, это было еще тогда, когда мама спала рядом с ним. После этого он редко там бывал. Мне казалось, что с новым домом и комнатой, лишенной воспоминаниями о ней, он мог там спать.

— Ангел?

Я открыла дверь, и в его комнате зажглась лампа. Он выскользнул из постели, и я увидела, как беспокойство пронзило черты его лица, тронутые морщинами.

— Все в порядке, папочка. Мне просто нужно было увидеть тебя, — я не думала, что это предложение облегчит его тревогу. Да и кто мог винить его за это? У нас довольно давно не было непринужденных бесед.

— Что-то случилось?

Я огляделась вокруг и увидела покрывало, сшитое мамой из ткани, которую мы увидели в каком-то причудливом магазинчике декора. Мы не могли позволить себе купить ее, и я вспомнила, как маме было грустно, потому что ткань ей очень нравилась. Именно тогда она научила меня шить. Она отвела меня в «Джо-Энн»²⁵, где нашла ткань в точности похожую на ту, что мы видели, но по небольшой стоимости, и мы отвезли ее домой. И теперь я водила пальцами по знакомой ткани и слезы капали на мою руку. Я вытерла оставшиеся слезы, прежде чем уселась на краю постели.

— Я понимаю все сейчас, папочка, — он подошел и сел рядом со мной, но не дотрагивался до меня. Мой взгляд упал на полоски его боксерских шорт, когда я пыталась сформулировать мои следующие слова: — Я была зла и находилась в замешательстве очень долгое время, но сейчас я все понимаю.

— Что именно ты понимаешь?

Я оторвала свой взгляд от его шорт, пробежала глазами по его белой футболке и дошла до его глаз, которые были в точности, как мои собственные, только старше и печальнее.

— Она твой воздух. Не имеет значения, что мама не отзывается, главное, что ты отзываешься ей. Другого пути нет и никогда не будет.

Его рот немного приоткрылся и из него вырвался судорожный вздох, отчего по всему его телу прошла волна дрожи. Это разрывало мое сердце. Я вытерла свои слезы, как только увидела, что он тоже плакал. Слезы катились по его щекам, словно по своему собственному, замысловатому пути.

— Ангел, я, — его голос сорвался, и он опустил взгляд, пытаясь собраться.

И тогда, впервые за долгое время, я обняла своего отца.

— Плакать — это нормально, папа. Быть подавленным — это тоже нормально. Я в таком же состоянии. То, что между нами не осталось уже никаких отношений, — вот это не нормально. Нам необходимо испытывать чувства и общаться друг с другом, иначе мы не справимся с этим. Я хочу, чтобы ты это понял, пап. Ведь то, что ты замыкаешься в себе, съедает тебя изнутри.

Его плечи содрогнулись, и он заплакал, я и сама едва держалась. Нам это было необходимо, и если Бенни был бы с нами, то он бы тоже зарыдал. Мы слишком долго оставались разрозненной семьей, и было не важно, что отец целыми днями работал ради нас, ведь все это время между нами была целая пропасть.

— Я хочу быть храбрым ради тебя и Бенни. Я должен обеспечивать вас и оставаться сильным ради вас с Бенни, ради мамы. Ты думаешь, что она ничего не слышит и не переживает, раз мы не вместе, может быть, так и есть, но я не хочу рисковать. Если есть хоть малейший шанс того, что она все еще с нами, я хочу, чтобы она знала, что я ей верен. Она любовь всей моей жизни и мать моих детей, Ангел.

— Я знаю.

— Я... Я не хочу ее бросать, — он всхлипнул и так крепко прижал меня к себе, что на меня накатила очередная волна слез. Я очень понимала, о чем он говорит, и, что самое ужасное, на его месте я поступила бы точно так же. Меня бесило, как горе сказалось на нем и на всех, кто его окружает, но в то же время я его понимала.

Как бы это ни было грустно, я буду придерживаться своего отказа от реанимации. Я ни за что на свете не согласилась бы, чтобы Вон или моя семья испытывали подобную боль из-за меня. Я подписала отказ, потому что не хотела, чтобы кто-то с надеждой смотрел на пустую оболочку. И, хотя теперь все приобрело совершенно иной смысл, я не буду ничего менять. Даже не смотря на то, что я уважала каждую чертову секунду, которую мой отец провел в надежде, находясь рядом с ее постелью. Если бы дело коснулось Вона, то я бы тоже сидела рядом с ним, читала бы ему вслух и разговаривала, ожидая день, когда он проснется и спросит, как прошел мой день.

— Знаю, папочка, знаю, — пробормотала я, уткнувшись в его грудь. — Я знаю.

* * *

Мои волосы были еще слегка влажными, и я чувствовала себя еще более вымотанной. Я думала, что после душа смогу взбодриться, но,

казалось, что у моего тела был другой план. Я ненавидела свое тело, — оно делало все не так, как мне хотелось, и это было ужасно.

Должно быть, Вон услышал, как я хлопнула задней дверью, когда выходила из дома, направляясь к палатке. Он так резко одернул молнию, что ее громкий звук нарушил тишину ночи и заставил стихнуть всех сверчков.

— Я уже подумал, что тебя засосало в сливную трубу или еще куда-то, — пошутил он. А затем он вдруг изменился, как будто кто-то нажал на выключатель, и, поднявшись, подошел ко мне. — Ты в порядке? Черт. Это было дурацкой идеей. По тебе видно, что ты не в порядке. Пойдем в дом, где ты смогла бы как следует отдохнуть.

Черт, я что так плохо выгляжу? Я попыталась уйти от ответа, и, хотя он не заслуживал такого отношения, произнесла слегка раздраженно: — Я в порядке. Хватит носиться со мной, как с маленькой или больной, — неподвижно стоя напротив, я поняла, насколько глупо прозвучали мои слова, и, засмеявшись, обняла его. — Прости меня. Я не хотела сорваться. Все потому что я очень хочу ночевать с тобой в палатке, хочу заняться с тобой любовью и насладиться ночью вместе с тобой, но это дурацкое тело настолько устало, что уже ничего не хочет, — я зарычала и даже топнула ногой. — Это так обидно!

— Блу, — он потрепал меня за волосы и погладил по спине. — Ты только что прошла через полный курс лечения от рака. И чувствовать себя уставшей — это абсолютно нормально, тебе нужно заботиться о себе. Ночевка в палатке не стоит твоего здоровья. Мы в любое время сможем еще устроить подобное, и, уж конечно, в любое время сможем заняться любовью. Можем все время этим заниматься, пока ты не поправишься.

Услышав его смешок, я тоже засмеялась. Мне нравилась идея провести с ним в постели вечность. — Ладно. Но сегодня я буду спать здесь.

Взяв меня за плечи, он уступил.

— Хорошо, но я принесу еще одно одеяло, и никаких фокусов в палатке.

Я надулась, на что он просто приподнял брови и чмокнул меня в губы, подталкивая к палатке, где меня ждал пакет с вишневыми батончиками. Я задержала дыхание и запищала как девчонка, — именно так можно описать мою реакцию. Я зашла в палатку и практически нырнула под надувной матрац, доставая оттуда пакет с конфетами, и стала качать его как своего первенца.

— Где ты их нашел?

— У меня надежный поставщик, — усмехнулся он.

— Хочу, чтобы ты нас познакомил.

— Теперь я твой дилер?

— Так точно, черт возьми. Где я могу достать этих крошек?

Улыбаясь, он вышел из палатки.

— Расскажу, когда принесу еще одно одеяло. Без меня пакет не открывать, — и он ушел, оставив меня с открытым от разочарования ртом.

Либо сегодня вечером я выпущу кишки этому парню, либо он больше никогда меня не увидит. Да уж, палка о двух концах, но ради моего шоколадного блаженства я готова пойти практически на все. Практически... Должна признать, что если бы Вон попросил меня раздеться, то я бы без колебаний отказалась от райского вишневого блаженства в шоколадной глазури. Мне так нравилось описание этого шоколада! Но он и рядом не стоял с Воном. Черт возьми!

Он вернулся и укутал нас обоих в три одеяла, а потом достал первый вишневый батончик и передал мне. Будь я вежливой юной леди, то откусила бы кусочек и поделилась бы с ним, но я так сильно скучала по своим любимым сладостям, что практически в него впилась зубами. Мой рот был настолько забит липким блаженством, что, когда он засмеялся, я почти все растеряла, разбрасывая содержимое на Вона и по всей палатке. Мне надо было прикрыть рот рукой и сдержаться, чтобы не смеяться, от чего, конечно же, стало только хуже. В итоге я задержала дыхание, чтобы хоть немного пережить и проглотить остатки.

— Что же, будет тебе урок не быть хрюшей. Теперь буду выдавать тебе порциями, чтобы ты не убила саму себя, — упрекнул он, качая головой, пока я продолжала сдерживать смех и старалась не дышать.

Я поняла, что он имел в виду, когда сказал, что будет выдавать мне сладости порционно. Прежде чем дать мне вишневый батончик, сначала он откусывал от каждого из них. Монстр. Я больше не чувствовала себя уставшей, и это было хорошо. Вернее, это было здорово. Он оказывал на меня такое влияние, и он знал об этом. И все же не хотел, чтобы я переутомлялась. И это я терпеть не могла. Я хотела жить, пока есть такая возможность. Не так, как я жила прежде, как будто любая секунда может стать для меня последней. Нет. Теперь я знала, что смогу со всем справиться, и ни при каких обстоятельствах не позволю сердцу Вона разбиться на миллион осколков. Я хочу жить, пока у меня есть силы, и наслаждаться всеми этими мельчайшими моментами. Поэтому, когда он взял еще одну конфету, я остановила его, накрыв его руку своей ладонью, и он замер.

Его взгляд был таким теплым, что я даже не заметила, что все это

время я облизывала свои губы. Когда он прижался ко мне губами, я совсем растерялась. Может быть, до этого он и думал, что мы не станем заниматься любовью, но теперь его тело проявляло все признаки неконтролируемого желания, а мое будто горело от возбуждения.

Я не почувствовала холода, когда откинула одеяло и легла на него. На самом деле, от нашего тяжелого дыхания было даже жарко, а от наших тел исходило тепло.

Его язык раздвинул мои губы и зубы, я присела и стянула через голову свою любимую майку, прежде чем за эту миллисекунду он бы смог подумать, что мы делали. Я не хочу, чтобы он думал, хочу, чтобы только чувствовал.

Он положил свои руки на мои ребра и стал подниматься выше, к груди. Я вся дрожала. И дело было далеко не в холоде или нервах. Мне следовало бы, но не когда рядом со мной Вон. Когда я была с ним, я могла со всем справиться, и ни за что не хотела давать слабину.

Вон

Не могу поверить, как же мне повезло повстречать такую сексуальную, красивую и щедрую девушку. Блу была настолько совершенна, что мне не хотелось осквернять ее образ своими мальчишескими грязными мыслишками, но я ничего не мог с собой поделать. Все, что я хотел, — любить ее и прикасаться к ней. В одежде или без, мне было не важно. Я просто хотел ее. Поэтому когда взошло солнце, и я обнаружил ее крепко спящей рядом со мной, я понял, что все, что я хотел, — это еще раз дотронуться до нее и больше не выпускать ее из той чертовой палатки.

Прошлым вечером она была такой чертовски сексуальной и живой. Боже, я люблю ее.

Ее волосы на ощупь были словно шелковыми. Ладно, не уверен, что когда-либо я трогал шелк, но мог себе представить, что ощущения были бы именно такими.

Я рассматривал ее кожу и волосы, когда заметил, что она слегка приоткрыла глаза и посмотрела на меня.

— Привет.

— Привет, — она поспешно прикрыла рот рукой и уткнулась лицом в одеяло. — Утренний запах изо рта.

Я усмехнулся и убрал ее руку в сторону, а потом поцеловал, несмотря на ее возмущение.

— Люблю, как ты пахнешь по утрам.

— Ты больной.

— Ага, больной от любви. Больше так не говори. Ты здорово взяла меня за задницу.

Она приподнялась на локте, потянув на себя одеяло, и поцеловала меня в грудь. Мне стоило немалых усилий, чтобы не притянуть ее к себе и повторить то, чем мы занимались прошлой ночью.

— Потому что твоя задница принадлежит мне, и можешь всем передать, чтобы не трогали ее, потому что мне она нравится, — сказала она.

— Тебе нравится моя задница?

Она улыбнулась, и ее щеки залились румянцем, она восхитительна. Как маленькие щеночки, только еще милее. Бог мой. Я говорил как слюнтяй, но мне было плевать, потому что у меня была она, и ей нравилась моя задница и много чего еще, о чем она не сказала бы. И это делало ее еще более восхитительной.

* * *

Она полюбила те сапоги и, Бог мой, в них она была просто секси. Может быть, даже слишком секси, потому что парни стали смотреть ей вслед. Мне даже стало страшно. В конце концов, такой ее сделали не сапоги, все дело было в ней самой. Сапоги просто изменили ее манеру подавать себя. Она стала меньше нервничать. Они сделали именно то, чего ей хотелось — она стала реже чувствовать себя аутсайдером. Она и не догадывается, что всегда была такой; как сейчас рядом со мной.

Там собрался весь чертов городишко, было очень громко и жарко, и по-своему очень здорово. Примерно через полчаса нам удалось отыскать Бенни, который выглядел уставшим и объевшимся всеми сладостями, какие только были на карнавале. Потом мы оба встали в очередь желающих попробовать себя в конкурсе, кто быстрее одолеет пирог, а Блу общалась с Картером, Эйприл и другими ребятами. Трэвис пялился на ее ноги, от чего у меня все внутри кипело.

— Бен, братишка. Подожди-ка секунду, — он кивнул, и я вышел из очереди и направился к Трэвису и схватил его за руку. Мне стало больно, но одновременно чертовски приятно, когда он стал просить, чтобы я отпустил.

— Какого черта, чувак?

— Не смей пялиться.

Он посмотрел на Блу, которая нахмурилась при взгляде на меня. Она все поняла, но мне было все равно. Она не его девушка, чтобы он на нее так

смотрел. Трэвис вновь перевел свой взгляд на меня, и я серьезно его предупредил о происходящем, а затем вернулся к Бену, который стоял и улыбался, как маленький болван.

— Что?

Бен засмеялся и отвернулся.

— Ничего.

Воспользовавшись случаем, я снова оглянулся на Блу, которая до сих пор была недовольна моей реакцией. Я пожал плечами, ведь Трэвис повел себя как кретин, и он это знал. В ответ она покачала головой и направилась в мою сторону. Боже, помоги мне сдержаться, когда она подойдет, потому что ее размеренная походка была такой же чертовски сексуальной.

Я снова вышел из очереди, чтобы нас не слышал Бен.

— Я не собираюсь извиняться, — произнес я, на что она покачала головой.

— А я тебя просила об этом?

— Нет, но у тебя осуждающий взгляд.

— Ну, я тебя не поддерживаю. Хотя на самом деле подошла к тебе, чтобы поцеловать на удачу. Но раз ты настроен быть социопатом и мачо, то просто развернись и пойду туда, где Трэвис смог бы еще за мной подглядывать.

Я прижал ее к себе и поцеловал. Я стал крепко ее целовать, пока она не застонала, и из ее горла не донесся тихий хрип, который, как я подумал, она даже не заметила. И, когда я оторвал от нее свои губы, ее ресницы мечтательно трепетали, отчего мне захотелось еще раз ее поцеловать, но мы и так привлекли слишком много внимания.

— Что значит социопатом? — переспросил я, заметив при этом, что мой голос звучал хрипло и был едва слышен.

— Беру свои слова обратно. Ты сущий дьявол, — она потрепала меня за щеку и медленно направилась к нашим друзьям.

Будь я проклят, но эта девушка собиралась меня добить.

Глава 14: Дом

«Дом — это место, где обитают видимые и благородные души».

Керри Уильямс

Харпер

Среди толпы людей, запихивающих малиновый пирог себе в рот, были Фути, Бен, Вон, еще двое мужчин и одна женщина. Меня слегка удивило, что в соревновании участвовала женщина, но я в итоге успокоилась, потому что в конце концов, она была лучше, чем худощавый парень с копной волос

на голове.

Бенни шел последним, но он ведь был самым маленьким. Должно быть, его бы не взяли по возрасту, но Вон помог ему проскользнуть. Я до сих пор не могла поверить, как мне повезло, что у меня был такой человек, который взял бы на себя весь мой багаж проблем. Я похожа на больную мать-одиночку.

Рев толпы становился все громче, и должна признаться, я тоже внесла свою долю, кричала и прыгала на месте, хлопая в ладоши вместе с остальными девушками из нашей компании. Никогда раньше я не чувствовала себя одной из них, но в тот момент все было иначе. Впервые за свою жизнь, даже до того, как мама попала в аварию, я почувствовала себя как дома. Олбани был той зоной комфорта, где царила любовь и новые знания; знания, к которым приходит утраченная частичка души. В каком-то смысле, как дежавю, но значительно больше.

Ведущий начал обратный отсчет от десяти, и крики толпы переросли в рев. Фути на полпирога опережал всех, за ним шел Вон и еще один парень. «Шесть», — выкрикнул ведущий, и у Бенни округлились глаза, когда он посмотрел на тарелку Вона. «Три, два, один». Толпа как обезумела и чуть не сошла с ума, будто речь шла о награде в миллион долларов. Это казалось сумасшествием, но всеобщее волнение оказалось таким заразительным. Мне это безумно нравилось!

Выиграл Фути, что было неудивительно, ведь почти все ставки делались на него. Когда счет остановили, он успел слопать два пирога. Вон что-то сказал Фути, и через секунду они оба приподняли Бенни, посадив его на плечи. Бенни наградили призом, отчего я не смогла сдержать слез. Но слезы катились не от горя, а от абсолютного счастья. Я обняла Эйприл, заметив, что она тоже не скрывала слез. Может быть, она и делала вид, что не выносит моего брата, но я-то знала, что она его любит как своего собственного.

— И прежде чем все вы разойдетесь, — произнес ведущий, на что мы с Эйприл снова оглянулись на сцену. — Я хотел бы сказать большое спасибо Винни О'Коннор за то, что она пожертвовала свои пироги для этих подрастающих парней, ой, простите, парней и дам. — Он улыбнулся, и ему помахала участница конкурса. — Сегодня мы поступим немного иначе. Все мы знаем, что пироги Винни сами по себе достойные призы, но сегодня мы устроим аукцион на все ее американские яблочные пироги, а полученные средства пустим на доброе дело.

Мы с Эйприл обе замерли на месте.

— Есть одна семья, которая нуждается в некой коллективной помощи.

И хотя они никогда ни о чем не просили, все же я хотел бы показать им, насколько щедрыми являются жители Олбани. Нам нужно показать им, что они не останутся одни. Только не в округе Джентри.

Со всех сторон люди стали хлопать в ладоши, а на меня устремилась куча взглядов. Я разволновалась, и не на шутку. Мы жили в маленьком городке, и мне следовало заранее подумать о том, что у меня не получится залечь на дно, прежде чем я начну лечение. Я понимала, что не смогу остаться незамеченной, когда у меня выпадут волосы и появится болезненный вид, но на тот момент все к тому и шло. Вся наша семья была на пути к такому состоянию.

— Харпер, дыши, — прошептала Эйприлл.

Я сделала глубокий вдох и на какое-то время задержала дыхание, прежде чем медленно выдохнуть. Ведущий продолжил свою сердечную речь, суть которой стала ускользать от меня, пока я искала глазами Вона. Его больше не было на сцене, там стоял Бенни и Фути. Где же Вон...

— Доверься мне, — прошептал Вон, кладя руку на мое плечо. Эйприл выпустила меня из своих объятий, но осталась стоять рядом.

— Что происходит?

— Просто доверься мне и все.

Должно быть, он съел слишком много пирога, потому что я не могла расслабиться. Хорошо хоть он был рядом.

— Отец семейства, Эндрю Кеннеди, и члены его семьи — настоящие герои духа. Многие из жителей слышали, что случилось у этой семьи. И то, как они справляются с посланными свыше страданиями, можно назвать настоящим чудом. Именно так проявляется подлинный дух Олбани. Поэтому мы проведем аукцион пирогов Винни, а полученные средства пойдут на покрытие медицинских счетов Кеннеди.

На меня обратились прискорбные взгляды, чего я терпеть не могла, но разглядев среди них те, которые выражали гордость за нас, и их улыбки, я почувствовала, как от них исходило сочувствие и любовь. Я поняла это, я почувствовала это. Мое тело стало немного расслабляться, и я смогла расправить спину. Вместо того, чтобы уткнуться в рубашку Вона, я обняла его, наблюдая как какой-то мужчина, стоящий сразу за нами, сделал ставку в пятьдесят долларов.

Я была шокирована, когда следом кто-то щедро предложил двести долларов, а затем, откуда-то издалека я услышала знакомый голос, и кто-то выкрикнул сумму, которую я наверное плохо расслышала. Было так шумно, что я даже не смогла переспросить Вона. Я ничего не понимала. Стоял такой свист и крики восторга, после чего ведущий огласил:

— Продано Брайану Кэмпбеллу за десять тысяч долларов!

Я посмотрела на Вона. У меня не было слов, и он, опустив на меня глаза, стоял и улыбался с широкой улыбкой до ушей.

— Я не понимаю, — сказала я.

— А что тут понимать? Мой отец только что оплатил часть медицинских счетов, так что твой отец сможет быть с тобой во время лечения, и потом ему не придется убиваться на работе, чтобы все оплатить.

— Он сделал это, потому что ты его попросил?

— А какая разница?

Он был прав. Какая разница? Никакой. Совсем никакой.

Я прыгнула к нему в объятия, и мы оба засмеялись. Я знала, что буду любить этого парня всю вечность. Я не осознавала, что плакала, пока он не поставил меня на землю и не стал вытирать мои щеки. Эйприл тоже обняла меня, она рыдала как ребенок, и от этого я заплакала еще сильнее. Мы прыгали на месте и кричали. Это означало не просто часть средств для оплаты наших счетов, это была свобода, которую я и не мечтала для своего отца. После вчерашнего разговора мы оба уже навсегда изменились, сблизилась друг с другом. Казалось, что, наконец, все наладилось. Все, что мне оставалось, — победить в себе Франкенштейна, и тогда все у нас будет в шоколаде.

Внимание Эйприл переключилось на что-то другое. Что же могло быть более важным для нее в тот момент? Но потом я поняла. Продираясь через гудящую и улюлюкающую толпу, Вон подошел к небольшой компании людей, окружавших его отца. У меня сильно забило сердце. Я была уверена, что Вон каким-то образом поучаствовал в том, что у его отца сложилось новое мнение ко мне и моей семье, однако мне было слегка не по себе из-за натянутых и неустойчивых отношений между ними. И так чувствовала не одна я. Эйприл взяла меня за руку, когда люди, окружавшие отца Вона расступились перед ним, и он всех нас удивил. Он всегда меня удивлял. Отец положил руку на плечо сына, и Вон бросился ему на шею, отчего у меня перехватило дыхание.

Вон обнимал своего отца, как блудный сын, когда тот вернулся домой. Я сдержала слабый стон и, как зомби, направилась к ним, отрываясь от поддержки Эйприл. Заботливые жители Олбани будто слились в размытое пятно. Все, что я видела, был Вон и его отец. Может быть, он и не нуждался во мне, но я всегда буду рядом. Я всегда буду с ним, потому что он всегда мне помогает.

Его отец кивнул мне, а Вон обернулся и так широко улыбнулся, что у меня все растаяло внутри. Тот день был началом чего-то нового и хорошего

не только в моей жизни, но и в его. Умру ли я, или буду сражаться за жизнь, но ему пришлось, и в каком-то смысле, он смог исправить многие вещи благодаря нашей любви.

— Привет, детка, — Вон взял меня за руку, и в его объятиях я чувствую себя как дома и в полной безопасности. — Знаю, ты уже встречалась с моим отцом, но я хочу, чтобы вы еще раз познакомились. Так, как должны были в первый раз.

Я понимала, о чем он, и несмотря на его проявленную щедрость к моей семье, на тот момент я не была уверена, смогу ли забыть нашу первую встречу с ним. Все, что я могла сделать — это посмотреть на этого человека через призму его дел по отношению ко мне, Вону и всей моей семье. Я могла простить его, что значило больше, чем просто забыть.

— Привет, Харпер. Я не ожидаю, что после того, что я тебе тогда сказал и как ужасно себя вел, ты будешь ко мне хорошо относиться. Но все-таки надеюсь, что это станет первой ступенькой на пути к моему искуплению в твоих глазах. — Он протянул мне руку, и я не колеблясь, протянула свою руку тоже. Он осторожно взял ее и мягко пожал, будто она могла сломаться. Его взгляд был искренним и открытым.

— Вы ошибаетесь, Мистер Кэмпбелл. На самом деле я хочу вас обнять прямо сейчас.

Он усмехнулся в той же манере, как и его сын, и распростер свои объятия. Я обняла его и шепотом поблагодарила за все. Он кивал и сжимал меня все сильнее, пока я не отстранилась и прильнула обратно к Вону. Когда я подняла глаза на Вона, то только тогда заметила небольшую крошку пирога, которую он не вытер после соревнования по поеданию пирогов. Я смахнула ее большим пальцем, и в тот момент он посмотрел на меня тем самым взглядом. Взглядом, которым нельзя смотреть в присутствии своего отца, и я почувствовала, как у меня запылали щеки, после чего я отвернулась. Он предательски засмеялся, и мне даже пришлось толкнуть его локтем, чтобы хоть на секунду он перестал на меня пялиться, но потом он принялся за старое пуще прежнего. Предатель.

— Пойдем, Блу. У карнавала большая площадка, ты увидела лишь малую его часть. Сегодня ты не пропустишь ни одной вещи, и до фильма я хочу успеть все тебе показать.

— Какого фильма? — спросила я, когда мы прощались с его отцом, который с улыбкой кивнул нам на прощание и повернулся к группе ожидавших его женщин. Мне понравилось это; они ждали, не вклиниваясь в разговор, и не бросали нетерпеливые взгляды, пока отец общался с девушкой своего сына.

— Я его уже видел много раз, это старый фильм, но весьма клевый. «Балбесы». Смотрела?

— А, нет. — Название звучало странно, но если он говорил, что фильм клевый, тогда поверю. — А о чем он?

— Все, что могу сказать, так это то, что вся ребятня проходит через обряд посвящения, чтобы их допустили до просмотра. А фильм про то, что дети сами распоряжаются своим временем. Тебе надо его посмотреть, и Бенни тоже. Просто дождись и посмотри.

— То есть это нечто вроде жизненного фильма про моральные ценности. — ребячески заключила я с нотками сарказма и презрения. Я все понимала, но мне было жаль времени, и я совсем не хотела сидеть и смотреть какое-то старое кино, — я не хотела тратить время, вместо того, чтобы вернуться в нашу палатку с Воном.

Он ухмыльнулся и покачал головой.

— Ты пожалеешь, что сейчас так подумала. Просто дождись и посмотри. — Он дотронулся большим пальцем до моих губ, тем самым искушая меня его облизать, — так реагировало мое тело. Я видела, что это не прошло мимо его внимания, и он замер на месте, проведя большим пальцем по моему подбородку и опустившись к шее.

— Блу. Не надо на меня так смотреть.

— Ничего не могу с собой поделать, смотрю точно так же, как и ты на меня.

Он облизал свои губы, и я почувствовала, будто в меня вселилась какая-то похотливая сучка. То, как он властвовал над моим телом казалось сумасшествием, и это меня пугало.

— Что если сейчас мы договоримся погулять порознь, а минут через десять встретимся у автомата со сладкой ватой?

Он был прав, но мне не хотелось расставаться с ним. Я вела себя как властная плаксивая подружка, и меня это раздражало, поэтому я кивнула и направилась в другую сторону, чтобы присоединиться к группе других девушек.

Мне хотелось повернуться и посмотреть на него, чтобы понять, ждал ли он, что я обернусь, но не стала этого делать. Не смогла. Если я бы обернулась, то кинулась бы обратно в его объятия. Поэтому заставила себя продолжить идти, сконцентрировалась на дыхании и в уме считала каждый свой шаг, пока не подошла к очереди в биотуалеты и к умывальникам, где одна маленькая девочка переговаривалась со своей матерью через двери. Свернув к умывальнику, я включила воду и ополоснула лицо, уже не страшась, что могла смыть тот небольшой макияж, который у меня был.

Мне надо было остыть.

Правда, вода не очень помогала. Девочка спрашивала маму, надо ли той сходить по-большому, и я едва сдержала смех, когда мама велела ей не задавать так громко подобные вопросы. Я задумалась, спрашивала ли я так же свою маму. Затем я подошла к наскрененному грузовику, стоявшему позади туалетных кабинок, и стала всматриваться в его зеркало, хотя на самом деле там видела не себя, а свою маму. Я видела кучу фотографий с ней, где она была моего возраста, и мы правда выглядели как близнецы. Вероятно, еще и по этой причине отцу было трудно со мной общаться.

Сделав глубокий вдох, я повернула обратно, и оторвав немного бумажных полотенец, промокнула ими лицо, а затем направилась назад, ища глазами в толпе людей кого-нибудь, кого я знала. Было несложно отыскать Фути и Вона, который явно искал меня. Увидев, что я сразу отвела глаза, стало понятно, что его попытка разделить и пообщаться с кем-нибудь порознь не сработала.

Вон подошел ко мне, и мир вокруг нас будто растворился, голоса толпы и движения стихли. Он улыбнулся и это было все, что мне было нужно. Я взяла его за руку, рассматривая, как сильно отличались наши ладони по размеру и цвету кожи.

— Красавица и чудовище, — произнес он, и я засмеялась.

— Приезжая девушка и городской болван. — Вон засмеялся. Это был тот Вон, которого я любила, и который мне нравился больше. — Пойдем, ковбой. Покажи мне, где тут можно хорошо повеселиться.

* * *

К моменту, когда на экране пошли титры, мои щеки уже ужасно болели от постоянной улыбки и смеха на протяжении всего фильма. «Болваны» оказались лучшим фильмом, который я когда-либо смотрела в своей жизни. Возможно, из-за того, что его героями были дети города, потерявшего всю надежду. Фильм был очень комедийным и освещал легкомысленность каждого персонажа. А может быть, еще и потому, что он был про юную любовь между двумя людьми из разных социальных слоев, или все дело было в ребенке, который не мог выговорить слово «ловушка», и у него получалось «ловуфка». Все было именно в этом, но особенно еще и потому, что я смотрела его вместе с Воном, и никогда не забуду, как он и Бенни придумывали, какие ловушки они устроят для Эйприл. И казалось, Бенни даже делал какие-то пометки.

Последовали аплодисменты толпы, и все стали собирать свои плоды, стулья, переносные холодильники и детей, чтобы отправиться по домам.

Вон собрал наши вещи и протянул Бенни наш плед. Наш красный плед. Я не понимала, куда подевалась Эйприл с Картером, они ушли следом за всей компанией. Видимо, кино не входило в их планы.

— Харпер, нам нужно купить этот фильм. Он был просто бомбический. — Бенни прыгал на месте, чем здорово меня рассмешил.

— Именно, черт возьми, так. Мы можем заказать его утром, или купить его на следующей неделе перед тем, как я уеду на лечение.

Я поняла, что стоило мне произнести это, как настроение Бенни накрылось медным тазом, за что я отругала саму себя. — Пойдем, братишка. Если Балбесы смогли спасти город вместе, то мы уж тем более сможем устранить Франкенштейна.

Он выдавил из себя подобие улыбки, а за его спиной содрогнулся Вон. О болезни он был осведомлён лучше. Дарить луч надежды было не в его духе, и это было сказано скорее для нас с Бенни, — так мы справлялись с проблемами. Я не знала, что могло помочь Вону, но понимала, что должна оставаться оптимистичной. Мне казалось, что он нуждался в этом больше, чем я. У меня была вера в Бога, или в кого-то еще, кто распоряжается судьбами человечества, и это помогало мне верить, что я со всем могу справиться. К сожалению, Вон потерял свою. И я просто надеялась, что благодаря нашей любви он сможет возродить свою веру хотя бы частично, потому что в противном случае... нет, мне даже не хотелось думать об этом.

— Вон, Бенни. — Их взгляды были устремлены на меня, и я сделала глубокий вдох. — Я вас люблю.

На лице Бенни появилась легкая гримаса и он стал озираться по сторонам, возможно, чтобы убедиться, что никто из его друзей не слышал нас. Убедившись, что ему удалось избежать позора, он улыбнулся.

— Я знаю. Я тоже тебя люблю.

Вон потрепал волосы Бена и, подойдя ко мне поближе, прошептал на ушко, — Никто не сможет любить тебя так, как люблю я.

От его слов у меня бешено забилося сердце, я повернулась лицом к его губам. Заглянув в его глаза, я не засомневалась ни в едином его слове поскольку сама думала точно так же. Возможно, я была юной, мы оба были юными, но мы через многое уже прошли вместе и даже опередили в рассудительности многих взрослых; в его глазах я увидела отражение той безграничной любви к нему, которая пылала в моем сердце. Он сказал, что я никогда не испытаю большей любви, и он был прав, — я никогда в жизни не смогу никого любить больше, чем любила его.

— Я хочу есть, — проскулил Бенни, — Можно еще пирога?

Мы с Воном, будто вырвавшись из состояния транса, в которое всегда

впадали, когда находились рядом, перевели взгляд на него. Именно так Эйприл называла такое состояние, — транс. Она уже видела такое с нами в школе и несколько раз дома, и не только она. Просто она была единственным человеком, кто сказал мне про это.

— Приятель, я люблю пироги, но в ближайшие сутки я даже видеть их не смогу. — Вон будто очнулся и стал потирать свой живот, чем вызвал у меня смех.

— Я мог бы есть пироги всю вечность. — Захихикал Бенни. — В Сиэттле мы не покупали пирогов, кроме разве что в Макдональдсе.

— Нет, больше не упоминай Макдональдс, братишка. Никогда. — Покачав головой, Вон обнял Бенни одной рукой, держа в другой все наши пожитки, и повел его к грузовику. — Нам нужно серьезно с тобой поговорить про места, где можно покупать пироги. Правило номер один — никаких сетевых магазинов и франшиз...

Я осталась наедине со своим внутренним смехом. Бенни был моим спасителем, у него получалось вносить свет и веселье в каждый момент моей жизни, но, подобно обоюдоострому мечу, он мог превратить каждый момент в гудок товарного поезда, который раздается по территории тихого монастыря.

Всю дорогу до дома они обсуждали все, что только можно было знать про хороший американский пирог. Мне казалось, что я стала похожа на Бетти Крокер²⁶. И конечно же, их общение на том не закончилось. Когда мы добрались до дома, их разговоры стали напоминать диалоги в лагере шпионов. Они расчищали все вокруг и строили подробные планы, как им на следующий день завлечь в их сети Эйприл, и «вырубить ее». Это были их слова, не мои.

Мне казалось, что этим двоим, в случае их удачи, не слабо достанется в ответ. Мне было их даже жаль. Я могла им помешать, могла предупредить Эйприл, но подумала, что лучше оставить им это дельце на их совести, и, если совсем уж честно, то признаюсь, мне и самой не терпелось увидеть, чем все обернется. Я испытывала нетерпение потому, что впервые в своей жизни, сколько я себя помнила, я почувствовала себя в своей тарелке, среди людей, на кого я могла положиться, — я чувствовала себя, как дома.

Вон

Тот день должен был стать самым лучшим чертовым днем в моей жизни. Все вернулось на круги своя. У меня была чертовски хорошая жизнь до тех пор, пока не заболела моя мама, и после этого все полетело к чертям. Именно, все. Мои отношения с отцом, с друзьями, с моим миром,

все стало напоминать дерьмовый бутерброд, в котором не было хлеба. И все так продолжалось до момента, когда я увидел танцующую на сцене девушку. Тот день впустил свет в мою жизнь и внес нечто, ради чего стоило снова жить.

Меня не раз сковывал страх того, что я могу не справиться, и я никогда и никому не скажу подобного. Люди видели во мне трудного ребенка, который переживал непростые времена. Никто не видел моей боли и одиночества, моего внутреннего желания покинуть этот мир, мысли о чем постоянно меня преследовали.

Я мог бы забросить подобные мысли подальше, но понимал, что для меня будет безопаснее не прятать их в глубине себя, — ведь они бы напоминали мне о том, что могло случиться, если все полетит к чертям. Неприятной вещью было то, что бывали моменты, когда я понимал, что несмотря на то, что мы делали все, что было в наших силах, этого могло оказаться недостаточным для ее победы. И это было уже не в наших силах. Если ее не станет, то все превратится в ничто, — деньги, прекрасное время, которое мы провели вместе, вишневые шоколадные батончики, — все останется в прошлом, потому что они не смогут вернуть ее обратно, а я не смогу без нее жить.

— Блу?

— Да? — ее дыхание было тихим. Мы снова были в палатке. Она попросила, и я уступил. Видимо, у нас все шло по такому принципу. Хотя я побаивался, что она захочет переселиться в палатку насовсем, а если так и случится, то наши дети родятся прямо здесь.

— О чем ты мечтаешь?

Она не спешила с ответом, и если бы я не заметил ее легкой улыбки и движения глаз, я бы подумал, что она заснула.

— Я мечтаю, чтобы сила картофеля когда-нибудь решила мировой энергетический кризис.

Я едва мог дышать от накатившего на меня приступа смеха. Она переместилась на свою половину и тоже хохотала, хотя явно не так сильно как я.

— Я никогда не понимал силу картофеля. Расскажи мне. — Мне припомнилось научное ТВ-шоу, которое я смотрел в детстве, и меня распирало от любопытства, на самом ли деле она знала что-то про энергию картофеля, или просто хотела поумничать.

Она прикусила губу, тем самым вызвав у меня стон, но она не знала, отчего у меня была такая реакция, — я понимал, что половину своих поступков она просто не осознавала. Она не была виновата в том, что я был

озабоченным животным, которое думало лишь об одном, когда я видел, что она вела себя сексуально. И это было, черт возьми, все время.

— Ладно, сдаюсь. Я совсем ничего не знаю про то, как работает энергия картофеля. Я просто однажды смотрела передачу про это. Диковинная штука, заставляющая с помощью пары проводов и картофелины идти часы, — в мире нет более сумасшедшей штуковины, чем это.

— Абсолютно согласен.

— Вообще-то, думаю, нам надо подняться и погуглить, иначе эта мысль сведет меня с ума. Теперь я не смогу заснуть.

Я усмехнулся, но когда она хотела привстать, я обнял ее и прислонился к ней. Я в очередной раз понял, что она просто забавляется со мной, но мне нравилось играть в ее игры. И мне всегда это будет нравиться.

Но затем мы оба перестали смеяться, поскольку воздух словно искрился от желания, которое мы подавляли в себе целый день. За тот день я мог овладеть ею не один раз; мне пришлось по-настоящему стараться игнорировать это желание, и лучшее, что я мог сделать, — держать ее на расстоянии вытянутой руки, иначе я бы затащил ее в свой грузовик. Она заслуживала большего.

Но это было днем. Вечер — это уже другое время и другое место. Конечно, не дворец ей под стать, но, казалось, что ей нравилась та дурацкая палатка. Похоже, мне придется купить нам такую, потому что на тот момент мне казалось, что мы еще много-много раз будем выбираться на кемпинг.

Я опустился поближе к ней и почувствовал, как ее дыхание стало теплым и тяжелым, как и мое. От нее пахло мятой. С каких пор зубная паста стала афродизиаком? Наши губы встретились, и в тот момент я полностью растворился в ней. Больше не существовало меня, была только она. И все было только для нее.

* * *

Становилось все жарче. В палатке плохо находится в таких условиях, но не было ни единого шанса, что я сдвинусь с места, потому что Блу спала в объятьях. Мы сегодня устраивали парад, и я уже опоздал с помощью для Винни и ее волонтеров, но она простит меня на этот раз.

Я даже не мог взглянуть на время, хотя знал, что уже далеко за восемь. Мне стало интересно, спала ли она столько обычно или это из-за того, что она очень измотана. Черт. Она выглядела плохо и это невозможно было скрыть. Я ненавижу это, но этого не изменить и нужно было с этим

бороться. Я просто надеялся, что она не переутомилась. Возможно, ей стоит поспать несколько лишних часов, чтобы она смогла бы поспать подольше.

Как бы я не хотел остаться лежать с ней, дела сами не выполнятся. И планы связаны были не только с Винни, но и с теплицей.

И как бы сильно я этого не хотел, я знал, что не мог остаться с ней. Как можно осторожно я убрал руку из-под Блу. Ее голова продолжала покоиться на своем месте, а после, повернулась на свою сторону, крепко заснув. Я уже практически был готов свернуться калачиком рядом с ней, но у меня были обязательства.

То, что она не проснулась, когда я выходил из палатки, было чудом, потому что эта молния была такой громкой в утренней тишине. Я не заходил в дом; прошелся вдоль его стен и направился к моему грузовику, в то время как Бенни выскочил из входной двери.

— Ты куда собрался? — он рывком забрался на кузов грузовика, и я улыбнулся. Мне действительно нравился этот мальчишка.

— Нужно кое-что сделать в магазине, а затем идти на парад и убедиться, что Винни не слишком рассержена на меня из-за того, что меня не было утром. После, я приеду обратно.

— Можно с тобой? Я могу помочь. Я хочу поучаствовать в создании ловушки для Эйприл, поэтому, если я помогу тебе, у нас выйдет все гораздо быстрее.

Я рассмеялся и кивнул.

— Только если твоя сестра не будет волноваться, когда проснется.

— Ты можешь написать ей.

— Могу, но я не хочу будить ее. Как насчет того, чтобы я пока завел двигатель, а ты напишешь ей записку?

— Хорошо. Жди здесь.

— Буду ждать тебя в машине, — он убежал и я покачал головой, улыбаясь тому, каким изменениям подверглась моя жизнь со встречи с Блу. Я завел мотор, откинулся на сидение и закрыл глаза. Каждое изменение, каждое, было лучиком в моей жизни и тем, чему я был благодарен. Я бы отдал свою жизнь за них обоих.

И вдруг я осознал, что не мог позволить ей проснуться в палатке одной. Я выбрался из все еще заведенного грузовика и побежал к заднему двору дома, по дороге чуть ли не вывихнув плечо, заворачивая за угол дома. Когда уже добрался до палатки, то дернул за молнию, открывая ее, и увидел, что Блу зашевелилась.

— Привет, малыш, — она слабо улыбнулась, отгоняя остатки сна с

глаз.

— Доброе утро. Готова поехать в теплицу или хотела бы еще немного отдохнуть? — Мне хотелось, чтобы она могла сделать и то и другое. В конце концов, черт возьми, почему она не может сделать обе вещи? — Хотя. Иди одевайся, а отдохнешь в комнатке моей матери, пока я кое-что доделаю. По дороге можем заехать на парад, а потом у нас с твоим братом встреча с Эйприл и мега-крутой ловушкой.

Она широко улыбнулась и прыгнула в мои объятия, отчего я шлепнулся на свой зад, вываливаясь из палатки вместе с ней. Она целовала мое лицо везде, где только можно было, пока я смеялся. Я хотел, чтобы она никогда не останавливалась.

* * *

Мы погрязли в делах на всю следующую неделю. Большинство ночей я проводил с Блу в ее доме. Когда ее отец был дома, то я уходил, но она брала с меня обещание, что я вернусь, и я непременно возвращался. Мы отвозили Бенни в школу и затем шли в нашу. Мы встречались вновь во время перерывов, за обедом, и я никого не подпускал к ней. Она позволяла мне обнимать ее на людях, что показывало всем о моем желании обладать ею, мне нравилось ощущение ее нежной кожи, дотрагиваясь до ее руки. Все это делало обеденные часы такими незаметными и быстрыми, что просто убивало меня. После мы возвращались на занятия.

Я терпеть не мог то, что у нас было мало совместных предметов. Но все налаживалось, как только мы вновь встречались, забирали Бенни после уроков и направлялись в теплицу. Такова была наша программа на следующие три дня. Однако завтра будет очередной курс лечения, и в этот раз вместо Эйприл собирался идти я. Блу, конечно, возражала, но я настоял. Я любил ее и хотел быть там с ней, особенно, если она больна и несчастна. Я был нужен ей и сам нуждался в ней, даже несмотря на то, что она сильная и храбрая.

Тем не менее на вечер у нас было запланировано большое барбекю. И там должен был быть ее отец, а еще Винни и Эд. Они оба стали одной семьей после того, как Бенни поселился в их сердцах. Наверное, для них он стал кем-то вроде нового сына или внука, о котором надо заботиться. Также собиралась прийти Эйприл со своими родителями, и когда я пригласил своего отца и Лорель присоединиться, то они тоже очень загорелись желанием прийти. Вечер обещал быть важным событием и помог бы Блу напрочь не думать о следующем дне.

Когда мы остановились у школы Бенни, его лицо засияло и он, закинув

свой рюкзак в кузов грузовика, забрался к нам внутрь. Он сбивчиво начал рассказывать, как прошел его день: какой-то придурок приставал к его подружке, которая хотя и была девочкой, все же не была его девушкой. Его слова вызвали у нас смехок. Очевидно, тот придурок пристал к так называемой подружке, поэтому ему пришлось вмешаться. Я чертовски обожал этого мальчугана, и легко мог представить, как он вступается за школьную тихоню.

— Ремень, — напомнила ему Блу, как только я завел машину и отъехал с обочины. Он болтал на протяжении всего пути до Хай-Ви.

Я взглянул на Блу, которая виновато улыбнулась мне, но мне действительно было все равно. Этот ребенок был как младший брат, которого у меня никогда не было. К тому же он был чертовски классным.

Блу схватила тележку для покупок, но я взял ее и постучал колесами об пол; на какое-то время я нахмурился, но затем почти сразу улыбнулся. Бенни понял, к чему я клонил, и это вызвало у меня смехок. Мы все хохотали, когда увидели, как шестидесяти-четырёхлетняя Миссис Палмер, задыхаясь, едва поспевала за своими пухлыми старыми ногами, уносившими ее прочь.

— Бен, веди себя прилично. — Словам Блу не хватало уверенности.

Бен вскинул руки вверх и пожал плечами, на что я покачал головой и поторопил его шагать вперед. Нам надо было успеть сделать кучу дел, прежде чем гости начнут подходить на барбекю.

После того, как город пожертвовал средства, отец Блу перестал брать каждую вакантную смену. Тем не менее, его смена заканчивалась не раньше, чем через полтора часа, поэтому нам самим пришлось все подготовить, а значит, нам надо было поторопиться.

Ходить по магазинам, будто мы были семьей, не укладывалось в моей голове, но вообще я наслаждался всем этим. Даже после очередного неодобрительного взгляда за ездю между рядами, на что меня подначил Бен.

Мы заплатили за товары, погрузили их в машину и отправились домой. Наши задания были выполнены, поэтому все было готово. Мы опять выглядели как семья, когда я разжигал гриль и наблюдал, как солнце окутывало Блу своим сиянием, одетую в красное летнее платье. Она расставляла на стол графины со сладким чаем; ее длинные волосы спадали вниз по спине и переливались в солнечном свете. Я знал, что в один прекрасный день она будет делать все это в нашем собственном доме. И это будут уже наши дети, бегающие вокруг и ищущие свои подгузники. Это должно было пугать меня, но напротив доставляло мне тот покой, который я желал, и новую надежду, что все будет хорошо.

Глава 15: Это ловушка

«Наша судьба не в звездах, но в нас самих».

Уильям Шекспир

Харпер

Вон и Бенни что-то замыслили. Они продолжали обмениваться взглядами через весь стол, и я начала опасаться, что они, наконец, доделали свою ловушку и готовы были воплотить свой дьявольский план. Сегодня Эйприл была не в настроении, что было еще хуже. Мне кажется, что они с Картером поссорились, потому что, когда я спросила, где он, то она пожалала плечами и перевела тему разговора. Она выглядела уставшей и она сменила стиль одежды, надев обычные джинсовые шорты и футболку «Грин-Бей Пэкерс», что вовсе не походило на нее.

Я была так поглощена своей собственной жизнью и новой любовью, что пренебрегла своей лучшей подругой. Я облажалась. Я терпеть не могла то, что она не делилась со мной своими страданиями. Я не знала, было ли это, потому что она не хотела портить мое настроение, или она была раздражена из-за того, что не идет со мной завтра. Чтобы это ни было, я беспокоилась, и это убивало меня.

— Эйприл, не хочешь прогуляться, прежде чем мы подадим пирог?

Ее рот приоткрылся, словно она хотела что-то сказать, но ее прервал Бенни, который звал ее с кухни. Обычно она выкрикнула бы что-то типа «чего надо, тупица?», но сегодня она улыбнулась мне, встала из-за стола и быстро направилась в сторону кухни. Именно тогда, когда я услышала ее крик, мои опасения воплотились в реальность.

Когда на кухне стало тихо, мы все поторопились туда, на ее крики и ругательства в адрес моего брата. Ее грязный рот мог заставить покраснеть весь морской флот.

Отец появился первым на месте преступления, во всяком случае, я так его называю. Эйприл вся была в чем-то похожем на взбитые сливки. Дверца холодильника была открыта, и из него разбрызгивались сливки, которые разлетались по кухне, но в основном, попадали точно в Эйприл. Думаю, каким-то образом Бенни, и скорее всего, не без помощи Вона, подстроили так, чтобы сработал диспенсер со сливками в момент, когда она открыла дверцу. Обычно я бы стала хохотать вместе со всеми, но Эйприл и так уже была на грани... и тогда мне уже стало страшно за Бена, лицо которого покраснелось от заливистого смеха в углу.

Я готова была уже схватить Эйприл и потрясти, но в следующую секунду она засмеялась. Я стояла в нерешительности, не зная, что делать,

но когда она попросту расхохоталась, я не выдержала, ведь передо мной возникла все та же старая Эйприл. Хоть она, скорее всего, позже надерет зад моему брату, но сейчас мы вместе наслаждались этим моментом.

Эйприл Гиллеспи попала в ловушку, которая была ей намного нужнее, чем объятия и болтовня со своей двоюродной сестрой.

Вон обхватил меня руками, и я взглянула на него, обнимая в ответ.

— Спасибо, — прошептала я, — Сегодняшний вечер был замечательный. Все ладили друг с другом, будто бы мы одна большая семья. Проблемная, конечно, но все же семья.

— Такова и была задумка.

Я обернулась в его руках и поцеловала его в подбородок.

— Ты видел наших отцов и Лорел? Я не видела, чтобы мой отец пил пиво с кем-нибудь уже очень давно. Я думала, что уже все потеряно, но это не так.

Он улыбнулся, но это была не та улыбка, которую я любила.

— Я рад, что твой отец может проводить время с тобой и Беном. И то, что ты наслаждалась сегодняшним вечером, делает меня еще счастливее. Это все для тебя, Блу, — он кивнул в сторону друзей и членов семьи, которые были на кухне. Пока Винни и Лорел отчищали Эйприл и кухню от разбрызганного крема, тетя Джун ругала Бенни, стоявшего рядом с папой. Они оба старались не ухмыляться, и мне пришлось сдерживать себя, чтобы не засмеяться. Мистер Кэмпбелл и Эд вместе с пивом и сладким чаем вернулись на улицу, болтая о футболе. Именно так я представляла себе семью, и все благодаря Вону. У меня было все это, и за все это я была обязана одному человеку.

Я снова обернулась, дотянулась до него, обнимая и целуя его в приоткрытый рот. Поцелуй был страстный, и я целовала его до тех пор, пока папа не начал прочищать горло, что заставило Вона отпрянуть.

Вон занервничал, но я взглянула на папу и проигнорировала его напряженное и покрасневшее лицо.

— Папочка, я собираюсь выйти замуж за этого парня, поэтому к таким поцелуям тебе придется привыкнуть.

У Вона перехватило дыхание. Я не думаю, что причиной тому был факт моего желания выйти за него, а потому, что я сказала об этом своему отцу, который, однако, стоял и улыбался. От удивления его глаза расширились так, что стали напоминать блюдца, но он был счастлив от того, что теперь у меня появилась новая отдушина в жизни, хотя и временная. Впервые за долгое время я стала наслаждаться жизнью с большей силой, и он видел это и понимал, что все это было благодаря

одному юноше, который стал особенным, как в моей, так и в его жизни.

* * *

Вон провел ночь у меня без надобности тайно пробираться в мою комнату. Я полагала, что папа теперь смотрел на Вона по-другому после пикника.

Медленно приближаясь ко мне, Вон стянул с себя джинсы и футболку. Мне определенно повезло, что я сидела на своей кровати, иначе меня бы разорвало. Я уже и забыла, как аппетитно он выглядел без футболки, на его натруженных мускулах красовалась тату. Мне до сих пор было непонятно, как мне удалось вытащить такой счастливый билет, — рядом со мной был не только чертовски привлекательный парень, но и парень с самым большим сердцем на земле. Я не могла поверить, что когда-то пыталась ему помешать стать частью моей жизни, и была очень рада, что он оказался таким упрямым, не смотря на мои уговоры. Он принес столько радости в мою жизнь, и в жизни тех, кого я люблю, и я надеялась, что это было взаимно. И теперь я не откажусь от него. Ни за что на свете.

Он прильнул поближе ко мне, и мои руки само по себе, будто больше мне не принадлежали, потянулись к месту его тату на тонкой загорелой коже.

— Вон?

— Да.

— Если я захочу сделать тату, то что мне набить?

Он хихикнул и коснулся ладонями моих щек, одновременно смахивая волосы с лица.

— Как насчет того, чтобы я сделал тату, а ты оставишь в покое свою нежную кожу?

— Но что если я захочу бабочку, или дельфина, или татуировку с Мэттом Дэймоном?

Он скривил губы и, прежде чем я что-либо поняла, начал меня щекотать, отчего я завизжала.

— Мэтт Дэймон? Бери свои слова назад.

— Нееет.

Его пальцы вновь атаковали меня, и я закричала на весь дом.

— Возьми свои слова назад, Блу.

— П... пасс, — между атаками мне удалось сделать вдох. Слава Богу, мне еще удалось сдержаться, чтобы не уписаться, а то было бы совсем неловко.

Он остановился и, притянув меня к себе, стал вытирать слезы с моих

щек.

— Ты воспользовалась еще одним пассом.

— Знаю.

— Столько времени уже прошло с тех пор, как мы установили эту договоренность.

— Я знаю. Каждый день становится лучше, когда я с тобой. Та вечеринка изменила мою жизнь.

— Ты изменила мою жизнь, Блу.

— Как думаешь, нужны ли нам еще эти пассы? Я к тому, что вряд ли у нас будет ситуация, когда я не смогу с тобой чем-то поделиться, или ты со мной.

Он запустил пальцы в мои волосы и приблизил к губам мой лоб. Мне нравилось то, как он меня целовал.

— Нет ничего, чем бы я не мог или не захотел бы поделиться с тобой, но, знаешь что? Я хочу, чтобы эти пассы остались у тебя, потому что мне хочется знать, что в какой-то момент ты предпочтешь рассказать что-то мне, а не пасовать. В момент, когда станет нелегко, а так и будет. Такова жизнь, и я планирую провести остаток своей жизни вместе с тобой. Поэтому побереги свои пассы.

Я поцеловала его чувственные губы и зарылась лицом в его шею.

— С каких это пор ты стал умнее меня?

По моей щеке пробежали вибрации от его смеха.

— Я умный, когда речь идет о нас с тобой, и это все, что для меня имеет значение.

— Я люблю тебя, Вон Кэмпбелл.

— Я первым тебя полюбил, Харпер Блу Кеннеди.

Я засмеялась.

— Мое второе имя не Блу.

— Заткнись и поцелуй меня.

Что я и поспешила сделать.

Вон

Твою мать, как же я ненавижу, когда она была в таком состоянии. Когда очередная прядь волос выскальзывает из пучка на ее голове, я поспешил убрать волосы в сторону, прежде чем они не намокли в том, чем ее тошнило.

От очередного приступа все ее мышцы снова напряглись.

Я уже сбился со счета, сколько раз ее тошнило. Я понимал, что ей дают лекарства, чтобы побороть болезнь, но было очевидно, что по ее венам

текло нечто, с чем невозможно справиться.

Она отстранилась от судна и протянула его отцу, который беспрекословно взял и вынес его из палаты. Мне было досконально известно, как он поступал с ним дальше, ведь я и сам миллиард раз проделывал это во время болезни моей мамы. Эта палата не сильно изменилась. Всякий раз отец возвращался с новым судном, пока я промакивал мягкой салфеткой ее лицо и улыбался, чтобы она видела, что со мной все было в порядке. Если бы она подумала, что я боролся из последних сил, она бы выставила меня прочь, и я бы больше никогда ее не увидел, а этого я не мог допустить.

— Я хочу сказать, что все понимаю, — прохрипела она.

Я промокнул ее слезящиеся глаза.

— Что именно, малышка?

— Что у тебя ненастоящая улыбка. Тебе не нужно делать этого. Знаю, это тяжело, но хочу, чтобы ты дал мне слово... — она сглотнула, — когда станет совсем плохо, ты уйдешь.

— Когда же ты, наконец, поймешь своей умненькой головкой, что я никогда тебя не брошу.

Она улыбнулась, и я наклонился, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась, отчего мой поцелуй пришелся на ее ухо.

— Пахнет рвотой.

— Ой.

Мы оба засмеялись. Слава Богу, потому что я мог справиться со многими вещами, но только не с тем, что болезнь отнимет у нее способность улыбаться и смеяться. В таком случае, я бы лучше сразу сдался к ее ногам.

Ее отец заулыбался нам, сидя в кресле, и подмигнул мне. Он всегда был таким молчаливым, что я стал задумываться, всегда ли он вел себя так, или только в моем присутствии.

Мы пробыли в том помещении уже три часа. Помимо нас там было еще пять пациентов, у которых были такие же кресла, как и у Блу. И у всех у них стояли капельницы с «ядом», от которого им становилось дурно, но благодаря которому они могли прожить еще один день. Эта картина помогла мне осознать, как много было тех, кто, как и мы, сражались за своих близких. С тех пор, когда я был там в последний раз, возможно, были и те, кто все еще продолжал бороться. И хотя Блу казалась там самой юной, я понимал, что ее муки ничуть не больше, чем других пациентов.

В ее капельнице осталось совсем немного раствора, после чего я смогу забрать ее домой. Она терпеть не могла это место, — стоило нам

перешагнуть порог больницы, как она начала жаловаться, что ей стало плохо. Полагаю, причиной тому был запах, который леденил ее душу, поэтому я понимал, что как только нам можно будет уехать, ей сразу станет легче.

Блу приподнялась и слегка зашаталась, мы с ее отцом сразу же подскочили к ней, но она остановила нас, помахав нам рукой:

— Мне просто надо в туалет.

— Я провожу тебя, — предложил ее отец, и я вернулся на место, продолжив наблюдать, как он придерживает ее за локоть, пока она, едва перебирая ногами, выходила из палаты вместе со своей капельницей. Я сел на стул и на минуту прикрыл глаза, и я не знаю как, но я заснул. Проснулся я лишь, когда Блу забралась ко мне на колени и свернулась клубочком, и я обнял ее и не отпускал своих объятий.

Она была сильно уставшей и почти сразу же заснула. Я поцеловал ее в лоб, хотя она, в отличие от меня, уже этого не чувствовала.

Ее волосы все еще источали сладковатый аромат, который заглушал запах антисептика, пропитавшего всего меня, поэтому я уткнулся в ее макушку и вдыхал ее запах. Мне нравились ее волосы и то, как они переливались на солнце от светлого до каштанового оттенка. Нравилось, как они развевались от ветра. Какими мягкими они были, их никогда не брызгали никакими спреями и прочей дрянью, как это делали другие девушки. Я вдыхал сладковатый аромат ее волос и снова отключился, увидев во сне вечер, когда мы встретились, а затем меня разбудил пронзительный писк.

Этот звук разбудил нас обоих, перед нами стоял ее отец, который сообщил, что процедура окончена.

— Слава Богу, — произнесла она, соскальзывая с моих коленей, и потирая живот. Блу все еще слегка шатало, но, когда к нам подошла медсестра Венди, она отмахнулась от нашей помощи. Меня одарили суровым взглядом, чтобы я уступил Блу свое место, но затем гнев Венди сменился на милость и она мне подмигнула. Боже.

Я сконфуженно приподнялся и уступил место Блу, которая мне улыбнулась. Сестра Венди была невысокого роста, строгая, но забавная. Она стала нашим ключиком, который помогал нам как можно скорей убраться оттуда, поэтому в разговоре с ней я всегда говорил «да, мадам» и спешил сделать все, что она говорила.

Блу ввели дополнительные лекарства от тошноты, и вот мы уже снова оказались в машине мистера Кеннеди, — Блу положила голову мне на плечо, рядом лежал небольшой запас пакетов на случай тошноты и

отдельный пакет с лекарствами. Мы были на пути домой и к нашему привычному распорядку.

Все, о чем мечтала Блу по дороге домой, была ванна, поэтому, как только мы оказались дома, я первым же делом помог ей с этим.

Должен отдать должное ее отцу — он оказался крепким сукиным сыном. Я наблюдал за его выражением лица в зеркале заднего вида, пока он сосредоточенно вел машину, не глядя на меня. По сути, он оказался безмолвным героем. Он потерял жену, которая была любовью всей его жизни, и потерял ее во всех смыслах, кроме самого непосредственного присутствия. Ему приходилось работать, как солдат, чтобы оплачивать медицинские счета, кормить детей, а еще и выдерживать, чтобы не сломаться от страха потерять одного из них. Он не сдавался. Он не жаловался, а просто продолжал делать то, что делал.

Продолжая смотреть на него, я подумал, что хотел бы однажды повзрослеть и хоть немного стать похожим на него — как на мужчину и отца.

Харпер

Я чувствовала себя немного принцессой. В ванной комнате горели свечи, а сама ванна была наполнена горячей водой и пеной. Если мне придется умереть, то своему измученному и уставшему телу я скажу, чтобы оно не торопилось, потому что сначала я хотела помыть волосы, которые лезли в лицо и раздражали меня.

Распустив волосы, я опустила в воду, чтобы смыть с себя события того дня. Хотя, должна признаться, на этот раз я чувствовала себя намного лучше по сравнению с прошлым. Я не знала, от чего был такой эффект, — я стала поправляться или в этот раз мне просто ввели большую дозу «Зофрана», а может, дело было в том, что теперь рядом со мной был Вон. Но разница была колоссальной, и мне было намного легче, чем после первого курса терапии. Не поймите меня неверно, после приезда из больницы меня все же стошнило дважды, но я не испытывала ничего кроме усталости.

Я ахнула, когда мои волосы коснулись кромки воды. А затем я увидела это. Мои руки. Волосы остались в моих руках, и я закричала.

Я не помню, был ли мой крик продолжительным, или я всего лишь вскрикнула, но я вздрогнула от стука в дверь, которая была словно в тумане из-за стоящих в моих глазах слез.

— Блу?

— Харпер?

Вон с папой стучали в дверь и кричали, но все, что я могла делать — просто плакать и смотреть на свои руки, полные волос.

— Пожалуйста, детка, открой дверь. Поговори со мной. Твой отец пошел поискать что-нибудь, чтобы открыть дверь, просто поговори со мной.

Я попыталась ответить, но из меня вырывался лишь крик и всхлипывания. Я слышала, что он меня звал, его голос был искажен от крика и переживаний, и от этого я еще больше стала всхлипывать. Это было так нечестно.

— Черт. Пожалуйста, детка. Держись там, мы идем. Мы идем, Блу.

— Харпер. Папочка здесь. Погоди секунду.

Я слышала звук прокручивающейся металлической ручки, а затем дверь широко распахнулась, отколошечив от стены, и ко мне подбежали папа и Вон. Папа стал укутывать меня в полотенце, которое почти целиком оказалось в воде. Вон не сводил глаз с моего лица, я посмотрела на него, держа в руках свои волосы.

— Посмотри, — всхлипнула я.

— Все в порядке, детка. С тобой все хорошо.

Отец стал гладить меня по голове, по волосам, но я закричала и отпрыгнула от него, обдав их обоих водой.

— Не трогай их! Они выпадают. — Меня трясло, и я плакала, держа в руках свои волосы, чтобы они увидели. — Они все выпали.

Вон забрался в воду и помог мне выйти. С меня стекала вода, а в ладонях ощущалась тяжесть намокших волос, но я не хотела их убирать. Он отвел меня в комнату и, уложив меня на кровать, лег рядом, укутав нас обоих в одеяло, а отец остался стоять и смотреть на нас в дверях.

Вон придвинул меня к себе и взял мои руки в свои ладони. Сначала я сопротивлялась, но он настоял и прошептал мне на ухо:

— Их можно отпустить.

Я медленно заставила свои мышцы расслабиться, и положила руки на кровать. Он попросил папу, чтобы тот принес полотенце и убрал волосы.

Мне не хотелось с ними расставаться, но и смотреть на них я тоже больше не могла.

Вернулся папа и вытер мои руки. Он поцеловал меня в щечку и присел на пол рядом с моей кроватью, не сводя с меня глаз ни на секунду, будто я могла в любой момент сломаться. Что же, он уже опоздал. Я снова начала плакать, я рыдала и рыдала, пока темнота и усталость не отвела меня в то место, где я обрела покой. Место, где я здорова и у меня есть волосы.

Когда я проснулась, было все еще темно, но уже забрезжил рассвет. Я

так и лежала в объятиях Вона, папа спал, облокотившись на стену позади меня. Я вспотела, а может, дело было во влажных полотенцах, но мне было тепло, и я чувствовала себя глупо. Моя реакция была похожа на реакцию сучки в стиле Барби. Я понимала, что рано или поздно у меня выпадут волосы. Я понимала это. И все же, когда я увидела их на своих руках, во мне что-то сломалось. Я ведь девушка, мне не хотелось терять свои волосы, и понимаю, насколько неправильно это прозвучало бы, но черт возьми. Девушки хотят быть с волосами, тем более, с такими, как у меня были, а теперь у меня их не останется.

Вон вздрогнул и, увидев меня, совсем проснулся:

— Блу, ты в порядке, крошка?

Я кивнула и поднесла палец к губам, чтобы он не шумел. Я встала и, закутавшись в полотенце, направилась с Воном в ванную. Ванна так и осталась стоять наполненной, но вода с пола успела испариться. Я потянулась и спустила воду, пока Вон прикрывал за собой дверь.

Обернувшись, я присела на край ванны и посмотрела на Вона. Он был напуган, за что я возненавидела саму себя. Я потянулась к нему, и он взял меня за руки, присаживаясь рядом со мной и обнимая меня другой рукой.

— Прости меня.

— Блу, не надо.

— Позволь мне договорить. — Он сделал глубокий вдох и кивнул, после чего я продолжила: — Я не хотела тебя напугать. Я испугалась, хотя дело было пустяковым.

— Детка, такие вещи не пустяк для тебя, для девушек. Я не тупой. Такие вещи очень беспокоят, но позволь сказать тебе следующее... — он потрепал меня по волосам, и я позволила ему это сделать, — ты всегда останешься такой же красивой, хоть с волосами, хоть без.

Я покачала головой, поскольку понимала, что это было не так, — он просто хотел, чтобы мне стало легче. Боже мой, как же я его люблю.

— Для меня волосы ничего не значат. Ты сама — весь мой мир. И чтобы показать тебе, насколько для меня не важны волосы... — Он встал и, присев на корточки, откуда-то достал бритву.

О Господи.

Он вставил бритву в розетку, и я услышала ее трескучий звук. Подскочив к нему, я выхватила провод, и бритва выскользнула из его рук прежде, чем она успела коснуться его великолепных и красивых волос.

— Нет!

— Почему нет?

— Потому что один из нас должен остаться с красивыми волосами, и

пусть это будешь ты.

Улыбаясь, он посмотрел на меня:

— Я хочу обрить голову, чтобы мы оба смогли записаться в скинхеды.

— Ты сумасшедший?

— Возможно. Сумасшедший от тебя... это точно, — пожал плечами он.

Я кинулась к нему в объятия. Мое полотенце раскрылось и сползло, но я продолжала его целовать. Я целовала его, как будто была не в себе, пока он, уже едва дыша, не отстранился от меня, при этом выглядел весьма восторженным.

Я стала практически лысой, из меня сыпались волосы, а он все еще хотел меня. Как же мне удалось заполучить такого особенного и такого сумасшедшего парня, как он?

* * *

С каждым днем я все больше теряла волос. Мы находили их повсюду, и это было абсолютно ненормально и отвратительно. Я стала закалывать их в неплотный пучок, чтобы не были видны небольшие проплешины, которые у меня появлялись. Но я больше не смогла сдерживаться, когда Бенни, папа, Вон и я сидели за ужином, и Бенни изменился в лице. Точно такое лицо у него бывало, когда Эйприл начинала говорить про парней и секс, чтобы довести его. Он полез руками в картофельное пюре и, когда я собиралась сделать ему замечание относительно его манер, он что-то достал из тарелки. Что-то длинное и похожее на ниточку, и замерев на месте, я поняла, что это было.

— С меня хватит! — я бросила нож и вилку на стол. Все подпрыгнули на месте, а Бенни уронил волос, покрытый пюре. — Я стригусь налысо.

— Ангел, — с мольбой в голосе произнес папа. Но я его уже не слушала и ладонью показала, что не потерплю никаких возражений.

— Нет. Если бы я просто линяла, как больной кот, это еще ничего, но это уже начинает портить наш ужин. Пора посмотреть правде в глаза. Пришло время попрощаться с моими волосами.

— Все в порядке, Харп. Я доем. — Бенни взял вилку с картофельным пюре и поднес ко рту, когда я подбежала к нему, чтобы остановить, но было уже поздно. — Смотри, все так же вкусно, — он прожевал пюре и проглотил.

Вон усмехнулся, за что я шлепнула его по рукам, все еще увещевая своего взрослого младшего брата:

— Бенни, не ешь это. Внутри могут быть мои волосы.

— Эй, я обычно ем даже бутерброд, который до этого падал колбасой

вниз. В чем разница?

— Что?

Это звучало отвратительно.

— Правило пяти секунд. Доказанный факт, уверен, — возразил он, проглотив полный рот пюре.

— Бенджамин, — прокашлялся папа. — Пожалуйста, не ешь больше с пола, я уверен, что правило пяти секунд вовсе не было доказано.

— Послушайте, — произнесла я, дабы положить конец всем шуткам, отводящим от темы, что мне надо было побрить волосы. — Это не меняет факта, что мне нужно посмотреть правде в глаза, и ради нашего общего здоровья, обрезать волосы пока идет период созревания раковых клеток.

Вон взял меня за руку, и я посмотрела на него. Взгляд его преданных карих глаз был таким родным, он так хотел, чтобы я успокоилась.

— Ладно, обрежь их, но только не горячись и не брей голову. Я свожу тебя к Хизер, и тебе сделают крутую стрижку, которая тебе очень понравится.

На самом деле я была очень рада услышанному. Я могла бы взять с собой Эйприл, и мы обе устроили нечто вроде девичника, пока бы нам делали стрижку, прежде чем у меня не выпали все волосы.

— Ты прав, я позвоню Эйприл. И она тоже сделала бы себе стрижку, но сначала я закажу пиццу.

— Но пиццу могут принести тоже с волосами, и должен сказать... для меня лучше, чтобы волосы оказались твоими, — выкрикнул Бенни, подняв в воздух вилку.

Комната наполнилась громким смехом и замечаниями в адрес Бенни, который вывел разговор на новый уровень неприличия. Мы продолжили ужинать тем, что я подала на стол, только уже внимательно вглядывались в свои тарелки.

* * *

Мне очень пошла новая стрижка. Получилось даже короче, чем я себе представляла, но в конце концов, мне казалось, что я имела полное право согласиться на нечто дерзкое. Все равно все они выпадут, так почему бы не дать волосам фору?

Хизер постаралась на славу и, когда все было почти окончено, из другой комнаты появилась Эйприл и осторожно присела за моей спиной. На моих щеках до сих не высохли слезы от смеха, когда из-за тонкой перегородки стали доноситься ее крики. Она не захотела ничего делать со своими волосами, но глядя на мою решимость, согласилась на депиляцию с

помощью бразильского воска.

Жаль, что у меня не было с собой камеры Картера: это были бы бесценные кадры.

Она посмотрела на меня широко распахнутыми глазами и улыбнулась.

— Черт, Харп. Ты просто секси. Теперь Вону надо еще больше быть настороже.

В итоге мне сделали модную стрижку пикси, которая на деле никак не скрывала появившиеся залысины, но соглашусь, она и вправду сделала из меня другого человека. В каком-то смысле сексуального, как она заметила, и мне нравилось это ощущение. Даже нет, я была в восторге от этого.

Хизер сняла с меня накидку и с улыбкой произнесла:

— Вуаля!

— Спасибо тебе большое, Хизер. Ты великолепна, — похвалила я ее, улыбаясь и оглядывая себя то с одной, то с другой стороны.

— Отчасти благодаря безумно красивой модели, — подмигнула она, от чего я залилась краской.

Из задней комнатки показалась Полли, косметолог, которой только что пришлось вынести на себе гнев бранящейся Эйприл, и окликнула нас:

— Эйприл, ты хотела сохранить все эти волосы...

— Ты так по-дурацки пошутила, Полли? Пусть они горят синим пламенем. Зачем мне хранить свои чертовы волосы, после того как ты отодрала их с моей киски? — Эйприл почти сошла на крик, вызывая у меня приступ смеха, чем весьма шокировала Полли и саму Эйприл.

— Прежде чем ты так грубо меня перебила, я хотела спросить, собиралась ли ты сохранить волосы Харпер? Я от многих слышала, кто терял волосы, что они никогда не вырастали точно такими же. Например, волосы могли стать прямыми, а до выпадения они завивались, или даже могли изменить цвет.

— Ой, — Эйприл втянула голову, став похожей на черепаху, и посмотрела мне под ноги.

У моих ног лежали длинные пряди и обрезки моих волос. Их достаточно много, поэтому, прокрутив в памяти слова Полли, я наклонилась и подняла одну прядь. Свернув ее пополам, я завязала на ней узелок, чтобы волосы не растрепались.

— Знаешь, у меня есть одна знакомая, который делает парики из натуральных волос. Думаю, что если я отправлю ей обрезки волос, то она сможет что-нибудь изготовить для тебя на время, когда ты совсем облысеешь, — мягко предложила Элис. — Конечно, в парике будут не только твои волосы, но большая часть точно.

Никогда раньше я не задумывалась о парике всерьез. Вон подарил мне свою старую кепку с надписью «Warrior»²⁷, она мне нравилась и я думала, что буду носить ее. Но теперь, увидев, что осталось от моей шевелюры, которую я отращивала восемнадцать лет, я передумала. А если волосы станут другого цвета или текстуры, то они точно все выпадут.

— Я могла бы надеть парик на выпускной или вручение диплома.

— Конечно, можешь, — неожиданно она обняла меня за плечи. — И будет казаться, что ты и вовсе их не теряла.

— Ага. Почти. Но это будет явно лучше, чем бойцовская кепка.

— Да уж, мать его. Только не говори Картеру, что я это сказала.

Элис стала собирать мои волосы, на что я стояла и качала головой. Полли уже успела разложить немного фольги, в которую мы хотели их завернуть.

— Спасибо вам обеим, — поблагодарила я их, пока они упаковывали мои волосы к новой жизни. К моей новой жизни. — Я не могу описать словами, насколько я благодарна вам обеим за сегодняшний день.

— Не стоит, — в один голос ответили они и кинулись обнимать меня, усаживая в кресло. Мне казалось, что до нашего переезда в Олбани, штат Миссури, меня никогда раньше так часто не обнимали, и должна признать, если раньше я не была любителем объятий, то теперь это все больше мне нравилось.

Несмотря на мое возражение, Эйприл заплатила за нас обеих, а потом за нами заехали парни. Камера Картера была направлена на меня, а затем молниеносно сфокусировалась на реакции Вона. Глядя на него тогда, даже я переживала по поводу его реакции.

— Нравится, тупица? — Толкая Вона в плечо, спросила Эйприл. При этом казалось, что он даже не заметил удара. — Ну скажи же что-нибудь.

Да уж, скажи что-нибудь.

— Тебе нравится? — спросила я, надеясь услышать «да». Мне безумно. Уже не имело значения, нравилось ему или нет, хотя для меня это было важно. И я возненавидела эту паузу.

Ничего не отвечая, он поспешно подошел ко мне и своими большими ладонями взял мое лицо, а затем страстно меня поцеловал. Я думала, что я упаду прямо там же, или споткнусь, или... да какого черта? Он целовал меня до умопомрачения, и мне это очень нравилось. Его поцелуй прекратился лишь тогда, когда за его спиной раздалось мяуканье кошки, он уткнулся своим лбом в мой и попросил открыть глаза.

Я попыталась, но глаза будто не слушались. Я все еще находилась будто в обморочном состоянии, а затем я облизала свои губы.

— Открой их, Блу.

У меня получилось, и я увидела его горящие карие глаза и прямой нос.

— Ты самая сексуальная, самая красивая женщина, какую я только знаю, и я чертовски счастлив, что когда-то ты сглупила, согласившись стать моей девушкой.

Я засмеялась, и он прижал меня к своей груди, зарываясь подбородком в мою шею.

— Завтра в школе мне придется сходить с ума, отгоняя от тебя парней. Я и раньше мучился от этого, а уж теперь...

Я хлопнула его по груди и захихикала, как глупая девчонка, в которую я всегда превращалась рядом с ним.

— Ну, по крайней мере, мы будем в равном положении, да? А теперь давай отпразднуем твой новый контракт.

Мама Вона всегда хотела получить статус органического производства для их имения, чтобы впоследствии заняться производством органической говядины. Ей удалось получить такой статус, но вскоре у них закончились деньги, а потом уже и здоровье, когда она заболела. И с тех пор, Винни, Эд и Вон работали с целью продолжить ее дело. Некоторое время назад отец Вона по какому-то велению сердца дал ему денег на осуществление этой мечты. И спустя пару недель им надо было делать презентацию для некоторых шишек в Джефферсон Сити, чтобы подписать контракт на поставки органической говядины из Олбани. День их отъезда как раз совпадал с днем, когда мне надо было ехать на лечение, а вся поездка заняла бы примерно четыре дня.

Вон не хотел уезжать так надолго, но было проблематично разрываться четыре дня между делами компании, банками, и мною. Поэтому я настояла на его поездке, чтобы он смог сконцентрироваться. Я взяла с него обещание, чтобы мысли о моей болезни не сказывались на осуществление его мечты. И если такое произойдет, то я себе этого не прощу. Поэтому он дал мне слово, ведь я, если что надумала в отношении него, то всегда получала то, что хотела. Это может звучать эгоистично, но, полагаю, так ведут себя все девушки. К тому же, он тоже обладал надо мной такой же силой, он просто пока об этом не знал.

* * *

Следующие две недели были вполне легкими по части уроков. Мы с Воном не расставались ни на минуту, особенно после того, как у меня выпали оставшиеся волосы. Я стала носить его счастливую кепку с надписью «Warrior». Он считал, что я выглядела сногшибательно, хотя

мне казалось, что он просто бредил. Но, в конце концов, это же было не навсегда.

Я все еще ощущала, что на меня все пялились, и хотя я понимала, что они просто ничего не могли с собой поделать, все-таки испытывала некоторое раздражение от этого. У меня появилась куча новых друзей, и жизнь вполне удалась. Неделю назад мне делали скрининг. Лекарство для проведения сканирования на вкус было похоже на мел, и сразу спешило вырваться обратно, поэтому врачи дали мне что-то другое, что напоминало концентрированный лаймовый сироп. Должна признаться, он мне тоже не понравился, но он хотя бы оставался внутри меня. Томография и снимки указывали на то, что мои раковые образования увеличились в размерах, чем я всех удивила. Никто не думал, что я доживу до таких размеров. К сожалению, для проведения последнего сеанса терапии у меня был низкий уровень лейкоцитов, поэтому мне пришлось принимать еще какие-то лекарства. Клянусь, скоро все принятые мною таблетки будут трещать от каждого моего движения.

На следующий день мы с папой собирались ехать на терапию, что было на день раньше планируемой даты, поскольку врачи хотели оставить меня там на ночь. Мысль о том, что мне стало хуже, а Вону надо уезжать, его просто убивала. Ему больше меня претила эта идея поехать пораньше. Что было еще хуже, — мне хотели взять поясничную пункцию. И было ошибкой то, что мы стали гуглить, в чем она заключалась, поскольку мы оба ужасно испугались.

Урок нам обоим, как в разговоре сказала мне местная медсестра: ничего НЕ искать в интернете. И за это я была готова убить саму себя. Хотя было уже слишком поздно.

Вон остался у нас на ночь, и, несмотря на мое огромное желание ночевать в палатке, которая все еще стояла на заднем дворе, он категоричен. В общей сложности мы ночевали там шесть раз, но последний раз был уже очень давно. Вон сказал, что если я хотела выдержать лечение и поправиться, мне нужно отдыхать. К тому же, ночи стали холоднее, а мне еще только простуды не хватало.

Все-таки мне не всегда удавалось заполучать желаемое, особенно, когда он так волновался о моем здоровье.

Поцеловав его, я зашла в класс к миссис Холмс, которая закрыла дверь прямо перед его носом. Было немного забавно, когда миссис Холмс сурово посмотрела на меня, отчего я поспешила убрать с лица все эмоции и села за парту. Каждый вторник я вынуждена была терпеть своего соседа по парте, от которого всегда пахло чесноком; позже, во время ланча, мы с Эйприл

имели привычку отпускать шуточки на этот счет.

Исписав в тетради две с половиной страницы про книги, написанные после выхода фильмов, и все такое, неожиданно для меня прозвучал звонок с урока. К сожалению, «все такое» вылилось в домашнее задание, которое нужно было сдать на следующей неделе. Изрядно проголодавшись, я направилась к столовой, где мы договорились встретиться с Воном и Эйприл. Я дошла до спортзала, из которого выходил какой-то парень, он уставился на меня и, схватив мою кепку, бросился прочь.

Я замерла на месте от шока. И от смущения... вернее, от полного унижения. Еще ни перед кем я не снимала кепку, кроме моей семьи и Вона. В тот момент я почувствовала себя как на витрине, выходявшие из зала парни держались стайками, а я, собрав все мои чувства в кулак, подняла с пола кепку и побежала в уборную, пряча отвратительные и напрасные слезы. Я слышала, что позади раздался чей-то голос, но это был не Вон, поэтому я хотела как можно скорее убежать оттуда.

Ситуация была нелепой. Я сама была нелепой. Но слезы лились сами по себе, когда я хлопнула дверью, скрываясь в уборной, и упала на грязный пол, обнимая свои колени и моля, чтобы появился Вон.

В тот же момент в кармане завибрировал телефон, и я с облегчением увидела, что это был он. Я поднесла трубку к уху, чтобы слышать его голос.

— Ты где? С тобой все в порядке?

Я старалась не хлюпать носом, наоборот, пытаюсь восстановить дыхание, потому что он уже звучал обеспокоенно. Вероятно, он уже слышал о том, что произошло от кого-нибудь из парней. Может, даже от того, кто окликнул меня. Я не была уверена.

— Я в порядке, — ответила я, совсем не чувствуя себя в порядке.

— Ты где?

— В ванной комнате.

— В какой из?

— Та, что рядом со спортзалом.

— Я иду, Блу. Слышишь меня? Я уже иду. Не клади трубку, детка.

Я слышала, как у него сбилось дыхание.

— Ты еще тут, детка? Я почти на месте.

И затем я услышала, как кто-то выкрикнул «эй» и откашлялся.

— Ага.

Дверь в уборную резко распахнулась.

— Я здесь, Блу. Я здесь. — Он присел на корточки и заглянул под дверью в мою кабинку. — Эй, ты в норме? Тебя кто-то обидел?

Я встала и прислонилась к дверце кабинки.

— Вон.

— Черт.

Он тоже поднялся, чтобы я открыла дверь. Обняв, он крепко сжал меня в своих объятиях, и помог выйти из кабинки к раковинам. Затем он взял в ладони мое лицо и внимательно посмотрел, думаю, в поисках следов или чего-то еще.

— Почему ты не позвонила? Черт. Мне следовало быть рядом с тобой. Мне так жаль, крошка.

Я покачала головой и всхлипнула. В тот момент я чувствовала себя какой-то идиоткой и ругала себя за свою реакцию и то, как все это отражалось на нем, но я ничего не могла с собой поделать.

— Я в порядке. Правда. Я испугалась и засмущалась.

— Я убью Бейкера.

— Не надо. Он придурок и не стоит того, чтобы ты тратил на него свое время. Я просто слишком бурно отреагировала.

На самом деле я даже понятия не имела, кто такой Бейкер.

Он вытер мое мокрое от слез лицо и поцеловал в щеку, притягивая к себе ближе, и в этот момент в уборную забежали Эйприл и Картер.

— Ты в порядке? — спросила Эйприл, поглаживая меня по спине.

Оторвавшись от Вона, я закивала и обняла ее.

— Я слишком бурно отреагировала.

— Я буду бурно реагировать, когда схвачу Бейкера за яйца. Он пожалеет, что не родился без них, — заявила Эйприл.

Я приснула от смеха и поспешила вытереть свой нос, потому что была почти уверена, что от смеха у меня все вылетело из носа. Картер с улыбкой похлопал меня по спине. Он всегда оставался молчаливым, хотя в его взгляде читалась борьба, я поцеловала его в щеку.

— Все в порядке, я в норме.

Он кивнул в ответ.

— Это так, потому что ты восхитительна.

Вон снова притянул меня в свои надежные объятия.

— Ну хватит. Умой свое личико и пойдем что-нибудь перекусим. Тебе надо поесть.

— Сначала мне надо в туалет, — произнес Картер, заглядывая в кабинку, откуда я выходила. — Боже, ну почему женский туалет намного симпатичнее мужского. Мне кажется, что нас будто наказывают за то, что мы родились с пенисом.

Я снова рассмеялась, когда Картер закрылся в кабинке и изнутри раздался его стон от удовольствия процессом. Я знала, что он все еще

злился и сдерживал свои эмоции, — это был его защитный механизм.

Затем он вышел из кабинки и вымыл руки, пригнувшись к запаху мыла и все еще покачивая головой.

— Значит так, Эйприл. Теперь, когда ты будешь сюда заходить, то сначала будешь смотреть, чтобы тут никого не было, и если никого не будет, то я тоже буду пользоваться этой уборной.

— Как скажешь, котик, — промурлыкала она.

— Готова? — спросил Вон.

Я кивнула в ответ, на что он подал знак Эйприл, чтобы она оставалась рядом со мной, после того, как они с Картером вышли. По пути Картер все еще продолжал жаловаться на разницу в чистоте между женским и мужским туалетом.

Эйприл взяла несколько бумажных полотенец и открыла воду, чтобы их смочить. Умывшись, я посмотрела на себя в зеркало. Мой вид все еще казался помятым, глаза по-прежнему были красноватыми, а по коже пошли красные пятна.

— Ты выглядишь нормально. Пойдем, пока Вон не поднял тревогу, беспокоясь о тебе.

Сделав глубокий вдох, я кивнула. Несмотря ни на что я должна убедиться, что он успокоился, ради блага его самого и Бейкера.

За ланчем все еще чувствовалась какая-то напряженность, но Картер был мастером поднятия настроения: этот парень был будто соткан из противоречий, и Эйприл приходилось с этим мириться.

К нашему столу подходили люди, и все заверяли нас, как не поздоровится Бейкеру, если он попадется им в руки. А когда их взгляд переключался на Вона, то все понимали, что будет хуже, если он поколотит Бейкера первым. Другие просто как обычно тарасились, и я медленно к этому привыкала.

Следующий урок у нас был совместно с Воном, чему он радовался больше меня. До этого наши уроки не совпадали, и вместо него со мной была Эйприл. Все шло как обычно, пока мы не дошли до парковки, где должны были встретиться с парнями; но сразу стало понятно, что что-то произошло. Еще никогда мне не приходилось ждать Вона. Никогда прежде.

Иногда мы подвозили Эйприл, потому что Картер оставался на тренировку по футболу, но Вон всегда нас уже ждал. Мы всегда уезжали еще до отъезда автобусов, и успевали забрать Бенни.

Поглядев по сторонам, я заметила удаляющийся вниз по дороге автобус. Я еще раз проверила телефон, убедившись, что у меня не было ни пропущенных звонков, ни сообщений. Я стала слегка переживать. Зная, как

сильно он злился на Бейкера, мне стало страшно, что он мог что-то с ним сделать.

— Эйприл, мне кажется, нам нужно пойти их поискать.

— Я... я позвоню Картеру.

Ускорив шаг, я посмотрела в сторону школы. Мне показалось немного странным, что больше не было ни одного автобуса.

— Мистер Ллойд? — произнесла в трубку Эйприл.

Я повернулась к Эйприл, которая стояла с тем самым выражением лица. Определенно что-то произошло.

— Да, сэр. Мы их ждем потому, что они подвозят нас до дома, и Вон забирает из школы младшего брата Харпер.

О Боже.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

О Боже, Боже.

Когда она закончила разговор, и я подскочила к ней.

— Что случилось?

— Тебе это не понравится. С ними все в порядке, они придут через минуту.

— Что случилось?

— Мне кажется, пусть лучше он сам тебе все расскажет.

Я схватила Эйприл за руку и чуть ли не затрясла ее.

— Эйприл.

Покусывая губы, она поглядела мне за спину. Их пока не было на горизонте.

— Вон и Картер поехали на автобусе Бейкера.

— Черт. Я так и знала. Я так и знала.

— Вон толкнул Бейкера так, что тот разбил головой окно в автобусе.

— О Господи.

Затем, прикрыв своей ладонью мою руку, добавила:

— Мистер Ллойд сказал, что водитель и Бейкер хотели вызвать полицию, но когда они объяснили, что с тобой случилось, их, предупредив, отпустили. К Бейкеру едет скорая, на случай, если у него вдруг сотрясение, а отцу Вона придется заплатить школе за разбитое стекло.

— С Воном все в порядке? Они подрались?

— Не знаю, милая.

Я зашагала к главному корпусу и по дороге увидела Картера и Вона, которые спускались по лестнице. Увидев меня, Вон опустил глаза. Ему было стыдно, и я любила в нем это качество. Я не понимала, от чего я злилась, — от того, что он повел себя жестоко, или что он мог пораниться,

или что он многим рисковал, когда поступил так. Я даже не совсем понимала, делал ли он это ради меня, или ради себя самого.

Я подождала, пока Картер, похлопав его по плечу, взял за руку Эйприл и они ушли к внедорожнику. Мы же с Воном остались в тишине стоять на парковке; я не отводила от него глаз, пока он разглядывал свои ботинки, будто ответы на все мировые вопросы лежали под подошвой его обуви.

— Мне жаль, — промямлил он, на что я бросилась к нему на шею и обняла его. — Мне так, мать его, жаль.

— Больше так не делай.

Он уткнулся лицом мне в шею.

— Я просто никак не мог выбросить его из головы. Я не смог остановить свою фантазию. А теперь у меня перед глазами кровь и осколки в ладонях.

Отодвинувшись от него, взяла его за руки. Его кулаки были изрезаны, и из них сочилась кровь.

— Ладно. Давай заберем Бенни и поедем домой, а там я их обработаю, хорошо?

Мне нечего было ему добавить, он и сам все понимал. Было ошибкой, что он пошел за Бейкером, но я его понимала, и он сам знал, что могло произойти ужасное, если бы дело приняло другой оборот.

Прижавшись друг к другу, мы направились назад к грузовику, не сказав больше ни слова. И хотя он открыл для меня дверцу, мы уже не смеялись и не целовались, как всегда. Не в тот день.

Еще не успев забраться в машину, Бенни уже понял, что что-то случилось. Мы опоздали, чего раньше никогда не происходило. Он увидел кулаки Вона и у него округлились глаза, но он ничего не сказал вслух. Он сидел тихо, и за всю дорогу мы лишь однажды нарушили молчание, перекинувшись парой фраз, что было для нас совсем не привычным.

Когда мы подъехали к дому, Бенни вышел из машины и скрылся в доме прежде, чем я успела даже отстегнуть свой ремень. Услышав, как вздохнул Вон, я обернулась к нему. Ему было тяжело от чувства вины, и я разделяла его чувства.

— Вон, что сделано — то сделано, и каждый знает, почему. Пора простить самого себя.

Он поднял на меня свои огромные глаза, и от этого взгляда мне стало не по себе.

— Я вел себя, как одержимый монстр. Как...

— Как кто?

Покачивая головой, он ответил:

— Это неважно. Я просто не хочу, чтобы подобное повторилось. Я испугался, и напугал Картера. Взглянув в лицо Бейкера. Я...

Я погладила его по лицу, и он, закрыв глаза, наклонился к моим ладоням. У меня немного ныло на сердце от мысли о том, что внутри него что-то сломалось. Он всегда вел себя чувственно; и было ясно, что ему тяжело с этим справиться, потому что именно он создал всю эту ситуацию.

Но я была полна решимости ему помочь. Ведь следующие пять дней мы провели бы не вместе, а я не могла даже подумать о том, чтобы оставить его в таком состоянии. Ни в коем случае. Поэтому тем вечером я решила показать ему, каким прекрасным человеком он был. Я собиралась предаться сладости любви с этим парнем до тех пор, пока он не поймет, что я живу и улыбаюсь только благодаря ему.

Глава 16: Тьма поглотила меня

«Отпусти то, что тебя убивает, и держись за то, что помогает тебе дышать».

Губка Боб

Вон

Я не мог заснуть; все, чего мне хотелось, — смотреть, как она спала. Мне претила мысль о том, что она останется без меня на следующие пять дней, или даже дольше. Я боялся, я правда чертовски боялся. И мои страхи касались многих вещей. Что я ей буду нужен, а меня не окажется рядом. Что ей станет хуже, и во мне будет нуждаться Бенни.

Я боялся, что повторится мое вчерашнее состояние. Мне было страшно, что только лишь с Блу я чувствовал себя любимым и не брошенным, и она вчера мне это доказала. Должно быть, я поцеловал каждый сантиметр ее сладкой кожи. Я понимал, что вчера она занялась со мной любовью, чтобы я перестал терзать самого себя чувством вины, и это сработало. Она была волшебной, и я ничему не позволю нас разлучить.

Ах, если бы эта встреча не была такой важной, я бы ни за что не уехал от нее. Никогда.

Я лежал и смотрел, как часы за ее спиной, продолжали свой отсчет, и размышлял о том, чтобы встреча прошла быстро, и я поскорее бы к ней вернулся. Больше всего на свете я хотел, чтобы она спокойно перенесла пункцию, и лечение прошло без осложнений. Картинка процедуры по взятию пункции, которую я нашел в Гугле, привела меня в ужас. И я сходил с ума от мысли о том, что вокруг ее позвоночника будут орудовать огромной иглой.

Я был рад хотя бы тому, что с ней оставался ее отец. Еще недавно между ними была будто стена, и вдруг, каким-то чудом, она рухнула

именно в тот момент, когда она больше всего в этом нуждалась.

Она снова заговорила во сне. Снова с ней происходило это. Мне казалось, что такое в основном происходит, если у нее выдался насыщенный событиями день. Иногда я понимал, о чем она говорит, а порой понять было невозможно, и она просто все время бубнила что-то. Это было восхитительно, это было только моим. Она была моей.

Той ночью она говорила обо мне. Мне раз десять послышалось, как она сказала, что любит меня, и после каждого раза мое чертово сердце ликовало. Я понятия не имел, как бы сложилась моя жизнь, если бы она в ней не появилась, и мне становилось дурно от мысли, что со мной станет, если она покинет меня.

Поэтому я гнал от себя такие мысли. Вместо этого, я чмокнул ее в губы и в ушко, и продолжил слушать ее болтовню, попутно отвечая на вопросы, хотя меня никто не слышал. Так я и дождался рассвета, когда она распахнула свои ресницы и улыбнулась своей бесподобной улыбкой, которую я так любил.

— Привет, — произнесла она, прикрывая рот ладонью, и отворачиваясь.

Я знал, что она просто переживала о несвежем дыхании — она всегда об этом переживала. Но в тот день я не позволил ей отвернуться. В тот день я хотел целовать ее и заняться с ней любовью, пока в доме все спали.

Тем утром я любил девушку своей мечты так, будто это было в последний раз, моля о том, чтобы это было не так.

Харпер

Я ничего не видела. Вокруг была темнота, и я не могла шевелиться. Что со мной? Я даже не могла задать этот вопрос, — мое тело меня не слушалось.

Вон? Я хочу видеть Вона. Хотя, конечно, я знала, что он был не рядом. В последний раз мы виделись, когда он махал нам с отцом на прощание в день нашего отъезда. Потом ему надо было отвезти Бенни обратно к Эйприл домой. Бедный мальчик.

Я снова потеряла сознание, но заставляла себя держаться за реальность, как это было уже несколько раз. Но у меня не получалось, и я снова проваливалась в никуда.

Я перестала ориентироваться во времени, и уже не понимала, как долго находилась в темноте. Я сбилась со счета, сколько раз я пыталась собраться и найти путь к свету.

Но я еще не умерла. Это я поняла, потому что слышала голоса отца и

доктора, но ничего не могла им ответить. В моем теле ничего не работало, и чем сильнее я старалась бороться, тем быстрее мое сознание меня покидало; я не хотела снова падать в темную бездну — я очень сильно боялась, что в очередной раз просто не смогу из нее выкарабкаться.

Я не понимала, что произошло. У меня брали из поясницы пункцию, а потом вдруг это. Ничего кроме темноты. Что-то сделали не так? Может, они задели мой спинной мозг? Но тогда у меня были бы другие симптомы.

Сражайся. Помни это. Я лежала в позе эмбриона, стараясь не кричать и не двигаться, когда в спину вошла игла. Мне дали наркоз, чтобы я попыталась расслабиться. Я сжимала отца за руку, когда после газа мне стало больно и меня стало тошнить. Я не двигалась. Мне казалось, что я не двигалась.

Я помню иглу. Отец попросил, чтобы меня приподняли, а потом... пустота.

Я слышала чьи-то рыдания. О нет. Это был отец. Он стоял рядом и плакал.

О Боже, на меня накатила тошнота. Я не могла пошевелиться, и меня вот-вот начнет рвать. А вот и тьма.

Я почувствовала, что от света у меня заболели глаза, и я прикрыла их ладонью. Своей ладонью. Перехватив дыхание, я попыталась сесть, но из-за головокружения у меня взбунтовался желудок. По крайней мере, я могла двигаться, по крайней мере, я могла видеть.

— Ангел. О Боже мой, Ангел, детка. Я так переживал. Поговори со мной.

— Папа, — выдавила я. Мое горло болело, и я пыталась сглотнуть, но во рту было очень сухо.

— Дать тебе немного ледовой крошки?

Я снова попыталась открыть глаза, но было такое ощущение, что в мою голову вбивали раскаленную кочергу, и я застонала.

— Харпер? Что такое, Ангел?

— Свет.

— Свет? Хочешь, чтобы я его выключил?

Я кивнула и услышала, как он нажал на выключатель над моей кроватью.

— Вот так. Так что насчет ледовой крошки? Попробуй-ка снова открыть глаза.

Я снова закивала, так как мое горло горело даже больше, чем голова.

В палате была медсестра.

— Эй, привет, сладкий пирожок. Рада, что ты снова с нами. Ты сутки

была без сознания и слегка нас напугала. — Она дотронулась до меня, и мое тело отозвалось такой сильной болью, будто я подхватила страшный грипп. — Твой папа рядом и сейчас даст тебе немного ледяной крошки. Ты меня порадуешь, если сможешь немного проглотить.

Я почувствовала, как мне на губы упало несколько ледышек.

— Вот так, Ангел. Открой ротик.

Я подчинилась, но быстрое облегчение мгновенно улетучилось. Мне хотелось еще.

Я снова открыла рот, чтобы он положил мне еще льда.

— Не так много, детка. По чуть-чуть, иначе ты заболеешь, — предостерегла медсестра.

Я попыталась снова открыть глаза; несмотря на боль, мне очень хотелось увидеть отца, и посмотреть на свою медсестру. У нее был милый голос. Я хотела узнать, что произошло. Хотела спросить, как долго я была без сознания. Звонил ли Вон? Я ничего не понимала, и мне это не нравилось. Мне было страшно. Очень страшно.

Отец выглядел ужасно. Однажды я видела его в таком состоянии, — когда после аварии мама не вышла из комы.

— Папочка, — прокряхтела я, и он слегка наклонился пониже, чтобы лучше слышать.

— Ангел. Ты мне нужна, чтобы подписать кое-какие документы, чтобы я мог принимать за тебя необходимые решения. Я не смогу пройти через все это снова. У меня нет таких полномочий, я очень испугался.

Я была на грани, что меня нужно было реанимировать? О, Боже. Я подписала заявление об отказе на реанимацию, когда узнала о своей болезни. Мне не хотелось умирать, я хотела сражаться. Но вместо решимости я заплакала, когда отец поцеловал мою руку, и она стала влажной от его слез. Я была такой эгоистичной сучкой. Как я могла так с ним поступить? Я боялась закончить, как моя мама, которая, по моему мнению, стала пустой оболочкой, но мое мнение изменилось. Что если она осталась в ловушке подсознания, как и я? Что если она пребывала во тьме, где только что находилась я сама?

Сканирование мозга мамы указывало на небольшую активность, но я понимала, почему отец отказывался сдаваться. Мне стало чертовски стыдно за себя, — за то, что я так легко от нее отказалась.

Я была самой ужасной дочерью, какая только могла достаться родителям.

* * *

Я была без сознания последние сутки. У меня сработала реакция на обезболивающее: уровень лейкоцитов был настолько низким, что меня нельзя было ни везти домой, ни продолжать лечение, пока они не повысятся. Если мне не сделают переливание крови, мне не смогут провести курс терапии от рака. А если я не пройду курс лечения, то, в конце концов, умру. В любом случае, мне было необходимо переливание, после чего, спустя какое-то время, мне должно было стать легче. На все это требовалось много времени, которого, ввиду того, что я стала бы угасать и слабеть, у меня могло не остаться на само лечение.

Знаю, я собиралась бороться до конца, но все это казалось бесполезным, и я пообещала самой себе, что не позволю Вону смотреть, как еще один любимый им человек превратится в неузнаваемое нечто. Я просто не хотела с ним так поступать, хотя это убивало мое сердце и ранило его самого. Но он справится, он переживет это и встретит новую любовь. И это обещание было более важным, чем то, в чем я клялась ему раньше.

Я услышала голос Вона. Его крики раздавались по всему коридору, он кричал на медсестер, которые просто следовали моим инструкциям. Я слышала боль в его голосе, который прорывался сквозь стены и разрывал мое сердце на куски. Мне пришлось напомнить себе, что все это делалось ради него самого.

— Ты уверена, что хочешь этого? — переспросил меня отец.

Я отрицательно покачала головой, но ответила все равно «да». Вздыхнув, он встал и направился в коридор.

— Я хочу ее увидеть, — умоляя, кричал отцу Вон.

— Тебе придется уйти, сынок. Ей нужен покой сейчас, и она хотела бы, чтобы ты продолжал жить дальше.

— Какого черта? — непонимающе выкрикивал Вон.

— Сэр, осторожнее с выражениями, — заметил кто-то, чей голос был мне не знаком.

— Блу... Блу, милая, знаю, что ты меня слышишь. Пожалуйста.

Под конец фразы его голос дрогнул, как и мое сердце. И когда я поняла, что больше не выдержу, ему удалось прорваться через оцепление. Он увидел, какой бледной я была: у меня не получилось спрятать темно-красные круги под глазами, которые появились у меня утром, и явные следы того, что моя борьба уже началась.

В нем что-то сломалось. Он подошел ко мне ближе, но я не могла смотреть, как разбивается его сердце, я никак не могла его спасти от этого.

— Уходи, Вон. Уходи сейчас же, — прохрипела я.

— Блу?

— Уходи! — Выкрикнула я. — Уходи. Тебе придется уйти. Все изменилось и уже не будет так, как мы мечтали. Тебе нужно вернуться на встречу и сделать так, чтобы твоя жизнь и твои мечты стали реальностью.

Он упал на колени рядом с моей кроватью.

— Ты — моя мечта. Ты — мое будущее. Все остальное не важно.

— Нас больше нет. Все изменилось. Пожалуйста, просто уйди.

У меня ручьем текли слезы, и я чувствовала, как он прижимал к себе мои руки.

— Так, сынок, она попросила тебя уйти. Может, будет лучше, если ты...

— Нет! — крикнул он отцу. — Блу, я понимаю, к чему ты клонишь. Я знаю, что ты сама не хочешь того, о чем просишь.

Послышалась какая-то возня, и я повернулась, чтобы посмотреть, что происходит. Чтобы понять, почему Вон издает странные звуки и ругается. Под руки его силой волочили из палаты два санитаря, а может, охранника. Я хотела закричать и остановить их, но это вызвало бы у Вона еще больше вопросов, а мне хотелось, чтобы он оправился и жил дальше. Пусть даже возненавидит меня, если это поможет ему перевернуть страницу.

До конца своей жизни я буду помнить его испещренное муками лицо, от которого у меня жгло в сердце и в разуме.

Вон

Я плакал и кричал всю дорогу до выхода из больницы, пока меня силой выводили охранники, чтобы усадить в мою машину. Я возненавидел свою жизнь. Я ненавидел Бога, если он есть, за то, что он так сильно возненавидел меня. Зачем он показал мне настоящую любовь, а потом так быстро ее отнял? Всего за сутки она превратилась в нечто, что лишь отдаленно похоже на девушку, которую я полюбил. Франкенштейн одерживал победу, и я ненавидел его, болезнь, всё.

Она хотела, чтобы я возненавидел и ее, чтобы жил дальше, черт возьми. Это бы сработало, но я никогда не смогу так. Я никогда не смогу проститься с ней. Никогда не попрощаюсь.

Я не знал, что можно было сделать. Если я останусь сидеть в темноте в машине, ей не станет от этого легче; это никак не убедит ее передумать и не ставить точку ни на нас, ни на своей борьбе за жизнь.

Мне нужна была помощь.

Запустив двигатель, я выехал с парковки и поехал к дому. Мне нужно попросить о помощи отца и Лорел. Я не знал, чем они могли помочь, но

больше мне некуда было пойти. Мне нужно было попасть в больницу любыми способами.

Когда я несся на большой скорости, мне в голову пришла неожиданная мысль. Если я направлю машину на обочину и врежусь в деревья, то меня заберут в больницу, а там я уже смогу найти ее. Честно говоря, эта мысль не первый раз посещала меня. Я уже думал об этом раньше, когда хоронил свою маму.

Но обратной стороной такого плана было то, что я мог убить себя и добить ее душу, а я не мог так поступить с ней. Возможно, когда-то смерть была для меня желанной, но не в тот день. Не в тот момент.

Мы оба так долго ждали нашей встречи, а теперь были не вместе, и все, что у меня осталось о ней — это несколько наших видео, воспоминания и цитата, которую я украл из ее комнаты.

Достав бумажник из заднего кармана, я бросил его на сиденье рядом с собой и попытался достать из него бумажку с ее надписью. Я слегка помял и загнул уголки, но продолжил рыться, пока не смог достать ее и прочесть.

«Я не свободна, но и не занята. Я просто в запасе для того, кто заслуживал бы мое сердце, потому что, как говорится, удача улыбается терпеливым».

Автор неизвестен

Да уж, удача улыбается, но такие люди тоже не живут вечно. Я бросил бумажку на сиденье, но она отлетела на пол. Черт.

Я слегка притормозил и нагнулся, стараясь держать взгляд на дороге и слегка подравнивая руль. Мне удалось дотянуться до листка, но не никак не получалось его схватить. Я потянулся еще и смог зажать листок бумаги между средним и указательным пальцами, а когда поднял глаза на дорогу, то увидел, что впереди был поворот, но машина уже не успевала в него вписаться.

Глава 17: Никогда не прощайся

«Любить. Быть любимым. Никогда не забывать собственную ничтожность. Никогда не привыкать к невообразимому насилию и вульгарному неравенству жизни вокруг. Искать радость в самых грустных местах. Наводить красоту в своем убежище. Никогда не упрощать то, что сложно, и не усложнять то, что просто. Уважать силу, а не власть. Прежде всего, наблюдать. Стараться и понимать. Никогда не оглядываться. И никогда, никогда не забывать».

Арундати Рой
Харпер

Я не могла перестать плакать. Я застряла с дурацким аппаратом, который, одному Богу было известно, что перекачивал через мое тело; возможно, моя борьба уже свелась лишь к борьбе со временем. Переливание не исцелило бы мое сердце, а именно оно убивало меня быстрее всего.

Отец старался поддерживать со мной разговор и убедить встретиться с Воном. Он не хотел, чтобы я сдалась, хотя я пока и не сдавалась, — я продолжала изо всех сил бороться. Я просто понимала, насколько нереальной стала победа.

Неожиданно в палату вбежала медсестра и жестами попросила отца выйти с ней. Мне показалось, что на ее бейдже было написано «Вики». В ее глазах стояли слезы. Я проводила папу взглядом, успев заметить, что он нахмурился и вышел из палаты; мне стало интересно, что еще могло пойти со мной не так.

Его не было всего минуту, после чего он подбежал обратно к моей кровати. Какие бы у него ни были для меня новости, они явно были не радостными. Совсем не радостными.

Он пытался произнести хоть слово, и в первый раз, в моих глазах остановилась жизнь. Пока он не произнес то, чего я никогда не хотела бы услышать.

На человека может обрушиться много несчастий, но есть такие беды, от удара которых вся жизнь может разлететься на осколки. Я оттолкнула свою любовь, и оттолкнула прямо в отделение неотложной помощи Канзасского Университета, куда он попал в крайне тяжелом состоянии. Я не хотела, чтобы все так вышло, это не входило в мои планы. Я кричала и причитала, лежа в постели, а папа и медсестра пытались меня успокоить. Мне и в голову не приходило, что во мне осталось так много сил, — я стала бороться, чтобы меня пустили к нему.

В тот момент мною двигал совсем не здравый смысл. Я слышала фразы «операция» и «от нас ничего не зависит», а затем кто-то попросил ввести мне успокоительное.

Перед глазами все поплыло, а затем наступила темнота; мое сознание не успело оказать сопротивление такой блокаде. Когда я вновь открыла глаза, они уже не горели так сильно, как раньше. Я увидела отца, у которого был ужасный вид. От меня отсоединили трубки для переливания, и хотя это должно было меня успокоить и вселить радость, я почувствовала панику. Все указывало на то, что я достаточно долго находилась без

сознания, и не знала, что происходит с Воном.

— Папочка? — Он вскочил в своем кресле, наклонился и взял меня за руку.

— Ангел?

— Вон?

Он сглотнул, и я поняла, что это плохо. Он кивнул, а я боролась со слезами. Господи, ну сколько можно было плакать?

— Он попал в аварию. Его машина чуть не врезалась в грузовик, но ему удалось вывернуть руль и избежать столкновения. Водитель грузовика вызвал скорую, и его привезли сюда. Его оперировали почти шесть часов, сейчас он в отделении интенсивной терапии.

Я держалась изо всех сил, чтобы не зарыдать.

— Он жив?

Отец печально улыбнулся и кивнул.

— Да, но он без сознания. Его ввели в искусственную кому, так как у него наблюдался небольшой отек мозга.

— Боже мой, — я подняла глаза, будто пытаюсь увидеть там Бога, но меня ослепил яркий свет флуоресцентной лампы. — Можно мне к нему?

— Я попробую это устроить, если ты сначала немного успокоишься. Тебе надо успокоиться. Я хочу, чтобы ты подумала о себе, и вначале сама пошла на поправку. Пойми, если ты не станешь думать о себе и перестанешь бороться, то и у него не останется причины бороться за свою жизнь. Ты меня понимаешь, Ангел?

Я кивнула, потому что знала, что его слова основываются на его собственном опыте. Я видела, что он до сих пор надеялся, что мама сражалась за жизнь ради него.

— Я каждый день надеюсь и молюсь за твою маму. Молюсь за тебя и Бенни. А теперь я молюсь и за парня, которого ты любишь. Ты нужна ему, а он — тебе. Поэтому дай отпор этой всепоглощающей боли, и я отвезу тебя в отделение интенсивной терапии, где ты сможешь ждать его, находясь рядом.

Я закивала, втягивая ноздрями воздух и стараясь успокоить слезы и сильную боль в груди. Я смогу благодаря силе, которая поможет нам вновь воссоединиться, как это и должно было быть.

Когда отец повез меня на коляске с капельницей по коридорам, я заставляла себя дышать, набирая полные легкие воздуха. Я видела боль в глазах Лорель и Люка, которые сидели в комнате ожидания с надеждой услышать какие-либо новости. Они обняли меня в попытке утешить меня, но я не понимала ни одного их слова. Все, на чем я могла сосредоточиться,

— увидеть его. Я заставляла себя не поддаваться панике, когда мы обработали себя антисептиком и прошли в отделение интенсивной реанимации, где я увидела любовь всей своей жизни: он лежал на второй кровати недалеко от главного входа. Из его тела во все стороны торчали трубки. Повсюду была кровь, а его прекрасная кожа была покрыта ссадинами и синяками, отчего мне пришлось заставить себя, чтобы не завывать. Я держалась из последних сил, потому что то, что я испытала нельзя было назвать простой болью.

Рядом с кроватью Вона сидел его отец. Он привстал, чтобы поздороваться с нами, и уныло улыбнулся, а в его глазах я заметила страх.

Наши отцы договорились сходить выпить кофе, а меня подкатили поближе к Вону, и, оказавшись рядом с ним, мне хотелось лишь забраться на кровать и лечь рядом с ним. Чтобы вместе дать отпор темноте и, держа его за руку, вывести из этого состояния обратно, чтобы у нас была та жизнь, о которой мы оба мечтали.

Я так и не сделала ничего из перечисленного. Ничего. На протяжении трех дней я приходила к его кровати и молилась. Его кожа стала выглядеть лучше, но он все еще боролся с темнотой. И причина была уже не в лекарствах, а в нем самом, — он просто ждал меня там.

В тот день мне ввели лекарство, и я была настолько слаба, что едва могла стоять на ногах, но я стала еще сильнее сражаться за него, — так сильно, как никогда прежде.

Я чувствовала, когда меня вот-вот стошнит, поэтому бегала в уборную, как старый алкоголик. И все это было ради того, чтобы меня не стали снова укладывать в постель, чтобы я отдыхала.

Меня все время навещали Картер, Эйприл и Бенни. И все они просили выйти с ними, чтобы подышать свежим воздухом, но я ни на миг его не оставляла одного. Единственный раз, когда меня не было рядом с ним, — когда у меня брали анализы и вводили лекарство.

Им пришлось силой вывезти меня на коляске, потому что я ни за что не хотела с ним расставаться. Все, что у меня было, — надежда, которая шла в противовес предписаниям врачей, и я никогда не откажусь от нее и его.

Прошло четыре дня. Я больше не нуждалась в коляске, хотя все еще была слаба, и мне приходилось прикладывать силы, чтобы быть с ним рядом. Я понимала, что для меня это будет утомительно, но я очень нуждалась в его тепле, которое побуждало меня продолжать эту битву. Через несколько минут раздался сигнал и в комнату вошла медсестра, которая подошла к его кровати и посмотрела на меня. Я подумала, что ее

взгляд отражал отвращение или злость, но я видела лишь эмоции, которые отражались на ее лице. словно в зеркале.

Она выключила аппарат.

Глава 18: Небо, земля и Синяя птица

«Мечтай так, как будто ты бессмертен. Живи так, будто умрешь сегодня».

**Джеймс Дин
Харпер**

Закат на лужайке был просто великолепен, освещение и люди в костюмах и платьях делали выпускной эффектным.

На сцене поставили большой проектор, на котором показывали видео, приготовленное Картером. Он сделал небольшое кино из разных видео, снятых в течение года, и под эту нарезку на сцене появились ученики младшей танцевальной группы, в которой я преподавала. На экране мелькали многочисленные фотографии с ним и с Эйприл, и много, где была я и Вон до того, как все перевернулось с ног на голову. Он должен был быть рядом со мной, держать меня за руку. Мне хотелось, чтобы он был там, хотелось этого, как сумасшедшей, когда я стала оглядываться по сторонам, глаза на другие парочки; но, понятно, когда в ногу вставили десяток спиц и обернули все горой гипса, то поход в мужскую уборную занимает немалое время.

Он может не торопиться, потому что перед нами вечность.

— Давайте, ребятки, — подбодрила я смущающихся танцоров, которые вышли на сцену в своих нарядах. Они были чертовски милыми.

— О чем задумалась? — спросил Вон, обнимая меня и уткнувшись подбородком в мою шею.

Я думала про мальчика на сцене, у которого хорошо получалось подкрадываться к людям, но вместо этого произнесла:

— Как бы нам поработать над идеей использовать энергию картофеля, потому что, клянусь, все это освещение, большой экран и микрофоны плохо влияют на озоновый слой и на славное будущее поколение.

Он хихикнул мне в ушко так, что мне пришлось увиливать от него.

— Ты все-таки нашла информацию в Гугле?

— Нет. Ты всегда предпочитал что-то поискать у меня в трусиках, прежде чем мне выдавался такой шанс.

Он громко рассмеялся и развернул меня лицом к себе, спутав мои волосы. Да, мои волосы. Из них сделали парик, но мне совсем не верилось, что они выглядели как настоящие, как будто это были мои родные волосы.

Было немного странно, но я скучала по своим волосам. Как и Вон. Он никогда об этом не говорил, но я знала это, особенно, когда он держал их в руках дольше, чем того требовалось, чтобы убрать волосы с моего лица. Мои волосы снова отросли, но пока они были слишком короткими, а в тот вечер мне хотелось быть красивой.

Похоже, Полли была права: они снова выросли, но уже стали другого цвета и текстуры, и поначалу они мне не нравились. Я избавилась от них, а спустя время они снова выросли, и тогда я решила их оставить. В конце концов, это были всего лишь волосы. Я рада, что я прошла половину курса лечения, и оно помогло мне хорошенько надрать задницу Франкенштейну.

В тот день я впервые надела парик вне дома. Мы не попали на выпускной бал, но для нас это и не было главным. Мы вместе, и впереди у нас лежит целая жизнь.

Несмотря ни на что, Вон получил тот контракт на выращивание органической скотины, а с помощью Винни, Эда и его отца это дело стало укрепляться. Вона убивала мысль, что он пока не мог помогать физически, как он привык это делать, — его плечо было в гипсе и пока не зажило достаточно хорошо, но я успокаиваю его словами, что это не навсегда.

Я пока не могу танцевать, но мне очень нравится преподавать танцы своим ученикам. Эйприл помогает мне справляться, и в данный момент устроила погоню за трехлетней малышкой в пачке вокруг сцены.

Я любила свою новую жизнь. Она не была совсем безоблачной, но у кого в жизни не бывает трудностей?

— Могу я попросить тебя кое о чем? — спросила я.

— Пас.

Я моргнула и сделала небольшой шаг назад, но он продолжил держать меня в объятиях. В последнее время он не выпускал меня из своих рук, и я думала, что, возможно, он будет так делать всегда.

— Ты не можешь пасовать.

— А вот и могу. В этом и заключается все дело, помнишь?

— А что, если я в любом случае задам вопрос?

— Ты не станешь, — как ни в чем не бывало произнес он, вызвав у меня смех.

— Думаешь, ты настолько хорошо знаешь меня?

— Блу, я тебя знаю. У нас с тобой одна душа на двоих. Не будет ничего, что можно от меня утаить, пока на это будет воля Божья.

Мне пришлось подавить слезы и откашляться, прежде чем снова прильнуть к нему и крепко обнять.

— Сегодня я хочу сделать тебе подарок к выпускному, — сказал он, и

после этих слов я поняла, почему они с Картером куда-то спешили утром, оставив нас с Эйприл одних.

— Что же?

Он снял пиджак и вытащил из брюк рубашку, немного хмурясь из-за боли в плече, на котором ему недавно делали операцию, и в мягком мерцании света я увидела часть тату. Ему пришлось хорошенько приподнять рубашку, почти до груди, чтобы я смогла ее рассмотреть: там была прелестная маленькая синяя птица, сидевшая на ветвях деревца бонсай.

— Дерево символизирует гармонию небес и земли, и теперь ты на ветвях бонсай, и ты со мной, и не важно, где мы будем, пока мы вместе. Я люблю тебя, Блу.

На этот раз мне не удалось сдержать слезы, которые полились ручьем, я стояла и моргала, пытаюсь окунуться в глубину его прекрасных глаз. Я произнесла то, что однажды уже говорила ему:

— Я люблю тебя больше.

От его улыбки в моем животе запорхали бабочки. Я обожала это чувство. Теперь оно было мне знакомым. Оно всегда было со мной, когда он находился рядом. Оно напоминало, что с нами случилась история любви.

Стоя там, в окружении музыки, он протянул руку, чтобы поправить выбившуюся прядь моих волос, и, заправив ее за ухо, провел пальцами по моей щеке, на которой остался след от слез.

— Я полюбил тебя первым.

— Твоя взяла.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Благодарности

Венди Ньюман Вилкен, спасибо тебе, Олбани навсегда в моем сердце. Без тебя «Никогда не прощайся» не стала бы моим любимым творением. Я люблю тебя, Чудо-Женщина.

Шелли Пратт, Мастер, спасибо тебе за бесконечную помощь, проклятья и советы, без которых я бы сломалась.

Кузнечик готов выпуститься.

Эмили Доусон, ты — гений!

Огромное спасибо моей замечательной семье, которая терпела меня и мой ноутбук, Тоби, каждый день.

Я люблю тебя больше, чем свою вымышленную семью. Я обещаю!

Отдельное спасибо Мику, за то, что знал, что мы предназначены друг другу с момента первой встречи и за то, что слишком упрям, чтобы бросить меня. Я люблю тебя пуще прежнего!

Notes

[

← 1

]

«Nerf» (с англ. Нерф) — бренд игрушечного оружия, основан в 1969 году и в настоящее время принадлежит Hasbro. Все «пушки» Нерф, называемые Н-ганами, объединяет общая черта: они стреляют патронами из легкого пенистого материала.

[

← 2

]

«Доктор Любовь» — человек, соблазняющий и бросающий женщин.

[

← 3

]

«Неходжкинские лимфомы» (НХЛ) — это рак лимфатической системы.

[

← 4

]

«Suzuki Motor Corporation» — японская машиностроительная компания.

[

← 5

]

Сайлоны — вымышленная кибернетическая цивилизация, ведущая войну с человеческими Двенадцатью колониями Кобола в вымышленной вселенной телесериала «Звёздный крейсер "Галактика"».

[

← 6

]

«Звёздный крейсер "Галактика"» — американская фантастическая медиафраншиза, включающая в себя несколько фильмов и телесериалов.

[

← 7

]

Кенни Роджерс — американский кантри-певец и киноактёр.

[

← 8

]

Гарт Брукс — американский исполнитель кантри-музыки.

[

← 9

]

Нэнси Дрю — литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах мира. Была создана Эдвардом Стратемаэром, основателем книжного издательства «Синдикат Стратемаэра».

[

← 10

]

Бум-чика-вау-вау (англ. boom-chucka-wah-wah) — звукоподражание (то есть слово, которое пишется как звук), которое предположительно относится к игре на гитаре в 70-х во время сольной импровизации в порно. Обычно, это музыка, которая звучала, когда действие только начиналось. Оно использовалось в субкультурном контексте для обозначения любой подобной порно или порно ситуации.

[

← 11

]

Песочный человек, Сеятель, Песочный человечек (англ. Sandman) — фольклорный персонаж, традиционный для современной Западной Европы. Согласно поверьям, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать. Образ Песочного человека может иметь как положительную окраску — это доброе существо, успокаивающее шалунов и навевающее добрые сны, — так и отрицательную — это злое, враждебное существо, навевающее непослушным детям кошмары. А также серия комиксов, созданная по сценарию Нила Геймана. Выпуском комикса занималась компания Vertigo, принадлежащая издательству DC Comics.

[

← 12

]

«Бен 10» (англ. Ben 10) — американский мультсериал про десятилетнего Бена Теннисона, его двоюродную сестру-ровесницу Гвен и их загадочного дедушку Макса, производится компанией Cartoon Network

Studios и творческой группой «Man of Action» (в составе Дункан Руле, Джо Кэйси, Джо Келли и Стивен Ти Сигал).

[

← 13

]

«Черт побери» (англ. Frack) — вымышленная версия бранного слова «Fuck» из телесериала «Звёздный крейсер "Галактика"».

[

← 14

]

Этта Джеймс (урождённая Джеμισетта Хокинс; 25 января 1938 — 20 января 2012) — американская блюзовая и R&B певица.

[

← 15

]

«Перл Джем» (англ. Pearl Jam) — американская рок-группа из Сиэтла, Вашингтон, основанная в 1990 году, стиль игры которой можно классифицировать как грандж. Является одним из самых популярных музыкальных групп стиля грандж, к которым также относятся «Alice in Chains», «Soundgarden» и «Nirvana».

[

← 16

]

Бенджамин Чейз Харпер — американский певец, композитор и мульти-инструменталист. Харпер играет эклектронную смесь блюза, фолка, соул, регги и рок-музыки и известен своими навыками игры на гитаре, вокалом, живыми выступлениями и активностью.

[

← 17

]

Банши — фольклорный персонаж: привидение-плакальщица, чьи завывания под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть.

[

← 18

]

Медведь — игрок футбольной команды Chicago Bears.

[

← 19

]

«Hy-Vee» (с англ. Хай-Ви) — американская торговая сеть супермаркетов.

[
← 20
]

«Radioactive» — песня в исполнении Imagine Dragons.

[
← 21
]

«СМЦ» — сокр. от Северо-западный Медицинский Центр (англ. Northern Medical Centre).

[
← 22
]

Большая буква «Р» (англ. big C) — сокращенный диагноз рака в мед.карте.

[
← 23
]

«MFA Incorporated» — региональный холдинг по поставкам и обеспечению более 45000 фермерских хозяйств на Среднем Западе. Корпорация предлагает лучшие продукты, и самые современные услуги в обеспечении фермеров, через MFA Agri Services, филиалы и деловых партнеров.

[
← 24
]

«Стэтсон» (англ. Stetson) — всемирно известный бренд головных уборов.

[
← 25
]

«Джо-Энн» — крупнейшая сеть магазинов по продаже тканей и принадлежностей для рукоделия.

[
← 26
]

Бетти Крокер (англ. Betty Crocker) — вымышленный персонаж, используемый в рекламных кампаниях еды и рецептов.

[
← 27

]

«Warrior» — название футбольной команды.